

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1979

**ВОЛШЕБНЫЕ
ПАРУСА
ДЕТСТВА**

НОВАЯ РУБРИКА

С нами
говорит Ленин

Дорогой читатель!
Ровно через год исполняется 110 лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Вся страна, каждый из нас все свои помыслы и деяния, творчество и самосовершенствование сверяют по ленинским заветам. С этого номера мы открываем на страницах журнала новую рубрику — «С нами говорит Ленин». Каждый из материалов этой рубрики будет основываться на бесценных фотографиях, которые донесли до нас дорогой образ вождя и позволяют нам представить его в са-

мые разные моменты жизни и деятельности.

Революционная история, к сожалению, сохранила очень мало драгоценных фотостраничек Ленинианы — запечатлели буквально считанные мгновения из сотен и тысяч послеоктябрьских дней жизни вождя, наполненных титаническим трудом, предельным напряжением мысли и духа. Обратимся к этим уникальным документам, прикоснемся еще раз к бытию пульса ленинской жизни. Вглядимся, вслушаемся: Ленин говорит с нами. О революции и марксизме, о власти и деятельности, о труде и просвещении, о настоящем и мечте...

Наши встречи-беседы мы начинаем с темы революции, с первого Октябрьского торжества в столице, с кадра, который запечатлел Владимира Ильича на праздничных трибунах Красной площади 7 ноября 1918 года.

Не было ни одной социальной революции, где бы трудящиеся не стремились обрести надежную опору, создать свой государственный аппарат. Стремилась к этому и Парижская Коммуна, но сумела обеспечить успех лишь на короткий срок. Власть Советов встала прочно, и потому реальна и решительна была ее диктатура.

Однако сила ее — не в железной только руке, а и в мудрости: нужно быть беспощадным к врагам революции, но необходимо проявлять сугубо чуткое внимание к ее союзникам, попутчикам и сочувствующим. Советская власть не торопится декретировать социализм сразу и повсеместно; социализм должен сложиться: на производстве — по мере упрочения авторитета рабочих масс, на земле — по мере вызревания коллективистских начал. Не обгонять развития масс, разъяснял вчера на съезде Владимир Ильич особо нетерпеливым, а дожидаться, пока из собственного опыта этих

Валентин ЧИКИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Слово о революции

“МЫ БЫЛ

Если бы в сознании нашем не запечатлелось до мельчайшей черточки родное лицо Ильича, если бы даже вовсе не случилось нам видеть его на портретах, мы непременно сразу бы выделили ленинское лицо в этом кадре истории: оно живет здесь особым светом жизни — светом мысли, волнения и мечты. Конечно, это правда, что Владимир Ильич, предельно демократичный по натуре, избегавший всяческой эффектности, броскости, предпочитал быть неузнанным, даже раствориться в толпе, нежели принимать ее шумные знаки внимания. Но правда и то, что его захватывали всполохи счастья, душевного подъема, взрыв чувств, и тогда лицо его озарялось подлинным вдохновением. Октябрьские дни первой годовщины революции были, по наблюдению Надежды Константиновны, «одними из наисчастливейших дней в жизни Ильича».

...С самого раннего утра рабочий кабинет в Кремле выглядел совсем не по-рабочему — то и дело заглядывал кто-нибудь из товарищей: ликующий вид, взволнованные поздравления, восторженно-победные возгласы. В половине десятого были уже у Большого театра — колонна делегатов VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов готова к манифестации. Краткая церемония на открытии временного памятника Марксу и Энгельсу на площади Революции. С «Интернационалом» и «Марсельезой», под громы оркестров — сколько их стеклось! — двинулись к Кремлю.

Красная площадь сказочно разукрашена: сплошь кумач, пестрые декорации, футуристические плакаты; солнце, яркое, но прохладно-колючее сегодня, может позавидовать своему гигантскому изображению на кремлевской стене. А в центре этого полудиска-подсолнуха еще одно солнце в руках аллегорической белокрылой фигуры — солнце Октябрьской революции... Теперь нужно подняться на высоченную трибуну по крутой, как на корабле, лестнице и сказать о нашей победе, о неизмеримо огромном ее значении.

МЫ ПОБЕДИЛИ... Чтобы уяснить реальное значение этих слов, надо проанализировать ход революции, надо по крайней мере, как сказал он вчера делегатам на съезде Советов, бросить взгляд на тот путь, который она прошла. Еще за полтора месяца до переезда

правительства в Москву, когда оно должно было представить свой первый отчет высшему органу власти, еще тогда Владимир Ильич, сравнивая Республику Советов с Парижской Коммуной, пришел к выводу: власть парижских рабочих, просуществовав 70 дней, пала под пулями своих врагов, власть пролетариата России, миновав этот временной рубеж, укрепились — таково новое соотношение классовых сил, таковы гигантские успехи международного революционного движения. Один из возражателей сказал тогда, на III съезде: Парижская Коммуна может, мол, гордиться, что во время восстания парижских рабочих в их среде не было насилия и произвола. Да, но нет сомнения и в том, что Коммуну постигла трагедия именно потому, что первая диктатура пролетариата не смогла в нужный момент действовать вооруженной рукой. И этот урок нужно усвоить навсегда! Иначе утверждал пролетарскую диктатуру Октябрь. Рабочий класс России сумел перевести эту неведомую ранее «книжную латынь» на понятный русский язык, на язык практического действия.

Какое наследство мы получили в октябре семнадцатого? Нищенское хозяйство, разрушенную культуру, отчаявшуюся интеллигенцию и тьму хозяйчиков-одиночек, которые ни малейшего понятия не имели о солидарной работе и вовсе не собирались ставить крест на прошлом. Надо было пробудить их от вековой спячки к желанию перемен, от упований на «указку сверху» к самостоятельному управлению.

В первое время часто прибывали в Совнарком делегации с запросами — как-де им поступить с такой-то землей, с таким-то имуществом. И дело носило иной раз настолько специфический, местный характер, что сам председатель оказывался в затруднении дать конкретный ответ. Но он всякий раз говорил им:

— Вы — власть, делайте все, что вы хотите делать, берите все, что вам нужно, мы вас поддержим, но заботьтесь о производстве, заботьтесь о том, чтобы производство было полезным. Переходите на полезные работы, вы будете делать ошибки, но вы научитесь.

Большевики ставили цель: вовлекать в советскую работу все новые и новые массы, пусть все — неграмотные и неумеющие, партийные и непартийные — получают возможность работать и учиться, управлять пролетарским государством и создавать богатства.

масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед.

Взять ту же «социализацию земли» — идею уравнительного землепользования, подтвержденную знаменитым Декретом о земле, — она ведь не отвечала программным установкам коммунистов, но они не навязывали крестьянству своих взглядов, не шли наперекор тому, что требовала масса, наоборот, поддержали ее требования, а дверь для переустройства деревни на социалистических началах оставили открытой — пусть крестьянин сам сделает следующий шаг.

...В этот день на Красной площади присутствует немало крестьян. Помимо посланцев российской деревни — делегатов съезда Советов, представителей комбедов, — прибыли делегации из ближайших губерний: Орловской, Тамбовской, Тульской. В праздничном шествии колонны краснопресненцев одна из ал-

ки под тяжелой ношей, даже служители прилавка, даже изделия мясников и пекарей — вот эти дразнящие всех румяные калачи... Идет рабочий люд, идут красноармейцы и крестьяне. «Интернационал» монолитно единит их шаг, их устремленный порыв: «Это есть наш последний и решительный бой...»

Да, мы говорим: наш последний и решительный. Но и господа эксплуататоры давно поняли, что дело идет к их «последним и решительным битвам». И они готовы поставить на карту все, чтобы выиграть их. Разве история социализма, французского в особенности, не говорит о том, на какие неслыханные преступления решаются правящие классы, когда им надо сохранить денежные мешки?..

Но мы работали год недаром, мы подвели фундамент под наш новый дом, мы подошли к решительным битвам... И можем себе представить вместе с

сказать, в преддверии Парижской Коммуны: «Я твердо убежден, что, хотя первый толчок будет исходить из Франции, Германия гораздо больше созрела для социального движения и далеко обгонит француз». Но что особенно знаменательно — в этом же письме Маркс делится своими впечатлениями о только что прочитанной книге Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России». «Из его книги неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не может дольше продолжаться, что отмена крепостного права в сущности лишь ускорила процесс разложения и что предстоит грозная социальная революция». Отсюда же Маркс выводит и реальное обоснование тому нигилизму русского студенчества, который получил широкое распространение.

Между прочим, он сообщает Энгельсу, что в Женеве образовалась группа русских политических эмигрантов, которая поддерживает программу Интерна-

объясниться с итальянскими, французскими и немецкими коммунистами, он обратится к ним с письмом и будет терпеливо убеждать: без пролетарской диктатуры вам, дорогие товарищи, не защитить трудящихся от гнета капитала, от насилия военной диктатуры буржуазии, от империалистических войн. «Диктатура пролетариата, — скажет он поборникам «демократизма», — есть единственный шаг к равенству и демократии на деле, не на бумаге, а в жизни, не в политической фразе, а в экономической действительности».

...Диковинным кажется, что по площади движутся живые клумбы — это автомобили выстроились в колонны. Клумбы вдруг широко распахиваются и улыбаются детскими лицами. Ильяч тоже улыбается: детям революция привет!

Сердечность его улыбки — зеркало всей его человеческой сути. Он избегал говорить о любви, но сердце его было переполнено любовью ко всем угнетенным и борющимся. Именно эта огромная любовь двигала им, заставляла самоотверженно отдать свою жизнь служению людям. По мнению А. В. Луначарского, он открыл возможность опоры революции на крестьянство, на народы колониального Востока не только потому, что это подсказал ему его марксистский ум, но и потому, что ему это подсказало великое человеческое сердце.

— **МЫ СОБИРАЕМСЯ** сегодня на десятки и сотни митингов, чтобы праздновать годовщину Октябрьского переворота... — так Владимир Ильич начал свою первую речь на первом юбилее революции. И хотя, как известно, он не любит юбилейных и торжественных заседаний и речей, — к октябрьскому празднику у него отношение особое, конечно, вовсе не юбилейное.

Перечитаем еще раз октябрьские выступления Владимира Ильича. Они постоянно призывают нас «вдуматься в значение и цели совершенного», «учесть опыт» и «лучше подготовиться к его дальнейшему развитию». «В дни празднеств, в дни нашего победного настроения... — подчеркивает Владимир Ильич, — мы должны проникнуться тем трудовым энтузиазмом, той волей к труду, упорством, от которого теперь зависит быстрее спасение рабочих и крестьян, спасение народного хозяйства».

Именно октябрьский рубеж считал он рубежом анализаторского смотра, тщательного анализа всех недочетов, ошибок и препятствий. Вспомним знаменитое: «Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее». Тем более необходимо и уместно «подобное отпразднование» в тех случаях, — считает он, — когда не решены коренные задачи, когда требуется усвоить нечто новое.

С первого же октябрьского шага он формулирует тот ключевой принцип партийного подхода в оценке достижений, который, как мы увидим, приложим ко всем этапам жизни:

— ...Не довольствоваться тем меньшим, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непрерывно дальше*, добиваться *непрерывно большего*, переходить *непрерывно* от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве.

...Несколько часов продолжается триумфальное шествие по Красной площади. Пройдут своим первым октябрьским парадом и красноармейцы, процокают по брусчатке конница, прогромяхают артиллерия, советские авиаторы засыплют площадь дождем листовок... Через две недели Владимир Ильич вновь переживет эти минуты народного ликования — его пригласят на просмотр киноотчета в «Кино-Арс». А наши современники возьмут эти кадры за отправную точку в великой биографии Октября, который назовут Русским чудом.

ИЛЬИЧСКРОЙ

легорий, встреченная с энтузиазмом, оказалась весьма красноречивой: на телегах — крестьянки и солдаты еще скованы цепями, а за ними Свобода, разорвавшая цепи... Владимир Ильич не удержался, воскликнул: «Красной Пресне привет!»

Итак, революция прокладывает свое победное начало. Каковы же основные социальные маршруты? Вот как мы шли:

— от рабочего контроля — к рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе;

— от общекрестьянской борьбы с помещиками — к выделению пролетарских элементов для борьбы с кулацкой буржуазией;

— от беззащитности — к созданию могучей Красной Армии;

— от первых самостоятельных шагов советской организации — к ее укреплению в общегосударственном масштабе и до первой Советской Конституции...

Да, мы имеем свою Конституцию. Она не выдумана, не сочинена юристами, не списана с других конституций, да в мире и не бывало еще таких. В ней — опыт борьбы пролетарских масс против эксплуататоров...

Смешно вспомнить: буржуазные прощальники в октябре 1917-го давали большевикам «на царствие» две недели — считали нашу республику курьезом. Через сто дней они уже называли это социалистическим экспериментом, с которым вообще-то не стоит считаться. Потом они спохватились: Советская республика перестала быть для них и курьезом и экспериментом, она стала очагом, настоящим, фактическим очагом всемирной социалистической революции.

...На Красной площади ликующими потоками бурлят праздничные колонны демонстрантов. А над ними, споря красками и выразительностью сюжетов, плывут картины-символы мирного труда и жизни: химики в белоснежном одеянии, печатники у своих машин, грузчи-

ками под тяжелой ношей, даже служители прилавка, даже изделия мясников и пекарей — вот эти дразнящие всех румяные калачи... Идет рабочий люд, идут красноармейцы и крестьяне. «Интернационал» монолитно единит их шаг, их устремленный порыв: «Это есть наш последний и решительный бой...»

Лениным, который, обращаясь к делегатам VI съезда Советов, говорил:

— Если бы случилось, что нас вдруг смело бы, — предположим, что наступил бы конец нашей деятельности, но этого не может быть: чудес не бывает, — но если бы это случилось, мы имели бы право сказать, не скрывая ошибок, что мы использовали тот период времени, который судьба нам дала, полностью для социалистической мировой революции. Мы все сделали для трудящихся масс России, и нами сделано больше, чем кем бы то ни было, для мировой пролетарской революции.

...К центру площади приближается автомобиль с огромным глобусом — и на земной шар как бы падают блики того солнца с кремлевской стены, которое художник образовал из слов «Октябрьская революция».

МЫ НЕ ОДИНОКИ! — это Владимир Ильич видел, когда Советская республика не достигла еще и возраста Парижской Коммуны. Все чаще, все жарче вздымаются из горнила классовых битв огненные языки революционной стихии. Во всем мире пролетарии все отчетливее сознают, что в России делается их общее дело. Живой пример, реальный социалистический успех действуют во сто крат сильнее, чем всякие прокламации и конференции. Отсюда — братская солидарность, практическая помощь и следование примеру... Вот вам и аргумент истории — не фантазией кабинетных ученых была наша теория, не оторванная от жизни мечтой.

Скажут, революционный почин сделан не тем флангом — ведь основоположники научного коммунизма представляли себе дело так, что «француз начнет, а немец доделает». Сложилось иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, возникло иное сочетание сил международного социализма. Легче оказалось разорвать цепи рабства в странах, не относящихся к числу крупнейших хищников. Российскому пролетариату выпала честь стать авангардом международной социалистической революции. «Русский начал, — резюмирует Владимир Ильич, — немец, француз, англичанин доделает...»

На этой мысли хотелось бы задержаться для небольшого примечания. «Француз начнет, а немец доделает», — Маркс рассуждает об этом в одном из своих февральских писем к Энгельсу, написанных за год, можно

цинала. А через месяц Маркс получит письмо от этой группы молодых последователей великих революционных демократов Чернышевского и Добролюбова с горячей просьбой представлять их интересы в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих. И вскоре, когда образованная Русская секция будет принята в Интернационал, Маркс возьмет на себя обязанность быть ее представителем в Генеральном Совете... Это было за месяц до рождения Ленина — 22 марта 1870 года...

В различные периоды истории то один, то другой отряд международного пролетариата приступал к непосредственному штурму «капиталовых твердынь», но не приходил решающий успех, ибо не удавалось благоприятнейшим образом сочетать максимальное количество условий. Они сложились именно в России, и цепь была прорвана на фланге царизма. Ожидались новые прорывы. Но «судьба осудила» большевиков «на одиночество». А вскоре стало очевидно: различные по степени вызревания революционные процессы не могут сразу же выплеснуться на баррикады.

Пройдет второй год Октября, третий — и Владимир Ильич припомнит:

— ...Когда мы сидели в Смольном, восстание петроградских рабочих показало нам, что оно более единодушно, чем мы могли ожидать, но, если бы в ту ночь нам сказали, что через три года будет то, что есть сейчас, будет вот эта наша победа, — никто, даже самый заядлый оптимист, этому не поверил бы. Мы тогда знали, что наша победа будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир... После трех лет оказывается, что мы неизмеримо сильнее...

Большевизм крепнет, развивается, приобретает мировой масштаб...

Взявшись именно сейчас, по истечении первого октябрьского года, всесторонне — теоретически и, можно сказать, экспериментально — исследовать коренной вопрос революции — вопрос о пролетарской диктатуре, Ленин раскрыл ее глубинно-демократическую суть и необходимость, разрушил коварные лабиринты эклектизма и софистики ренегатов, с научной обстоятельностью выявил громадное интернациональное значение большевизма, пришел к выводу, что большевизм годится как образец тактики для всех стран.

А чуть позже, когда возникнет нужда

В. И. ЛЕНИН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ ВО ВРЕМЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ, ПОСВЯЩЕННОЙ I-И ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 7 НОЯБРЯ 1918 ГОДА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1246) АПРЕЛЬ 1979

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА

Наша обложка:
ВОЛШЕБНЫЕ ПАРУСА
ДЕТСТВА.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

(Очерк о музее Алекса
ндра Грина на 16-й страни
це).

1 НОВАЯ РУБРИКА: С НАМИ ГОВОРIT ЛЕНИН.
Валентин ЧИКИН. лауреат премии Ленинского комсомола.
«МЫ БЫЛИ ИСКРОЙ».

2 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Аркадий КАНЬКИН. «ЗА ШАГОМ ШАГ».

3 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

4 К 50-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СОРЕВНОВАНИЯ. «ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!».

6 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ.
ПРОБЛЕМЫ. ЛЮДИ. «ТЕПЛО ИДЕТ С СЕВЕРА».
Круглый стол «Смены».

9 Рассказы Валерия ИСАЕВА.

11 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

12 БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ.
Президент АН УССР Б. Е. ПАТОН.
«ТРУДОВОЙ СТАЖ МЕТАЛЛА».

16 Ольга ВОРОНОВА.
«...И ФЕЕРИЧЕСКОЕ ВОЛШЕБСТВО СКАЗКИ».

19 Александр ГРИН. «НЕДОТРОГА».
Стихи Шагиля МАХМУДОВА.

20 Игорь КОНСТАНТИНОВ. «НА ТИХОЙ УСМАНЬ».

22 АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

24 Андрей ЛЕВИН. «КРОВАВЫЕ ИЕРОГЛИФЫ ПЕКИНА».

27 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Артур КОНАН-ДОЙЛЬ. «МАСТЕР ИЗ КРОКСЛИ».

31 Юмористический рассказ Владислава ПОБЕДОНОСЦЕВА
ВЕНДЕТТА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда» — Смена — 1979 г.

Фестиваль поэмы

Аркадий КАНЬКИН

ЗА ШАГОМ ШАГ

От старта отползли машины.
И, словно каменным плечом,
качнул весенние равнины
раскатистый ракетный гром.
И грохот стлался по земле,
примяв траву, катился в дали.
И самописцы отмечали
на лентах щелканье реле.
Скользнули мягко по экранам
радаров узкие лучи.
Примолкли авторы программы,
телеметристы и врачи.
Звучат отрывисто команды.
И мысль одна в умах людских
клокочет: «Все идет как надо».
Мы долго ждали этот миг!

Неуловимое чуть-чуть—
и к новой тайне от раскрытой
по голубым виткам орбиты
отправятся ребята в путь.
И распахнется высота,
когда помчит в равнинах сонных
корабль—рабочих и ученых
овеществленная мечта!

Давно предвидели они,
ведя настройку и расчеты,
его орбиту и огни,
кипящие в мгновенье взлета.
И это пламя как маяк
им из грядущего светило.
И люди, не жалея силы,
шли к запуску—за шагом шаг.

За шагом шаг... Будил сигнал
в лабораториях приборы.
Миниатюрные моторы
пинцетом мастер собирал.
И датчику волосной
он проводник вживлял, как вену.
В соседнем цехе бился в стены
турбин басинье громовой.
Когда бы, правнучки Левши,
не ваши знания и руки,
что все фантазии науки
и сказочные чертежи!
И сколько тысяч нужно вас,
во всех ремеслах ювелиры,
чтоб вы такое чудо миру
смогли преподнести сейчас!
Орбиты множества людей—
их судьбы, знания и планы
переплетались неустанно
в просторах Родины моей.
Как сотни рек бегут в Байкал,
собою озеро питая,
чтоб Ангары волна крутая
пробила русло среди скал,
так на земле в сердцах людских
рождалась трасса неземная,
минутою старта приближая
за шагом шаг, за мигом миг.
И как волокна—в прочный жгут,
усилить тысяч перевиты
в одну гигантскую орбиту.
И космонавты взлета ждут!

Одно мгновенье—и вперед!
Возникло и разлилось в теле
предощущение высот
и близости огромной цели.
Несокрушимая мечта
ребят на верность проверяла,
земными трассами труда
ведя к ракетному причалу.

Спасибо космосу—полней
умеет, как ничто другое,
он высветит в сердцах людей
все наше самое людское!
Узнав про старт очередной,
кто не испытывал, скажите,
и жажду знаний и открытий
и чувство гордости собой!
Собой—за то, что мы дерзнули
дать кораблю такой разбег.
За то, что в том ракетном гуле
мы слышим имя ЧЕЛОВЕК!

Я твердо знаю, где исток
и от каких причин зависим
был человечества рыбок
к космическим зовущим высям.

Был прежде нужен взлет—какой
ученым в технике не снится,—
великий взлет души людской,
стремительный, как свет зарницы
октябрьской ночью над Невой.

И выпало моей державе!
о братстве ленинскую мысль
из дивной сказки сделать явью—
вот взлет в космическую высь!

Что ж, дайте срок, через провалы
космических пространств немых
мы примем дальние сигналы,
пришедшие с планет иных.
И, в глубь миров быстрее ветра
летя в межзвездном корабле,
поймем отчетливой и резко:
начало было на Земле!
Моя Земля! И вижу я
не всей планеты лик глобальный,
но отчий край: извию ручья
у корня ивушки печальной.
Ромашковая пестрота
приволжской влажной луговины.
Дыханье теплое куста,
дубы, седые, как былины.
Как можно не любить такое:
идешь по утренней тропе,
и ель колючей росной хвоей
прильнет, как девушка, к тебе.
С вершин сосновых хлынет солнце,
на Волге вскрикнет пароход.
И словно кто-то засмеется
из-за сосны—и позовет.
Мой край! В его лицо родное
смотрю, и тихо говорит
душа земли с моей душою.
А Волга вечная бежит.

Бежит сквозь доли и столетья
в зеленый сумрак вечеров.
Над нею раздувает ветер
огни огромных городов.
Их отблески, как будто шелка
светящиеся лоскуты,
мерцают на буграх воды,
поющей песню без умолку.

Что стало бы с людьми однажды,
что стало бы с землей моей,
когда б не вековая жажда—
знать больше, глубже и полней!
За шагом шаг—где ждут, маяча
призывно, тайны, за предел
известного. Вперед, кто смел!
Пылливость и самоотдача—
горючее ракет и дел.

Так мы живем. Мы видим звезды!
И не завидую тому,
кто, глядя в космос, видит тьму.
Пусть отойдет, пока не поздно.

За шагом шаг—мы долго шли.
За шагом шаг—к добру и свету.
Ждут звезды нас! И, зная это,
мы с Красной площади планеты
к ним запускаем корабли.

Конкурс одного стихотворения

Сергей РЫБАЛКО,
журналист,
Ессентуки

О Ленине

Пройдут века. Исчезнет зло.
Людская кровь не будет литься.
Но доброта его, тепло
В других улыбках повторится.

Сергей ТЕРКИГИН,
рабочий,
Чукотка

Мимо белых кочевий,
открытая всем ветрам,
на север спешит, на север
красавица Омваам.
Катит тугие волны
неукротимой воды.
Дали к ней благосклонны,
горы ею горды.

Длинка,
как аргиш олений,
бурлива и глубока,
вот так и вошла в легенды
древняя эта река.
Веселой полна работы,
она все сильнее,
синей,
быстро несут ее воды
сияние летних дней.

Владимир РОДИОНОВ,
инженер,
г. Чугуев

Мой дом

Мой дом к врагам стоит углом,
К друзьям—крыльцом,
И двери—настежь.
Его не сторонилось счастье,
Да и беда бывала в нем.
Мой отчий дом стоит на том,
Чтоб не бывать войне, тревогам.
Друзья, не стойте на пороге,
Входите в светлый отчий дом!

Валентина ЛУКСТИНА,
учительница,
г. Джамбул

Первый кольшечек

Утром ясным,
Весенним утром
Вбили кольшечек
В землю по грудь—
Так, как будто
Сказали твердо:
Ты здесь, кольшечек,
Первым будь!
А от кольшечка,
Как от зернышка,
Протянули строители
Шнур.
И гордились им
Степь да солнышко,
Когда крылья обрел
Байконур.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Зоя КОЛОСОВА,
журналистка,
Горьковская обл.,
с. Дальнее Константиново

На Родине

Дышать так мерно, как струна,
что ждет смычка касанья.
Знать верно: крепко влюблена
в траву и в эти зданья.

Вот в эту тишь среди полей,
которая свивает стаи
грачей и галок; в сень ветвей,
что окропляет дали.

И, шалей подобрав концы,
там, на обочине, на взгорке,
хоть и отъедешь три версты,
березки—нежные сестренки—

все вслед тебе глядят, глядят...
А возвращаешься—встречают,
так мило, весело бранят
и так по-русски привечают.

Игорь АГАФОНОВ,
химик,
Новокузнецк

Листопад

Всему на земле придавая значенье,
В преддверии осени тихо стою.
Мне кажется, что листопада свеченье
Всю жизнь освещает былую мою.

Одно для меня навсегда несомненно,
Как речка предзимняя в сизой шуге:
Не смогут сковать ни уют и ни стены
Любви неизменной к сибирской тайге.

Несметные тучи нагнали ненастье,
Но с ним повстречаться не страшно
и впрямь.
Какое спокойное, тихое счастье—
На лес опадающий молча смотреть!

Александр ЖУКОВ,
механик,
Москва

Девочка, как речка.
Вечер над Псковой.
В русое колечко
лучик завитой.

Сладко пахнет липой.
Не нужны слова,
где с рекой Великой
обнялась Пскова.

Наши судьбы—реки,
быстрая вода.
Разошлись навеки.
Знать бы,
кто куда?!

Девочка из Пскова,
сквозь течение дней
ты сияешь снова
в памяти моей.

Сквозь другие лица
чистый образ твой
светится, струится
речкой ключевой.

Сладко пахнет липой.
Ты во мне жива,
как в реке Великой
девочка-Пскова.

Евгений РОСТУНОВ,
грузчик,
г. Грозный

Лесорубы

Сосны с кедрами—их владения.
Их маршруты—пади с болотами.
Им почтовые отправления
Доставляются вертолетами.
Эти парни собой не хвалятся.
Труд горячий, как воздух, нужен им.
Корабельные сосны валяются,
Повинуясь рукам натруженным.
Звонких пил блестящие лезвия...
Руки их не кажутся грубыми...
Эти парни—сама поэзия,
И зовутся они лесорубами.

Александр СЕМЕНОВ,
токарь,
Комсомольск-на-Амуре

Мне не надо роскошных хором.
Дайте батькин бревенчатый дом,
Дайте поле, да сопки, да лес,
Да неяркое солнце небес,
Дайте друга до смертного дня—
И не будет счастливей меня.

Николай МЕРЗЛЯКОВ,
оперативный дежурный,
Москва

В лугах росистых

В лугах росистых—
Зари сверканье.
Коней росистых
Я слышу ржанье.
Здесь, в отчий сини,—
Простор, свобода,
И вкус полыни
Здесь слаще меда!

Карина ПЕТРОВСКАЯ,
сотрудник НИИ,
Симферополь

Березовая роща

Почему мне здесь легче и проще,
Чем в других уголках планеты?
Может быть, в стволах твоих, роща,
Скрыт источник могучего света?
Здесь стволы, как трубы органа,
Здесь играет лишь вольный ветер,
Этой музыки, сильной и странной,
Ничего нет прекрасней на свете.
Мне бы слушать ее и слушать
В этой роще под куполом синим
И понять до конца твою душу,
Твое светлое сердце, Россия!

Геннадий ЗАВИТАЕВ,
электромонтер,
Череповец

Первый трамвай

Каким счастливым был для нас тот день!
Он до сих пор в душе незабываем:
мы были в большинстве из деревень
и никогда не видели трамвая.
С тех пор прошло уже немало лет,
но в памяти живет, не умирая,
как самый добрый, самый яркий свет—
тот день со звоном первого трамвая.
И тот маршрут—трамваем на завод—
для нас теперь важнее всех на свете:
мы с ним встречаем утренний восход
и завершаем день маршрутом этим.

Николай СУВОРОВ,
конструктор,
Коломна

Наш прицел

Есть новый современный тепловоз!
Всего завода помысел оправдан.
О том в газетах несколько полос:
От «Куйбышевца» нашего до «Правды».

И все же доработано не все.
У Главного весомы замечанья.
И потому опять теряют сон
Конструкторы—мои «однополчане».

Мы смотрим с расстоянья и в упор
На тепловоз, на цеховые своды,
Как снайперы в оптический прибор,
Прицеливаясь...
В будущие годы.

Станислав ФЕДОРОВ,
журналист,
Владимирская обл.

Баллада о яблоке

Памяти легендарного комбата Малой
земли, Героя Советского Союза
Цезаря Львовича Куникова

Шапку сняв, к святому обелиску
человек в молчании идет...
Обелиску кланяется низко,
яблоко к подножию кладет.
Хлопья снега падают и тают,
и февраль морозит летний плод...
А десантник снова вспоминает
сорок третий, пережитый год.
В феврале том ветер бесноватый
не давал покоя ни на миг,
а моряк любимого комбата
доставлял по морю в Геленджик.
Был комбат осколками изранен
и, предавая свой последний час,
побелевшими шептал губами:
«Мне бы, братцы, яблока сейчас...»
Яблоко... А где его добудешь?
Весь корабль вверх дном переверни—
ели и по праздникам и в будни
твердые как камень сухари.
Если бы могло свершиться чудо—
кто-то жизнь бы предложил взамен
яблока
для раненого друга.
Нет чудес! И все без перемен...
...Человек тот был немногословен,
голова склоненная седа:
— Извини братишка, Цезарь Львович,—
не достал я яблока тогда.

Планирование развития народного хозяйства—одно из важнейших научных и социальных завоеваний XX века и революционной практики преобразования общественной жизни.

Из постановления ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР».

ную базу для построения социализма. И эта цель подняла наш народ на поистине героический труд, разбудила в людях огромные творческие силы.

Руками миллионов поднимались на пустынных прежде пространствах первые стройки социализма. Символом мужества, беззаветного труда, горячей веры в будущее звучат для нас сейчас слова: Магнитка, Турксиб, «Ростсельмаш», Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре. О них сложены песни, поэмы, о них говорят нам книги, фильмы...

Молодая Советская страна становилась как бы одной громадной строительной площадкой. Создавались сотни и тысячи заводов—закладывался прочный фундамент отечественной промыш-

вонос поражали воображение небывалым ритмом труда. Благодаря таким, как они, за три неполных пятилетия промышленное производство СССР выросло в шесть с половиной раз, а производство средств производства—в десять раз. Возникли новые отрасли промышленности—авиационная, тракторная, автомобильная... И дело не только в росте экономических показателей. Пятилетки рождали новые нравственные нормы, новые отличия среди людей. Высшей честью было стать ударником, стахановцем, да и сами эти понятия—«ударник», «стахановец»—такие детища первых пятилеток.

Героический труд народа приносил все большие достижения. Но... грянула

те уже появлялись новые огни—Цимлянская ГЭС, Череповецкий металлургический завод; в степях Казахстана на тысячах гектаров развернулась целинная эпопея.

От пятилетки к пятилетке растет масштабность наших дел и свершений. Советский Союз—родина первой в мире атомной электростанции, первых космических кораблей, первых атомных подводных лодок...

Десятая, нынешняя пятилетка—пятилетка эффективности и качества. И снова, как и пятьдесят лет назад, звучит лозунг: «Время, вперед!». Стало хорошим правилом—выполнять намеченное досрочно. Порукой тому—научная обоснованность наших планов, раз-

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

ОТ ЛОПАТЫ И ТАЧКИ ДО ВЕРШИН НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ—ТАКОВ ПУТЬ, ПРОЙДЕННЫЙ СТРАНОЙ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКИХ ПЯТИЛЕТОК.

«ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!»— не старая, живет этот крылатый лозунг, рожденный пафосом созидания.

В жизнь поколения двадцатых годов стремительно вошла первая пятилетка, захватывая сердца и умы самых широких масс народа. Она положила начало мощному процессу преобразования отсталой, аграрной страны в индустриальную державу.

Научное планирование экономики, социального развития страны неразрывно связано с именем Владимира Ильича Ленина. По его инициативе был разработан и принят самый первый план развития народного хозяйства—Государственный план электрификации России. Как известно, этот план был перевыполнен; а в конце двадцатых годов партия выдвинула перспективный план, рассчитанный на пять лет,—он был принят на XVI партийной конференции в апреле 1929 года. Первая советская пятилетка поставила цель—создать материаль-

ности. Первая пятилетка: введено в строй 1500 крупных предприятий; вторая пятилетка—4500! Все больше требовалось стране металла, угля, нефти, леса—и сотни геологических партий, энтузиастов-изыскателей отправлялись на разведку земных недр: в горы, в тайгу, в южные пустыни, на просторы Сибири. Многими открытиями ценнейших месторождений отмечены те годы.

Немало было и трудностей, но они не могли остановить всенародного подъема. Этот подъем сказался прежде всего в возникшем массовом движении за ускорение темпов строительства, за досрочное выполнение намеченных планов. «Пятилетку—в четыре года!»—таким был самый популярный, горячо принятый почин, выдвинувший вскоре первых героев труда, первых рационализаторов и изобретателей в среде рабочих. Вторая пятилетка называла имена людей, чей труд не мог не восхищать. Кузнец Александр Бусыгин, шахтер Алексей Стаханов, машинист Петр Кри-

война. Третья пятилетка осталась незавершенной. Все силы и материальные ресурсы были брошены на защиту родной земли. В кратчайшие сроки промышленность была переведена на военные рельсы; и в тылу, на эвакуированных заводах, ковалась победа над фашистской Германией.

Война принесла неисчислимые жертвы и потери нашему государству. Однако неисчерпаемы силы народа, если его труд освещен великой целью. Послевоенные пятилетки возрождали жизнь на пепле пожарниц, восстанавливали разрушенное хозяйство, год от года выдвигая все более широкие задачи по повышению благосостояния народа. И каждая пятилетка отмечалась трудовыми подвигами, новыми достижениями не только в экономике, но и в науке, народном образовании, культуре. Пятилетки—вехи на пути к коммунизму.

Еще восстанавливались разрушенные города и заводы, заново строились «Запорожсталь» и Днепрогэс, а на горизон-

тах Всесоюзного социалистического соревнования, в котором участвует более ста миллионов человек. Почти 62 миллиона являются участниками движения за коммунистическое отношение к труду. Три пятилетки за пять лет выполнит молодая ивановская ткачиха Валентина Голубева; знаменитая Валентина Гаганова может только гордиться такой преемственностью поколений. А кто нынче не знает шахтера Геннадия Смирнова, строителя Николая Злобина, многих других, кого сегодня можно по праву назвать стахановцами?

Вместе с пятилетками рос и мужал Ленинский комсомол. Вот краткая хроника из летописи трудовой биографии советской молодежи:

1929 год. ЦК ВЛКСМ провел первые общественные призывы комсомольцев на трудовой фронт первой пятилетки. 350 тысяч юношей и девушек отправились на стройки Урала и Сибири, сооружение Горьковского автозавода, Сталинградского тракторного.

1933 год. Началась проходка первой

комсомольской шахты Московского метро. Комсомол направил на Метрострой 13 тысяч строителей.

1939 год. Комсомол установил шефство над созданием морского и океанского флотов СССР, освоением Северного морского пути.

1943 год. На восстановлении Днепротреста и «Запорожстали» трудятся 35 тысяч молодых добровольцев.

1946 год. 100 тысяч юношей и девушек во внеурочное время отработали 25 миллионов человеко-часов на восстановлении пятнадцати старейших городов, разрушенных фашистами.

1956 год. 3 июля из Москвы ушел эшелон с посланцами комсомола на стройки Сибири и Дальнего Востока.

были годы строительства таких гигантов, как КамАЗ, Усть-Илимская ГЭС, Волжский автозавод... Но стремительно летит время, и то, что вчера еще изумляло, сегодня становится будничной реальностью. Десятая, нынешняя пятилетка отличается крупными комплексными программами развития Нечерноземной зоны России, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока. В тайге и тундре возникают новые молодые города, рабочие поселки, целые территориально-производственные комплексы, которые дают основной прирост добычи нефти, руды, угля, газа. На третьей части БАМа открыто рабочее движение; получен газ Уренгой...

Как всегда, среди тех, кто первым

1958 год. Комсомол объявил шефство над строительством предприятий химической, нефтяной и газовой промышленности.

1961 год. За четыре месяца трудовой вахты в честь XXII съезда КПСС на Всесоюзных ударных комсомольских стройках сданы в эксплуатацию 38 важных производственных объектов.

1965 год. Вступили в эксплуатацию Шаимское, Усть-Балыкское, Мегийское нефтяные месторождения в Тюменской области — крае ударных комсомольскихстроек. Начато строительство самого крупного в Сибири нефтепровода Усть-Балык—Омск.

1970 год. За время восьмой пятилетки свыше 350 тысяч добровольцев прибыли по комсомольским путевкам на важнейшие стройки.

1974 год. Начато строительство БАМа — магистрали длиной 3200 километров.

1978 год. Отряды имени XVIII съезда ВЛКСМ отправились на «Атоммаш» и в Уренгой, на БАМ, в Нечерноземье, в Усть-Илимск...

Еще свежи в памяти события недавно закончившейся девятой пятилетки. Это

прокладывает дороги, строит города, варит сталь и свет хлеб, — комсомольцы и молодежь. Средний возраст жителей Нижневартовска, нефтяной столицы Сибири, — 26 лет; около 80 процентов строителей БАМа — молодежь.

Масштабной и сложней становятся задачи — соответственно растет значение слаженности, дисциплины, коммунистического отношения к труду. «Пусть каждый, — говорил на предвыборной встрече с избирателями в марте этого года товарищ Л. И. Брежнев, — кто стоит у станка, трудится в поле или за чертовым столом, спросит себя, а все ли он сделал, чтобы работать производительнее, качественнее, экономить материалы, не транжирить попусту время».

Бесценен опыт советских пятилеток. Взятые темпы увеличиваются год от года. Стоимость основных производственных фондов достигла астрономического числа — триллион рублей! Еще в разгаре десятая пятилетка, но в этом году предстоит большая работа по составлению плана на одиннадцатое пятилетие. Мы ставим и решаем такие задачи, о каких мечтало поколение первых пятилеток...

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» В УРЕНГОЕ

Слово «Уренгой» стало для редакции журнала символом: Уренгой — это ежедневные посылки с сотнями книг, письма с добрыми словами и напутствиями. Уренгой — это труд и трудности.

Небольшой деревенский дом на севере Тюменской области связан крепкими нитями со всеми уголками нашей страны. На нем еще нет яркой и торжественной вывески, но все знают: это библиотека. «Счастливы вам, больших побед в суровом краю, тепла и света!» — так говорит уренгойским читателям писатель Владимир Гундарев. «Живите и трудитесь с таким жаром, чтобы снег таял в вашем холодном уголке», — обращается к строителям Уренгой семья Пялюшиных из пос. Западное Кемеровской области.

А вот письмо А. Савичевой из Перми: «Читая о молодежи, вспоминаю и свою комсомольскую молодость, прошедшую в трудные военные и послевоенные годы. Была и я вожакую молодежи, такой же боевой и неуспокоенной. Пусть мои книги помогут комсомольцам и строителям светлого, счастливого будущего».

В посылке, пришедшей из Новочеркасска, от семьи геолога Мхитарова, лежало письмо: «Мы знаем, что такое книги в тайге, и потому по возможности будем пополнять библиотеку Уренгой».

Редакция благодарит за присланные книги учеников школы № 10 Мурманска, школы № 9 Одессы, Сергеевской школы Пермской обл., Заслоновской школы Белорусской ССР, школы-интерната № 9 Воронова, общества книголюбов пос. Александровка Казахской ССР, работников завода подъемно-транспортного оборудования Комсомольска-на-Амуре, сотрудников обсерватории курорта Абастумани Грузинской ССР, учительниц педучилища Роговского Курской обл.; читателей В. Голубенко из Апхабада, С. Жинкиш из г. Владимира, М. Иванову из Таллина, Т. Малову из Астрахани, А. Медведева из Данилова Ленинградской обл., Н. Рыбакову из пос. Уйгат Иркутской обл., В. Самойлова из Пензы, В. Серова из совхоза «Комсомолец» Тамбовской обл., Э. Сычену из Алма-Аты.

Неожиданным, но, на наш взгляд, полезным оказалось письмо из Приозерска Джезказганской области: «Я уже, увы, вышел из комсомольского возраста, но комсомольцем покинул родное белорусское Полесье и попросился служить в Казахстан. Конечно, скучая о родных местах, но кому-то надо и здесь работать. А Казахстан — мечта моего детства; тогда я уговорил отца переезжать на целину. Отец сказал, вот подрастешь, тогда сам и поедешь, только в молодости можно решиться на такой шаг».

Уже девять лет я здесь, а пролетели они как один год, приросли душа и бескрайним степям.

Вот это родство душ с молодыми первопроходцами Нового Уренгоя подсказало мне тему эссе. Жаль, что из северя ни разу не был и только понаслышке знаю о его красоте и суровости, так что не изыщите, если в каких-то деталях эссе. Знак мне помогли придумать книголюбые города.

С уважением

Г. Шват, воспитатель.

Уважаемые читатели! «Смена» объявляет конкурс на лучший эссе для библиотеки в Уренгой; пусть каждая книга собранная читателями «Смены» библиотеки будет иметь свой знак.

Идем от нас новых книг, товарищи.

Напомним наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена». Повторим, литература может быть любой: художественной, политической, научной, учебной.

В нынешнем году, объявленном Международным годом ребенка, редакционная фотопочта особенно богата снимками, героями которых — дети. Несколько таких работ фотолобителей мы предлагаем вниманию читателей.

СЫН.
Фото Вячеслава БАЕВА.
(Ярославль).

ЗИМА.
Фото Евгения ШЕСТИНСКОГО (Москва).

СКАЗ О МАЛЬЧИШЕ-КИБАЛЬЧИШЕ.
Фото Вадима ЛЕСНОГО (Ворошиловград).

МАЛЕНЬКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК.
Фото Александра ПИСЬМЕННОГО
(Москва).

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ. Фото Юрия ВЕНГЕРЕША (Киев).

«...освоению Западной Сибири могут помочь и те, кто трудится в других местах. Для этого нужно всюду, где выполняются заказы Тюмени... взять над ними комсомольское шефство, чтобы помочь покорить просторы и недра Тюмени с минимальными затратами трудовых ресурсов».

Л. И. Брежнев

тепло

Круглый стол «Смены»: Заказам Западной Сибири

ВСТУПЛЕНИЕ ВЕДУЩЕГО. За последнее десятилетие энергетический центр страны сдвинулся не только на восток, но и на север. Оттуда растекается по стране тепло, так нужное заводам, электростанциям, домам... Тепло идет с севера.

Состоявшееся в декабре минувшего года в Тюмени выездное заседание бюро ЦК ВЛКСМ приняло комплексную программу участия комсомольских организаций по дальнейшему усилению шефства над развитием нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири. Комсомольцами Свердловской области уже накоплен опыт шефства над заказами Тюмени. Выявились и проблемы. Как сделать помощь свердловчан тюменцам более эффективной? Об этом шел разговор во время беседы за «круглым столом», проведенной «Сменой» в Свердловском обкоме комсомола. В беседе приняли участие: первый секретарь Свердловского обкома комсомола В. Илюшин, первый секретарь Свердловского горкома комсомола А. Царегородцев, секретарь комитета комсомола «Уралмаша» Ю. Чеботарев, секретарь комитета комсомола Первоуральского трубного завода С. Кирсанов, слесарь «Уралмаша», член ЦК ВЛКСМ, делегат XVIII съезда ВЛКСМ М. Жданов, заместитель секретаря комитета комсомола завода «Уралхиммаш» С. Сафонов, председатель Свердловского областного совета молодых ученых В. Тимашев, секретарь комитета комсомола управления Свердловской железной дороги З. Зверева.

В. ИЛЮШИН. На бюро ЦК ВЛКСМ в Тюмени обсуждался вопрос о развитии шефства комсомольских организаций нашей страны над освоением нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Комсомольцы нашей области хорошо понимают, что такое тюменские нефть и газ, поскольку эти энергетические средства у нас воплощаются в сотни тысяч тонн чугуна, стали, проката, в трубы, станки, машины. Надо сказать, что еще при обсуждении итогов XVIII съезда ВЛКСМ комсомольцы области высказывали деловые предложения по оказанию помощи нефтяникам Западной Сибири. Я не буду здесь подробно останавливаться на том, как анализировались и обсуждались эти предложения, только напомню, что их итогом стало подписание договора о сотрудничестве комсомольских организаций Свердлов-

ской и Тюменской областей по освоению нефтяных и газовых месторождений. Тогда же мы разработали обширный план совместной работы до конца пятилетки. При заключении договора и мы и тюменцы планировали сотрудничество не просто на уровне областных организаций. Очень важна и прямая связь свердловских предприятий-изготовителей, ученых, комсомольских работников с нефтяниками. Поэтому после бюро ЦК ВЛКСМ мы начали еще более активно налаживать такие связи.

Мне во время поездки в Тюмень удалось побывать на нефтепромыслах, поговорить с рабочими; об этом я еще скажу позже. Пока замечу только, что приятно было слышать слова благодарности в адрес свердловчан, но были и критические высказывания. Причем речь шла не только о срывах сроков поставки оборудования, но и о качестве продукции. Поэтому, мне думается, сейчас нам стоит послушать представителей комсомольских организаций, уже заключивших свои договоры в областных рамках с тюменцами.

Ю. ЧЕБОТАРЕВ. В мае прошлого года комсомольско-молодежная бригада слесарей-сборщиков «Уралмаша», которой руководит Леонид Солдатов, выступила с предложением начать комсомольское шефство над заказами Тюмени и развернуть социалистическое соревнование между коллективами, изготовляющими оборудование для нефтяников.

Дело в том, что уникальная буровая установка для тюменцев проектируется и изготавливается на нашем заводе. Поэтому мы с полным основанием могли начать соревнование под девизом «От проекта до объекта — комсомольскую заботу!»

КОММЕНТАРИЙ ВЕДУЩЕГО. Тут стоит ненадолго прервать изложение выступления Ю. Чеботарева и сделать пояснения. Девиз «От проекта до объекта — комсомольскую заботу!» — несколько измененное название тоже рожденного в Свердловске движения «Пусковым стройкам пятилетки от проекта до готовой продукции — комсомольскую гарантию качества!». Около двух лет назад, когда достигло пика напряжение на строительстве универсально-балочного стана на Нижнетагильском металлургическом комбинате, а затем и на строительстве

цеха Северского трубного завода, большая часть нареканий за низкое качество и срыв сроков адресовалась проектировщикам и ученым института «Уралгипромет». А поскольку это были ударные комсомольские стройки, то обком комсомола и областной совет молодых ученых приняли решение контролировать качество проектных разработок. На стройках были созданы комсомольские посты проектировщиков. Кроме контроля, в их обязанности входило еще и оперативное внесение необходимых или ранее непредвиденных поправок и изменений в проект. Такие же посты были вскоре созданы у строителей, монтажников и эксплуатационников.

строительного завода, который срывает нам поставки электродвигателей. Без этих узлов мы не можем вести сборку.

М. ЖДАНОВ. Дополняя сказанное Юрой, могу сообщить, что наша бригада сборщиков из-за срыва поставок другими заводами уже послала тюменцам несколько машин с недокомплектом. Представляю, что они сказали в наш адрес. Да и мы поняли, что так дальше продолжаться не может. Решили недокомплектов не допускать. Ну и что? Вот уже пятый день бригада фактически не работает. Приходим, посидим свои семь рабочих часов — и по домам. Необходимо срочно заключить договоры с поставщиками. Но только нашего жела-

содействовать в контроле за продвижением груза, нет.

Учитывая эту проблему, Свердловский обком комсомола решил создать по примеру «Главтюменьнефтегаз» совет секретарей комсомольских организаций железной дороги и избрать единого секретаря, в подчинение к которому в рамках совета перейдут все секретари первичных организаций железной дороги на территории области. Но ведь Свердловская железная дорога проходит по территории трех областей. Для более же широкого объединения обком полномочий не имеет. Поэтому необходим коренной пересмотр структуры комсомольской организа-

вартовска с просьбой проверить, почему задерживается выполнение заказа. Во время проверки оказалось, что из десяти резервуаров, заказанных на 1978 год, завод изготовил только два. Причина — задержка поставок стали Орско-Халиловским металлургическим комбинатом. Мы связались с комитетом комсомола комбината, и нам недавно сообщили, что там создан пост контроля над выполнением нашего заказа. А их помощь нам в этом году будет очень нужна. Ведь мы должны сделать 20 резервуаров. Обещаем в этом году заказ выполнить в срок. А то ведь, действительно, как здесь уже говорили, критикуют нас. И критикуют справедливо — за промахи в работе.

Идет с севера

— комсомольскую заботу!

Получилась цепочка, как бы прошедшая через все этапы работ. Заключилась она совместным договором таких групп. Первый в области договор был подписан на строительстве Северского трубного завода. Вот тогда и родилось название этого движения.

Таким образом, шефство над тюменскими заказами для комсомольцев Свердловской области стало очередным этапом начатого ими движения. Под договором во время строительства Нижнетагильского универсально-балочного стана подписались тридцать шесть его участников: проектировщики, строители, поставщики, монтажники, эксплуатационники. Они представляли 186 тысяч комсомольцев различных предприятий страны. Тогда один участник договора — комсомольская организация «Уралмаш» — сумел, выполняя заказы для стана, сэкономить почти двадцать тысяч рабочих дней, что ускорило пуск стана приблизительно на 4 дня. А ведь каждый день строительства стана обходился государству в 123 тысячи рублей.

Вот на чем основан расчет уралмашевцев при организации шефства над заказами Тюмени.

Ю. ЧЕБОТАРЕВ. ...В ходе этого соревнования у нас были созданы комсомольские посты «Тюмень». Эти посты с первых же дней своей работы выяснили, что подчас самоотверженный труд уралмашевцев при изготовлении деталей и сборке узлов буровых установок является, я бы сказал, напрасным — мы экономим часы и даже минуты, а наша продукция приходит к нефтяникам с опозданием в недели, а то и в месяцы. Все усилила на нет сводила нерасторопность работников Свердловской железной дороги. И хотя с нас за это спроса вроде бы и нет, ведь мы своевременно и даже раньше срока все сделали и отгрузили, но не тревожить нас это не могло — ведь мы все заинтересованы именно в конечном результате.

В этом году мы должны изготовить 70 установок. Хотелось бы, чтобы они вовремя попали к заказчику. Поэтому мы заключили договор не только с комсомольцами «Главтюменьнефтегаз», но и с комсомольцами Свердловской железной дороги. Стоило бы заключить такие же договоры с комсомольцами Барнаула, откуда к нам часто с опозданием приходят дизели электростанций Сафоновокого электромашинно-

ния, как видно, мало. Ну и, конечно, я поддерживаю претензии нашего комсомольского секретаря к железнодорожникам.

З. ЗВЕРЕВА. Я уверена, что подобные претензии нам могут предъявить и комсомольцы многих других предприятий, изготовляющих оборудование для тюменцев. Но дело в том, что я пока не могу ответить, где и почему происходят срывы графика, потому что являюсь секретарем комсомольской организации управления. То есть я секретарь только для тех комсомольцев, которые работают в управлении. Комсомольцы, работающие в поле, на станциях, в отделениях дороги, к нашему комитету комсомола отношения не имеют. Поэтому создать свои посты контроля за прохождением груза по всей линии мы не можем. Зато нашли вот какой выход. Я подписала под договором и пошла к заместителю начальника управления дороги. Объяснила ситуацию. Он отнесся с пониманием и без колебаний поставил под договором и свою подпись. Так что теперь мы будем осуществлять контроль через него.

КОММЕНТАРИЙ ВЕДУЩЕГО. На Свердловской железной дороге работает 38 тысяч комсомольцев. Они распределены более чем по тремстам комсомольским организациям, каждая из которых подчиняется тому райкому комсомола, на территории которого находится. Пока не было нужды в объединении, такая разобщенность не сказывалась. Теперь же встал вопрос: как быть? Ведь уже почти 400 предприятий Свердловской области выполняют заказы Тюмени. А за три месяца прошлого года до сорока процентов опозданий в поставке оборудования происходило по вине железнодорожников. Иной раз происходят просто анекдотические случаи. Вот один из них. Буровая установка занимает много платформ. Загрузить сразу все не удается. Буровую отправляют частями. В пути из-за срывов графиков очередность платформ нарушается. И случается, что прибывают к нефтяникам вначале несколько вагонов средней части эшелона, неделю спустя — его хвостовая часть, а потом — пара головных вагонов. Затем снова часть из середины эшелона. Такая мешанина не позволяет своевременно начать монтаж буровой. А единой комсомольской организации, способной по-

ции на Свердловской железной дороге.

С. КИРСАНОВ. Мы тоже у себя в Первоуральске выполняем заказы Тюмени. У нас даже выделен один цех, который прокатывает бурильные и компрессорные трубы только для Тюмени. Прошлый год оказался для цеха хорошим, что не было перебоев в поставках металла. И мы смогли добиться такого положения, когда 99,7 процента насосно-компрессорных труб выходят высокого качества. Тут я должен сказать, что катать трубы для Тюмени мы стали не сразу, а после большой и основательной подготовки. По решению комитета комсомола был создан специальный отряд комсомольцев, который принял участие в реконструкции стана и печи, что позволило увеличить длину заготовки до трех метров. Если бы меня сейчас слушали буровики, они бы сразу поняли, насколько важна была работа отряда реконструкции. Ведь если увеличилась длина трубы, значит, уменьшилось количество стыков, а значит, и повысилась прочность трубы при бурении. Так что реконструкция велась именно с учетом особенностей тюменских разведок.

Жаль, что у нас нет прямых контактов с теми, кому мы поставляем трубы. А ведь тогда бы мы знали мнение о наших трубах и изменениях, которые внесли в их изготовление, от тех, кто с ними работает. Мы же даже не знаем, кому конкретно идет наша продукция. Знаем только, что «Главтюменьнефтегазу».

В. ИЛЮШИН. Что касается прямых контактов, то мы предполагаем, что таковые установят Рефтинская ГРЭС с Сургутской. Есть такие контакты у Нижнетагильского металлургического комбината. Тагильчане знают, кому идет их металл и, тем более, рельсы. Так же, как и «Уралхиммаш». Но об этом подробнее может рассказать Сергей Сафонов.

С. САФОНОВ. Мы сейчас изготавливаем для Тюмени, а точнее, для новостройки Тобольска, шаровые резервуары, в которых будут храниться нефтепродукты. Объем такого шара — шестьсот кубометров. Такие же резервуары готовим и для Нижнеуртовска. Комсомольцы нашего завода шефствовать над выполнением этих заказов начали после того, как в ноябре прошлого года к нам обратились комсомольцы Нижне-

В. ИЛЮШИН. Хочу добавить вот что. Когда мы были в Тюменской области, то разговаривали с членами бригады буровиков, которые ведут исследовательское бурение. Они, например, сказали нам, что буровые установки, которые делаются у нас, не приспособлены к тюменскому климату. Они не защищены даже от ветров. Тут, вероятно, недооценены ученые «НИИтяжмаша», которые проектируют эти установки. Особенно неприятно было слышать то, что наши долота, которые выпускаются на Верхнесергинском долотном заводе, поддаются тюменской земле, крошатся, ломаются. Но это уже больше относится к ученым, чем к тем, кто изготавливает оборудование.

КОММЕНТАРИЙ ВЕДУЩЕГО. В середине прошлого года на Рефтинскую ГРЭС приехал представитель Свердловского областного совета молодых ученых. Его интересовал ход освоения проектной мощности станции и какая помощь в его ускорении нужна. На вопрос, почему комсомольцев заинтересовала судьба станции, он ответил:

— Мы берем шефство над новостройками Тюмени, а часть вырабатываемой на вашей станции энергии идет на тюменский север. Так что мы просто обязаны стать вашими шефами.

Тогда же при областном совете молодых ученых был создан отдел по решению транспортно-энергетических проблем Западной Сибири. Уже сейчас этот отдел ищет новые, более экономичные способы рыхления мерзлых грунтов, участвует в проектировании уникального «воздушного извозчика» — изменяющейся системы дирижаблей, способной по воздуху перевозить от десяти до тысячи тонн груза.

Зачем нужны дирижабли? Доставка грузов будет происходить в сотни раз быстрее, чем любыми применяемыми сегодня сухопутными и водными видами транспорта.

Да, свердловские молодые ученые основательно взялись за решение проблем Севера. Возник такой вопрос: какие дома строить для нефтяников? Ответ, кажется, прост: добротные, благоустроенные, с учетом климатических особенностей Севера. Но оказалось, что дома должны быть трех типов. Первый — для тех, кто приезжает на промыслы на постоянное жительство, то есть туда, где

планируются поселки. Второй — для тех, кто приезжает на буровую, чтобы отработать свою вахту. И, наконец, дома для экспедиционных, постоянно перемещающихся поселков.

Можно было привести еще очень много подобных примеров. Но тут есть смысл упомянуть об одной претензии свердловских ученых к нефтяникам Тюмени.

Достоин похвалы отношение тюменцев ко всему новому. Они охотно принимают это новое, выделяют большие средства на разработки, но вот когда дело доходит до внедрения, возникают проблемы. Подтвердить это можно на примере внедрения трехслойных панелей, предложенных свердловчанами. Еще в марте прошлого года на совещании в «Сибкомплектмонтаже» было решено пустить экспериментальную установку для определения долговечности таких панелей в мае. Это записано и в договоре. Но до сих пор ничего не сделано. А ведь эти панели уже делаются в Тюмени, но пока никто не знает, насколько они долговечнее однослойных. Дорогостоящие панели служат считанные годы, а свердловчане обещали с помощью экспериментальной установки удлинить срок их службы до 10—15 лет. Сейчас ученые Тюмени приняли на себя обязательства осуществлять контроль за ходом внедрения принятых научных разработок.

В. ТИМАШЕВ. ...Вы помните, что на XVIII съезде ВЛКСМ товарищ Леонид Ильич Брежнев отметил блочно-комплектный метод устройства нефтяных и газовых месторождений тюменского севера, который был внедрен комсомольско-молодежным трестом «Тюменьгаз-монтаж». Так вот, в разработке этого метода самое активное участие принимали наши ученые. Только с трестом «Тюменьгаз-монтаж» мы сотрудничаем уже более десяти лет. Так что опыт есть. И он позволил нам тоже заключить договор с молодыми учеными Тюмени.

Вначале хочу сказать о том, что мы планируем сделать в ближайшее время. Во-первых, комсомольцы «НИИтяжмаша» уже начали работу по созданию прогрессивного бурового оборудования, которое будет отвечать тем требованиям, которые предъявляют нефтяники. То есть буровые будут закрытого типа. Сейчас наше КБ занимается разработкой системы обогрева передвижных агрегатов для испытания скважин в зимнее время.

Особенный интерес у тюменцев вызывает разработанный и спроектированный нами дирижабль. Точнее, это система дирижаблей. Недавно руководитель нашего КБ побывал в Тюмени и, судя по всему, сильно заинтересовал нефтяников своим предложением. Уже в общих чертах мы пришли к соглашению: тюменцы выделяют средства, а мы заканчиваем разработку дирижабля.

Вообще мы подразделяем проблемы тюменского севера так: геологические — разработка новых буровых установок, новых механизмов для вскрышных работ; транспортные — создание таких видов транспорта, которые были бы приспособлены к бездорожью и суровому климату севера; а также — строительные, энергетические и проблемы охраны окружающей среды.

А. ЦАРЕГОРОДЦЕВ. Я хочу продолжить рассказ Вячеслава таким примером. Только в Свердловске молодые ученые одиннадцати научно-исследовательских и проектных институтов являются участниками договора по шефству над Тюменью. Поэтому, когда мы поехали в Тюмень для подписания договора, то особо оговорили участие в нем ученых.

Но мне кажется, что стоит поговорить еще и о таких видах помощи, как направление ударных отрядов, обучение кадров, обмен опытом. Ведь мы имеем

большой опыт по экономии энергетических ресурсов, решению проблем нехватки рабочей силы и по многому другому. Вот тут Сергей Кирсанов рассказывал, как они в Первоуральске вели реконструкцию стана и печи. Так вот, насколько я знаю, в результате этой реконструкции они смогли не только улучшить качество труб, но и высвободить четырех специалистов. Я думаю, такой опыт тюменцам пригодится.

Наш ударный отряд «Свердловский комсомолец» уже трудится на нефтепромыслах. Скоро мы будем формировать новый. Но на этот раз он будет качественно другим.

В. ИЛЮШИН. Изменения, которые мы намечаем при создании нового отряда, обусловлены тем, что на бюро ЦК ВЛКСМ особое внимание было обращено на необходимость включения в отряд нужных для Тюмени специалистов: слесарей, газозлектросварщиков и других. Поэтому мы решили собрать отряд заранее и на базе одного из крупных строительных трестов Свердловска обучить комсомольцев необходимым специальностям. А потом уже направить его в Тюмень.

М. ЖДАНОВ. Я хочу добавить, что нам нужно подумать еще об одной форме работы. На «Уралмаше» решили сделать так: организовывать соревнования между бригадами, выполняющими заказы Тюмени, а потом победителям предоставить возможность поехать к нефтяникам, чтобы они там смогли проверить, как работают сделанные ими машины. Думаю, что и тюменцам стоит пойти таким же путем. Мы охотно примем их делегацию, расскажем, как выполняем заказы, выслушаем претензии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЕДУЩЕГО. Нет необходимости углубляться в технологическую сторону тех проблем, которые обсуждались в беседе за «круглым столом» «Смены». Но стоит отметить: все участники беседы знают, что делать. Затруднение вызывает вопрос, КАК сделать. И, пожалуй, самое главное — это как скоординировать действия комсомольских организаций двух областей. И для свердловчан и для тюменцев сотрудничество в таких масштабах — новая форма работы. Новая она и для страны. Об этом можно судить хотя бы по тому, что при ЦК ВЛКСМ создан координационный центр, который осуществляет общее руководство по шефству комсомола над освоением недр Западной Сибири.

Однако в решении некоторых проблем и тюменцы и свердловчане долго и мучительно пытаются открыть то, что уже давно открыто. Возьмем для примера уже упомянутую здесь «железнодорожную проблему». Она волнует и тех и других. Но до сих пор полностью не решена. А не проще было бы сразу обратиться к опыту ленинградцев по контролю контролю перевозок грузов? Этот опыт был одобрен ЦК КПСС и должен быть изучен.

Не все еще отложено в работе постов «Тюмень». Пока в работу внесено не много нового по сравнению с уже давно существовавшими «постами качества». Разве только то, что работа постов «Тюмень» замыкается на заказах нефтяников, тогда как «посты качества» контролировали всю продукцию. А ведь после сегодняшнего разговора напрашивается вывод, что сфера деятельности постов «Тюмень» не должна ограничиваться стенами завода.

Да, новые формы работы порождают немало проблем. Но темпы освоения богатств Западной Сибири не дают времени на долгие споры, приготовления и пристрелку.

«Круглый стол» вел Валерий КРАСНОВ.

СВЕТ В ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

КОМСОМОЛЬЦЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ ОСВАИВАЮТ СЕВЕР

Наш нынешний адрес — Всесоюзная ударная комсомольская стройка по обустройству крупнейшего в мире Уренгойского газоконденсатного месторождения. Здесь строится новый полярный город. Здесь в тресте «Уренгойгазпромстрой» из бойцов Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ сформировано строительное управление № 53 — комсомольско-молодежное.

Как мы начинали? С чего?

Начинали с сомнений старожилы: «Намучаетесь с молодыми!.. Пошумят, а как пойдут летом комары, а зимой морозы под пятьдесят — разбежусь!» Действительно, укрыться от комаров было невозможно, а морозы «давили» под шестьдесят. Трудно было. Но — привыкли.

Начинали с поисков. Как, принося максимальную пользу строительству, сохранить в целостности отряд? Как в новом комсомольско-молодежном управлении совместить опыт работы лучших молодежных коллективов наших соседей из Надыма и других строек Тюмени с тем интересным, что было на предприятиях, где наши ребята работали раньше, до приезда в Уренгой? Потому что понимали: иначе вступать в трудовое соперничество с коллективами «Уренгойгазпромстрой» — значит быть битыми. И вот уже во втором квартале проработав всего два месяца, бригада монтажников Владислава Бондаря стала победителем соревнования среди комсомольско-молодежных коллективов треста. В третьем квартале бригада была второй. Вплотную шли и другие — плотники Павла Баряева, каменщики Вячеслава Вахрушева, отделочники Тани Слепуховой...

Любой успех давался нелегко. Еще не хватало умения и сноровки. Молодое строительное управление переживало сложный организационный период. Случались перебои со стройматериалами. Особенно весной до начала навигации и осенью, когда нас осаждало бездорожье: не доехать — тундра не пропускает в свои владения наземную технику; не долететь — грунтовая взлетно-посадочная полоса аэродрома раскисает; не дойти — до ближайших населенных пунктов и причалов, куда поступают грузы, сто — триста километров, а до Тюмени и того дальше — тысяча триста...

Трудное время... Вот когда мы вплотную столкнулись со сложностями, характерными для труднодоступных районов: чем занять бригады во время вынужденных простоев? Не все меры были приняты хозяйственниками, но кое-что зависело и от ребят. Тут нужно умение находить работу, мало только ждать ее. Простой, конечно, не самый подходящий повод для хорошего настроения, но и этим вряд ли можно оправдать тех, кто посчитал одно свое присутствие на севере и членство в отряде вполне достаточным основанием для привилегий, а столкнувшись с необходимостью работать в тех же условиях, что и другие, хлебнув неурядиц, которые редко мнут первопроходцев, не проявил достаточно выдержки.

...Прошел сезон распутицы, и началась большая работа.

Жилье для газодобытчиков и строителей — важнейшие, срочнейшие объекты. Их сооружение идет в любых условиях. При морозах ниже сорока двух не разрешается работа машин и механизмов, все ставится «на прикол» — люди работали и при пятидесяти. А стояла полярная ночь, и световой день занимал лишь три часа от суток... Отделочники бригады Тани Слепуховой — сейчас она уже Землянка — выполняют не только свои нормы, но и нормы зачисленных в бригаду почетными строителями Уренгой и бойцами Всесоюзного ударного членов интернационального космического экипажа Петра Климука и Мирослава Гермашевского.

Результаты года убеждают: Всесоюзный ударный вышел на хороший «рабочий режим». За восемь месяцев освоено более 5 миллионов рублей капиталовложений, годовой план выполнен на 129 процентов. Не менее важный итог: прочно сложились настоящие комсомольско-молодежные коллективы, способные успешно решать самые сложные производственные задачи.

Хотелось бы, конечно, рассказать обо всех, но понимаем, что это невозможно. Поэтому пока только о тех, о ком нельзя не сказать, хотя добрых слов заслуживает каждый, кто прожил в отряде этот год.

Член ЦК ВЛКСМ, депутат Верховного Совета СССР, командир Всесоюзного ударного отряда, лучший бригадир — все это о Павле Баряеве. «Баряевец» — у нас это уже характеристика. Это значит быть из тех, кто всегда впереди, кто никогда не подведет, как бы ни складывалась ситуация.

Виктор Хромов. Родился на Орловщине, учился в ПТУ, по направлению прибыл работать в Таллин, в армии был водолазом, в составе комсомольского отряда приехал на обустройство Уренгойского газового гиганта. Здесь сложно удивить хорошей работой, Виктор сумел. Обосновался он в Уренгое прочно, недавно привез невесту из родных краев.

Кстати, о свадьбах. За последние полгода мы сыграли их целых пятнадцать. Кто-то познакомился в отряде, кто-то дружил еще на «Большой земле». Сразу возникла проблема: молодым нужно жилье, а где его взять? Ребята предложили: строить после работы неплановый дом для семейных. Мы, правда, ограничены в стройматериалах, но найти возможности осуществить это предложение необходимо. Ищем.

Многого еще нет в Уренгое. Нет кинотеатров, Дворцов культуры, спортивных залов, не налажена телетрансляция, с опозданием поступает пресса. Но уже создана по инициативе «Смены» уникальная библиотека. Ее книжный фонд — 25 тысяч книг. Поступали они в библиотеку со всех концов страны. А что до неудобств, знаем: они временные. Строительство города только начинается, и нам надлежит создавать все, без чего нет настоящего современного города. А пока мы приспособили под молодежное кафе столовую. Здесь проводим праздничные вечера отдыха, встречаемся с интересными людьми. Здесь же проходят конкурсы художественной самодеятельности, а танцевальные вечера и репетиции клуба песни — в общедоступности. Словом, живем. И не сомневаемся: страна будет получать уренгойский газ ритмично, с нарастанием, еще один новый город на тюменском севере будет построен.

Николай ЛИТОВЧЕНКО,
комиссар Всесоюзного ударного
комсомольского отряда
имени XVIII съезда ВЛКСМ

Владимир ДЕГТЯРЬ,
секретарь объединенного
комитета ВЛКСМ поселка Новый
Уренгой Тюменской области

элегантно указал рукой на пробивающийся в конце темноты коридора свет со двора. Ему захотелось на воздух. Запах сырых коридоров, темнота и низкие потолки школы давили на него...

— Ты что? — заглянув ему в глаза, спросила Стеша. — А-а, — понимающе протянула она, — сейчас, я мигом.

Она побежала по коридору. Где-то там, в поглотившей ее темноте, загремели ведра, скрипнула старая дверь.

Геннадий Павлович уже был во дворе, когда его догнала Стеша.

— А ты-то у нас важный какой, — поправляя на ходу примятое платье, со всевозрастающей радостью говорила она, — такой городской. Молодец... Если не секрет, кем же сейчас?

— Научный работник, — мрачно сообщил Геннадий Павлович.

— Да ты что, Генка! — изумилась она. — Ну какой же ты у нас молодец, какой молодец! А я вот была никакой, никакой и осталась. Ну да ладно, не обо мне, как говорится, речь... Надо же — научный работник! Потому, наверно, ты и забывчивый такой, правда, Ген? — посерьезнела Стеша. — Наука ведь дело нешуточное... Устаешь, поди, сильно, а? А я вот тоже... Да только что у меня: тряпки да ведра... Не-е-ет, ты молодец, Генка. Кто бы мог подумать... Знаешь что, — решительно остановилась она и взяла Геннадия Павловича крепко за руку, — зайдем сейчас ко мне, я тебя своей дочке хочу показать — чай, не каждый день видит живых ученых. — И она потянула его за рукав.

...Всю дорогу к дому Стеши Зайчик Геннадий Павлович молчал, лишь изредка однозначно отвечая на восторженные расспросы своей попутчицы.

— Знаешь, ты из нашего класса один такой, все остальные так себе — кто шофером, кто на маслозаводе... Мишка Стежок, тот, правда, в Кореневе работает... Да только все это ерунда... Ген, а ты не брешешь, нет? — Она даже приостановилась.

Валерий ИСАЕВ,
участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей,
Москва

РАССКАЗЫ

ПРИГЛАШЕНИЕ

Геннадий Павлович только улыбнулся.

— Да нет, — пошла дальше, повеселев, Стеша, — я сразу поняла, что не брешешь. Гляди, костюм какой, портфель... Да и сам видный, как налитой... А все равно, видишь, таким же остался — со спины признала.

Во дворе сидело и надсадно залаяло собака. Стеша пошла вперед и рукой пригласила за собой Геннадия Павловича.

— Не бойтесь, — почему-то перешла на «вы» Стеша, — это соседская. Дом-то с двумя хозяевами. Вот наша половина...

Пес захлебывался лаем, но действительно натянута у самой земли проволока, по которой скользила его цепь, доходила лишь до середины гладко утоптанного двора, окаймленного со всех сторон рябыми поленницами с аккуратными толевными крышами. Стешина половина была пуста, вдоль старенького забора, близко подходя к самому крыльцу, росла выгоревшая на солнце кашка.

— Вот мы и дома, — вталкивая Геннадия Павловича в чистенькую комнату, сказала с неиссякающей радостью Стеша. — Ксенечка, — позвала она, раздвинув яркую, в крупных красных цветах занавески, окаймлившие проход в другую комнату, — смотри, кто к нам пришел! — просияла она, подмигнув Геннадию Павловичу...

Но Ксении не оказалось дома.

— Вот будет жалеть-то, — сокрушалась Стеша. — Всегда, знаешь... знаете, — поправила она, — когда надо...

Она искренне расстроилась и как-то даже сникла.

Геннадий Павлович грузно опустился на стоявший рядом табурет. Стеша осталась стоять посреди комнаты растерянная, не зная, что делать. Потом спохватываясь, подбежала к полке, занавешенной аккуратненькой, чистой марлей, привстала на цыпочки и достала откуда-то из-за пол-литровых банок, перевязанных бечевкой, бутылку вина.

— Нет, нет. Что вы, — воспротивился Геннадий Павлович, — это совсем ни к чему...

А Стеша уже ставила то одно, то другое и все приговаривала:

— Вот так, вот так вот...

Наконец она села напротив Геннадия Павловича, подперла руками голову, умиленно уставившись на гостя, и сказала:

— Ну, теперь рассказывайте.

Вместо рассказа Геннадий Павлович указал взглядом на стену, где висели два фотопортрета, обрамленных чистыми рушниками, и гвоздик для третьего:

— Хорошая у вас дочь, Стеша.

— А у вас, наверное, семья хорошая? — отозвалась она и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Счастливы... Вот живут же люди...

Геннадию Павловичу стало жалко Стешу Зайчик. И потому еще, чтобы как-то прервать затянувшуюся их встречу, он вдруг сказал ей:

— Знаете, Стеша, мне сейчас надо идти. Должен, понимаете, еще кое-кого навестить... Но вот какая история — скоро у меня защита диссертации, а потом, как это водится, будет банкет. Ну в каком-нибудь московском ресторане... Так вот, если вы не против, я приглашаю вас, как свою одноклассницу, к себе. Поживете у нас пару дней, покатаю вас по Москве, покажу вам столицу, то, сё...

— Роденький вы мой, — чуть не прослезилась Стеша и, будто спохватившись, справилась: — И Ксеньку можно?

— Ну, я же говорю.

— Господи, радость-то какая, какая радость, — не унималась Стеша. — Да вы только посмотрите, — она убежала в соседнюю, по-видимому, детскую комнату и вынесла оттуда большую, аккуратно обернутую в целлофан книгу «Москва — столица нашей Родины». — Вот ведь что читает. Все о Москве уже знает, спит и видит... Нет, вы только представляете себе, — глядя куда-то вдаль, продолжала мечтательница Стеша, — мы с Ксенькой... По Москве...

— Ну, вот и прекрасно. — Геннадию Павловичу сразу как-то стало легче. — Вот вам мой адрес. — Он достал из портмоне визитную карточку и протянул Стеше.

— Гладенькая-то какая, прямо с рук соскальзывает, — изумилась та.

— Ну вот и порядок. — Геннадий Павлович встал из-за стола. — Извините, я должен идти.

— Да, да, конечно. — Стеша шла следом, снимая с его плеча какую-то пылинку.

Геннадию Павловичу Дубкову не понравилось в доме у Стеши, да и сама она произвела на него впечатление не самое лучшее. «Старая какая-то, да и вообще скучная, тоскливая», — в который раз прикидывал он...

Дубков приехал в этот маленький городок на берегу спокойной речушки, чтобы и детство вспомнить, но особенно потянуло к родной школе. Сколько лет минуло, а вот потянуло.

Городок лениво разлегся на залитом солнцем бугре и выгоревшими лентами дорог был накрепко привязан к этой курской земле уже давно, не пытаясь двинуться ни вширь, ни ввысь: лежал себе и лежал, проглядывая свои сладкие провинциальные сны. Далеко отстоящие от центральной его части домики, рассыпанные в просторных поймах заливных луговин, неизвестно где переходят в уже настоящие застрехи деревень: Березники, Стропицы, Кольчицево, Сучкино.

И названия деревень и сам этот сонный город давно не выходили из головы Геннадия Павловича, и его тянуло сюда, на эти высланные простым желтым камнем улицы с грохочущими по ним подводами, на голос: «Н-ну-у пошла, мил-л-л-ая...»

...Школа всегда жила в памяти высокой, новенькой и пахла свежей краской. Теперь она стала обшарпанным зданием с отбитыми углами. Чтобы войти в помещение, Геннадию Павловичу не раз пришлось пригибаться и в крыльцовой пристройке и на лестничных перехлестах. Он шагал по гулкому августовскому коридору родной школы в направлении бывшей учительской, той самой, у двери которой частенько в свое время трепетал юный Дубков перед очередной проработкой. В учительской никого не оказалось, и напрасно Геннадий Павлович прихорашивался перед дверью с треснувшей и выцветшей стеклянной табличкой.

Он направился к «своему» классу. Постоял перед дверью, потом, решившись, дернул за ручку. Дверь была заперта...

Он вспомнил, как в школе много лет назад встречались бывшие ее выпускники. Они выходили на трибуну и говорили, говорили... Геннадию Павловичу тоже было что рассказать: начал с этой вот глухомани, теперь живет в Москве, работает в НИИ. Было, было о чем рассказать...

Геннадий Павлович оглядел школьный крохотный двор. Тогда он ему казался огромным. Сейчас же — почти незаметным. Даже странно, как он мог вызывать столько сладких ощущений свободы в те далекие школьные годы, когда Гена, подперев руками голову, с тоской глядел в окно в ожидании звонка...

— Дубков?!

Кто-то перебил его воспоминания. Он оглянулся. С другого конца коридора с тряпкой в руке, в завязанной спереди тутим узлом юбке спешила незнакомая женщина.

— Точно, он. — Она обошла его кругом, не выпуская тряпку из рук, маленькая, растрепанная. — Чи не узнаешь?

Геннадий Павлович непонимающе смотрел на нее.

— Генка, Дубков! Да ты что, забыл, как вместе с тобой сидели на одной парте?! В этом вот классе. — И она указала на ручку двери, за которую только что дергал Геннадий Павлович. — Вот так раз. Неужели не помнишь?.. Стеша я, Зайчик. Ну! — И она, как показывают обновки, покрутилась перед Геннадием Павловичем.

— Ну да, как же, — натянуто улыгнувшись, сказал Геннадий Павлович, — Зайчик... Как же, теперь вспоминаю... — И он театрально приложил руку к голове. — Только вот...

Но Стеша, обрадованная встрече, уже была там, в их детстве:

— А ты помнишь, как Алексей Трофимович...

— Какой Алексей Трофимович? — успел вставить Геннадий Павлович.

— Да ботаник же наш. Ты что, совсем без памяти? — тараторила Стеша Зайчик. — Между прочим, до сих пор работает, старенький уже совсем, отправился было на пенсию, да только куда там — скоро и возвратился... Ну ладно. Так вот помнишь, как он нам в микроскоп лук репчатый показывал? Ты еще тогда хитрилсь луковичку стащить...

— Разве? — улыбнулся Геннадий Павлович и, взяв ее за мокрый локоть,

Кобель, зашедшись лаем, потянул за собой цепь и, взъерошенный, ощеренный, проводил их до калитки: Геннадий Павлович боязливо оглядывался и, лишь оказавшись на улице, успокоился. Перекрикивая собачий лай, он попрощался со Стешей. Сказал, что провожать его не надо, дорогу он и так знает. Стеша послушно осталась стоять у калитки.

Геннадий Павлович быстро зашагал прочь серединой улицы. Оглянувшись в последний раз, он увидел, как Стеша, стоя на корточках перед девочкой лет семи-восьми, поправляя ей что-то, пальцем указывала на удаляющегося Геннадия Павловича. Собаки больше не было слышно. Геннадий Павлович перестал оглядываться.

...Москва закрутила его своими хлопотами. Дел перед защитой было много. Он целыми днями пропадал на работе. Домой приходил поздно и, поужинав на скорую руку, снова садился к столу — работал.

После защиты, прошедшей удачно, без «черных шаров», счастливое семейство Дубковых распределяло приглашения на банкет.

— Генуля, — ворковала жена Геннадия Павловича, — а вот Марк Михалыч переберется и так, он ведь даже не член совета...

— Но я ведь обещал, Лина, — робко пробормотал Геннадий Павлович.

— Это все было «до». Ты понимаешь, это было «до», теперь все меняется, ты ведь теперь... ты... ты даже не знаешь, кто ты теперь. — И она нежно поцеловала его в запелованный за этот день лоб.

Банкет прошел удачно. Приглашены были все, кого надо было пригласить. Было весело, шумно, без конца играла музыка, перебиваемая лишь ласкающими душу Геннадия Павловича спичками в его честь. Когда все закончилось, он сам, хмельной и счастливый, стоял у выхода и прощался с дорогими гостями, пожимаемая им руки, услужливо распахивая двери заказанных заранее такси.

На следующий день с тяжелой головой он вышел в пижаме к почтовому ящику и стал медленно выбирать из него почту. Среди накопившихся за эти суматошные дни газет он увидел письмо. Взглянул на обратный адрес: «Курская область...» «Из мединститута», — подумал Геннадий Павлович, разрывая на ходу конверт.

«Здравствуйте, наш дорогой Геннадий Павлович! Привет вам от вашей одноклассницы Стеши Зайчик и ее дочери Ксении. Живем мы теперь, как на крыльях, такими вы нас сделали счастливыми. У Ксюши день и ночь только и разговоров что о Москве. Ни одного кино не пропустил, если там про нашу дорогую столицу показывают. Даже учиться лучше стала. Я тоже готовлюсь к вашему банкету. Вот платье кримпленовое справила — в нашем раймаге подружки подмогли. Так что в грязь лицом не ударим. Мне, по правде сказать, и самой давно хотелось в Москву, да только не было там у нас никого. А теперь вот навроче как родня даже. Ну, в остальном все по-старому. Дом вот надо бы подладить да угольком запастись на зиму. Все ж одна кручусь. Вот и не поспеваю, а тут же на поездку нашу подрядилась еще в вечерней школе убирать. Дак оно и совсем времени не стало. Но ничего, теперь у нас с Ксюшкой мечта в жизни есть... Ждем неждемся вашей весточки, дорогой Геннадий Павлович. Ну, вот и все. Если что не так — не обижайтесь. Ваши Стеша и Ксюша», — дочитал он уже на кухне.

— Ну, долго ты там дрыхнуть будешь? — как-то по-петушиному крикнул Геннадий Павлович и испугался своего собственного, севшего за эту ночь голоса.

РОДНЯ

Рисунки
Вениamina КОСТИЦЫНА

Есть такой праздник в нашей деревне: Борис и Глеб. Эти два или три августовских дня в самом начале месяца любимы моими односельчанами за то, что каждый год приводят в дом старых добрых знакомых. В эти дни к нам в Березники — кто пешком по Белой горе, кто по реке на катере — торопятся хорошие люди, чтобы навестить своих, чтобы подышать дорогим воздухом своей родины, чтобы набраться от родной земли новых сил. Люди спешат — времени не так уж много. А пора уборочная, страдная — тут каждая минута на счету. Но идут к нам люди по старому, заведенному бог весть когда обычаю. В таких встречах в родных стенах вызревают мудрые решения, даются разумные советы на все случаи жизни. А если в таковых невелика надобность, то и просто побыть среди своих — дело хорошее. Наслушаешься, бывало, всяких росказней, былей-небылиц, добрых слов, песен, которые в эти дни затихали разве что под самое утро, уже подхваченные первыми петухами. А вдали как! Складная брехня, она в деревнях любима, живет в них своим, пока неприметным искусством и имеет своих неоспоримых мастеровых. От разговоров в избах становится тесно. Вместе с подушками да одеялами переносятся они под сарай, в хижинки и другие самые невероятные места, где и стихают наконец, сменяясь громким и дружным храпом утомленных обильным застольем людей...

А назавтра, чуть свет, разносят бабы разные разности по деревне. Хвастают своими гостями, судачат на все лады. Осторожненько выведывают друг у друга подробности. Но недолго длится эта тайная заутреня — деревня уже просыпается. Гости, наскоро наведя марафет, сидят где-нибудь под разлапистой грушей, ждут, когда снова покличут к столу, чтобы продолжить прерванное прошлой ночью веселье, чтобы вином и шуткой раскалить его добела и затем снова опустить в студеную росную ночь, так, чтоб пошел от него вечерний пар, какой идет из кухни от опущенного в холодную воду раскаленного металла.

Позвали к столу. И потянулись с разных концов двора разнаряженные люди к сенцам, а там и в дом. Идут вроде бы нехотя, но это только так, для вида. Уже через полчаса распахнет окна и вырвется наружу какая-нибудь любимая в доме песня, и будут останавливаться под окнами мальчишки, и слушать, и баловаться, и выкрикивать имена своих сверстников, настойчиво вызывая их из избы. И пойдут по деревне с гармонью второй день, раздаривая песни и шутки, а кому и тумачи, поднимая по горячей дороге высокую пыль...

Но вот затих и второй день. Пошли по своим местам чужие гости.

А мы спать ложиться, так и не дождавшись никого...

И тут, когда уже тяжело наваливался первый сон, в окно постучали.

— Кого это черти несут? — свешивая с кровати укутанные в пуховые платки ноги, проговорила бабушка и пошла к окну.

Постояла, подождала. Может, кто случайно? Да нет. Стук повторился, и стало ясно, что, если не отозваться, стучать будут долго.

Бабушка прильнула к стеклу.

Что сказали с улицы, слышно не было. Только на обратном пути от окна к двери бабушка уже говорила как будто про себя:

— Заходи, заходи, сынок...

Через несколько минут на пороге появился молодой парень.

Он вошел быстро, оставив бабушку сразу позади себя и прямо выскочив на середину комнаты. Дождавшись, когда она, оставив в покое дверные запоры, вошла в хату, бросился обнимать ее:

— Здорово, бабуля, здорово, родненькая... Ну, давненько, ну, сто лет!..

Бабушка была смущена. Но отделаться от объятий было не так-то просто. Наконец парень оставил ее в покое, грузно сел на лавку у стола и стал пристально и с умилением разглядывать бабушку.

Она же, постояв немного среди комнаты, вдруг засуетилась, бросилась к лампе, прибавила свету.

— Аня, Коля, Валерий, Маша, Оля... Вы только поглядите, кто к нам пожаловал!..

И скрылась в темноте кухни.

Скоро на столе перед парнем появилась бутылка, к которой с разных концов стола все мы подставляли всякую закуску.

Парень налил до краев чарку, пожелал нам доброго здоровья, снова упрекнул себя за столь долгое отсутствие и, выпив крепкое, громко крикнув, стал шумно поглощать обильную закуску. Бабушка сидела напротив, внимательно разглядывая позднего гостя.

— Вы простите, конечно, но кем же это вы нам приходитеесь?..

— Это я-то? — сказал он, наливая вторую стопку и пододвигая ближе миску со студнем.

— А то кто же?..

— Вот те здарсьте! Мишку Вялого знаете? Знаете. Ну вот. Я его племян. И был я у вас сто раз. Да только давно это все было. И маленький я тогда...

— Да, да. Вы кушайте, кушайте...

— Спасибо, бабушка, спасибо. Да. Так вот самый первый раз приезжали мы к вам из Воронежа с теткой. Ох и выручили вы нас тогда — прямо от смерти, можно сказать, спасли... У вас еще сарай на другом месте стоял, и погреб, как сейчас помню, у самых ворот был... Верно говорю? — И, не дожидаясь ответа: — А-а, вот то-то и оно. Ну, вспомнили теперь?

— Да, да, ну как не вспомнить... Ешь, милый, ешь. Коля, Коль, сынок, ты-то хоть признаешь родню?

— А то нет. Глянь на него — такой же, как и мы, кирпачный и выпить, видать, не дурак.

— Ну-ну, шел бы лучше спать...

— Тогда не спрашивали б...

Разговор не клеился. Парень отчаянно приводил примеры почти прямого родства, но все они были старше его самого, и потому, доставив их в наш дом, он, что называется, не мог их разложить в нужном порядке, дать им ладу. Видно было, что он заволновался. Продолжая есть, но уже без прежнего аппетита, он спросил:

— Спойте, бабуля, как, слышь, вас зовут-то?

— Варвара, Варвара Лукьяновна... Ищенко...

— Вот те раз! Вот так номер... Так я же не к вам вовсе! Я ж к Пудьяновым, у меня и записка... Тут вот у меня... — И полез было в карман. — Вот это да, ну и история... Вечно со мной что-нибудь... Вы уж извиняйте! То-то я смотрю...

Бабушка остановила его руку на полпути к карману...

— А вот теперь я и вспоминаю. Ну как же, как же. Ты еще в наш двор приходил с теткой, от немцев прятались вы... Ох, ох... Ну, а Зинка, кем она вам доводится? Как она? Эх, хлебнула горяшка, бедная. Всех породило нас лихоletье. А к Пудьяновым ты еще поспеешь... Господи, так как же это я сразу-то не признала!

Она поднялась с места и дала прежде налитую и позабытую было за разговором стопку в руку смущенному парню...

— Давай, милый, давай, горяшка дорогой. Как же, как же! Вот хорошо, вот спасибо, что зашел. Помню и мамку твою, как она теперь? Красавица была... Да ты ешь, ешь. Закусывай... Коля, да ты чего ж это разлежся, погляди, кто к нам приехал...

В дальней комнате, где сегодня полагалось спать Николаю, послышалось шарканье босыми ногами по половицам, потом скрипнули дверки шифоньера — Николай надевал свой выходной костюм...

ПРОЗА

...Начинается с нас

«Свадебный марш Мендельсона»... Уже самым названием своей новой книги прозаик Олег Попцов заявляет о ее теме («Московский рабочий», 1978 г.). Действительно, молодая семья — главный герой вошедших в нее произведений: одноименной повести и романа «Орфей не приносит счастья».

...Станным кажется вначале, что во взаимоотношениях двух молодых людей арбитром выступает конь спортивной школы Орфей. Кстати, Кеша встречает Аду благодаря Орфею: ему выпало обучать езду начинающую неумеху. И то ли в шутку, то ли всерьез признается Кеша четвероногому товарищу своему, что вот, мол, полюбил. У него ищут герм сочувствия и понимания в сложные моменты. И надо же, Орфей реагирует на, казалось бы, мельчайшие нюансы истории любви. Более того, его переживания и многое другое, с ним происходящее, составляют второй, почти самостоятельный план повести. Допуск безусловен — животные не думают и не замечены до сих пор в моменты усиленного самоанализа. Но чем дальше продвигается читатель по данному им автором сюжетному пути, тем яснее становится назначение этого допуска, несоизмеримого внешне с реалистическим рисунком повествования.

Историю романтического знакомства героев как бы «сопровождает» приподнятое состояние Орфея, его безудержное желание сказать, сказать и с гордостью нести молодых хозяев. Когда наступает сложный период в семейной жизни Ады и Кешы, его отзыв мы находим в грустном, подавленном состоянии животного. И, наконец, Орфей оказывается потерян в бездонном пространстве степи, почти на краю гибели, как раз в момент полного распада молодоженов.

Итак, его состояние, его одушевленность — суть одушевления всего происходящего между молодыми. Но все же, заметьте, Орфей счастья не приносит...

Счастье начинается с вас, уважаемые молодожены, герои мои, дает понять автор. Никто не может лучше, чем вы, разобраться, сориентироваться в тернистом пути к нему. И потому Орфей притихло своей я надеждой отнюдь не лошадиными способностями рассуждать. Рассуждать о вас. Но и он не принесет счастья. Потому, что нет вам много судьи — только вы.

Олег Попцов показывает себя умелым, оригинальным в поиске писательского хода и в повести «Свадебный марш Мендельсона». На этот раз — письма,

монологи героев и ...неожиданно обнаженное вмешательство автора в форме своеобразных «свидетельств». Поле интереса прежние — молодая семья, проблема — высокая цена достижения собственной ответственности за счастье любимого человека. Писателю вольготны в выбранном построении повествования: монологи и письма, как мозаичные камешки, все дополняют и дополняют друг друга, создавая рисунок. Ну, а «Свидетельства автора» — нет, они не исполняют роль руки направляющей, они проясняют краски этого рисунка.

Обращаясь к пружинам конфликтов извечных и трудноразрешимых — семейных, дотошно выписывая даже мельчайшие их детали, писатель отнюдь не строит фундамент под заключительное «моралите». Скорее, цель его доброй книги — побуждение.

Побуждение к поступку, который реализовал бы нравственные приобретения человека.

Андрей КОМАРОВ

ПОЭЗИЯ

«На расстоянии любви...»

Что может быть возвышенной и строго, чем осмысление жизни и судьбы сердца, озвученным любовью, сердцем, вобравшим по крупницам опыт и забытые отпущенных дней, сердцем, ответственным равно риском и осторожностью, щедростью и ранимостью, бескорыстной жертвенностью и высокой требовательностью к себе? Сборник новых стихотворений Риммы Казаковой «Набелом» («Советский писатель») четко определяет ряд кровно дорогих поэтессе понятий: Родина, современники, сын, работа, любимый человек. Они как бы «территория», находящаяся «на расстоянии любви» от ее сердца, от всей гражданской сути творчества поэтессы. Понятие Родины включает в себя для Риммы Казаковой одинаково близкие ей и Вологодчине и жаркий Узбекистан — от Самарканда до Голодной степи («Голодной степью будет голодна, как голодна любовью и весной...»); и Воркуту, откуда видится, как «повернут шар земной к солнцу буровыми вышками...»; и «отмеченные необычным светом» грузинские города Багдади и Кутанси; и «круглые горы Памира». За такой широкой географией литературных пристрастий стоит искреннее стремление поэтессы сблизиться со вновь открытым краем, с его людьми и заботами, его сегодняшним днем и днем грядущим. С беззаветной горячностью откликаться на дружественную теплоту новых и новых встреч с окружающим, не требуя для себя ни особых благ, ни облегченной доли («Но — были бы здоровы! И — дело. Потрудней!»), Р. Казакова четко разграничивает подлинное и мнимое и в становлении человеческого характера и в человеческих отношениях вообще: «И особенно живая хороша тем, что все же на

ложь не купилась. Много шума узнала душа. Много ярости в ней накопилось». Этот узнанный шум, этот гул самого времени, не ожесточающий душу, но пробуждающий в ней неуемную жажду творения добра, неистребимую ярость воплощения в жизнь всех заветных стремлений, этот путь, полный раздумий, сомнений, нелегких побед, завоеванных ценой если не усталости, то неизбежных при любом движении ошибок и уграт,— все это дает автору неоспоримое право на признание: «Я четко поняла теперь, участь у света и у тени: приобретение потерь важнее приобретений». Но за жесткой наполненностью дня, за ежечасной и ежесекундной отдачей всех творческих сил на алтарь всеобщего дела есть еще неизбежное и не менее главное — дом, семья, любимый... Есть прозрение: «Быть матерью — завидней доли нет. Быть матерью — счастливейшая сила». Есть материнское проричание, обращенное к сыну: «И даже с той, кого полюбишь, познав любовь восторг и скорбь, моей любовью мудр ты будешь, моей любовью будешь добр». Есть, наконец, Любовь, наполнившая собой целый мир («Мы вселенную нашу сужали до ладоней, до губ возле губ»). Любовь, стоящая превыше обманных удач и мнимых сбоев в повседневных взаимоотношениях («Я — охотница, птицу подбившая. Я сама — эта птица поникая»). Любовь, поэтизирующая, казалось бы, столь обыденные реалии существования («Я полюбила быт за то, что он наш общий быт, что у меня твое пальто на вешалке висит»), благословляющая «чистоту декабрьских снежных дней», дарованных единой судьбе двоих. И потому так просто дышится в светлом пространстве обретенных поэтессой строк: «Не нареку торжественно любовью, затаявшая или не тая, но навсегда счастливой светлой болью теперь душа отмечена моя».

Владимир САВЕЛЬЕВ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Мир Николая Рериха

Кем был этот удивительный человек? Выступая на открытии выставки Николая Рериха в Дели, Джавахарлал Неру сказал: «Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений». Сейчас имя Николая Рериха стоит в одном ряду с именами тех славных представителей творчества, которые своим творчеством, борьбой за гуманистические идеалы стремились нести людям счастье.

Именно судьбе Николая Рериха посвящена книга Валентина Сидорова «На вершинах» («Советская Россия»). Автор открывает широко читателю мир Рериха, прослеживает этапы его пути. Причем в поле зрения Сидорова не только Рерих-художник, но и поэт, путешественник, борец за мир.

Он стал известен в России на рубеже двух веков. Тогда целая группа молодых художников, объединенных в группу «Мир искусства», обратилась к истории Руси, чтобы найти в ее искусстве основу для движения вперед. Пробудился широкий, творческий интерес к древнерусской живописи. Валентин Сидоров точно замечает, что в обращении к истокам культуры, к историческим сюжетам кроется та тайна, которая скрыта в картинах Рериха, «величайшего интуитивиста современности», по словам Горького.

Стихи Рериха, считает автор книги, ни в какой мере не являются лишь иллюстрацией к его картинам. Они всегда несут свою, предельно обнаженную, напряженную мысль. Философичность поэзии Рериха роднит его стихи с произведениями Тютчева, несмотря на резкое своеобразие формы рериховского стиха.

Одним из смелых предположений, выдвинутых Рерихом в начале века, была гипотеза о единых корнях русской и индийской культуры. Чтобы подтвердить ее, Рерих еще до первой мировой войны вынашивает планы экспедиции в глубь азиатского континента. Осуществить их ему удалось лишь в двадцатые годы нашего века.

Живя в Индии, Рерих сердцем с Родиной. Как образно пишет Сидоров, «художник... живет на положении дозорного, который все время напряженно всматривается в даль: а не предпринял ли враг новую вылазку против России?». И когда грянула Великая Отечественная война, Н. Рерих всем, чем мог, стремится помочь Родине. Он организует выставку своих картин, чтобы деньги, полученные от их продажи, направить в фонд помощи Советской России. Его сыновья Юрий и Святослав телеграфируют в Лондон советскому послу Майскому. Они просят принять их добровольцами в Красную Армию. Художник мечтал водружить на земле Знамя Мира, но он отнюдь не был пацифистом. Очень важно, что именно на этом акцентирует внимание автор книги о Рерихе, убедительно полемизируя с теми, кто еще волюно или нольно искажает суть деятельности Рериха.

Когда-то Киплинг писал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут». Вся жизнь Николая Константиновича Рериха была направлена на то, чтобы уничтожить этот барьер, чтобы «во имя красоты знания, во имя культуры стерлась стена между Западом и Востоком». Прекрасно, что устраиваются в нашей стране выставки картин Рериха, выходят его произведения, что появилась интересная книга «о великом русском друге Индии».

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Путешествия и открытия

Книгой верности Дальнему Востоку, любви к этой земле и ее замечательным людям на

звал бы я недавно вышедшую («Молодая гвардия», 1978 г.) книгу очерков Виктора Андрианова «Край комсомольский — наш Дальний Восток», отмеченную почетным дипломом Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского.

Край комсомольский... Да, сегодня правомерно и такое определение этой исконно героической земли. Вся ее новая, советская история неразрывно связана с комсомолом, с нашей молодежью, ее самоотверженностью и энтузиазмом.

Мы говорим «Дальний Восток», и сразу же вспоминаются: Комсомольск-на-Амуре, движение девушек-хетагуровок, слава Хасана и Халхин-Гола... Перекличка комсомольских поколений, перекличка героических дел.

Символично: БАМ — это концентрированное воплощение молодого энтузиазма семидесятых — конечной своей точкой имеет Комсомольск-на-Амуре. Даже не перекличка — рукопожатие поколений.

Главный герой книги многолик. Он по-хозяйски обживает новые края, зорко несет охрану восточных рубежей Родины, он учится и учит, живет в напряженном ритме десятой пятилетки. В этой многоликости есть единство — он молодой. Автор ведет нас маршрутом его сегодняшних забот, адресами ударного труда: Дальзавод, восточный участок БАМа, Зейская ГЭС... И на этом пути происходит важное для читателя знакомство с дальневосточным характером. Характером добровольца и первооткрывателя.

Книга — это путеводитель по Дальнему Востоку, хотя и написана в форме «девяти путешествий». Она скорее агитатор, способный подарить молодому читателю мечту о далеком и сказочном крае, желание принять личное участие в его преобразовании. Агитатор ненавязчивый и правдивый. Ее обаяние и в том, что книга окрашена личным, не только журналистским, причастностью автора к будням его героев: когда-то, еще юношей, после окончания Донецкого горно-обогатительного техникума, ему довелось несколько лет трудиться на шахте в городе Артеме. Так что книга и ему, автору, дарит возможность узнавания, встречи с друзьями юности, с теми, кто продолжал дело юности.

Книга посвящена сегодняшнему дню Дальнего Востока, и тем не менее в ней вовсе не кажутся «вставными элементами», — скорее наоборот, позволяют объемнее и ярче увидеть этот день — ссылки на исторические материалы, штрихом, эпизодом данные картины прошлого. Запоминается образ русского мореплавателя Геннадия Невельского, созданный автором на основе скрупулезных документальных свидетельств, — он придает книге романтическое звучание. Андрианов часто цитирует письма, дневники очевидцев. Журналиста отличает высокая культура работы с документальными материалами.

Известно, какое внимание уделяет партия развитию Дальнего Востока. Она учит вести освоение новых районов с государственным размахом и вместе с тем экономично, рационально, с учетом завтрашнего дня. Характерно в этом плане, что журналист не обходит стороной острые проблемы Дальнего Востока: его размышления о закреплении кадров, о толковом, рациональном использовании великого богатства — народного энтузиазма — делают книгу по-настоящему актуальной.

Путешествия предполагают открытия. И в данном случае, можно сказать, открытие состоялось, открытые замечательные герои, удивительной земли, истинные комсомольского края.

Георгий ПРЯХИН

ТРУДОВОЙ СТАЖ

С членом Президиума Академии наук СССР, президентом АН УССР, директором Института электросварки имени Е. О. Патона, дважды Героем Социалистического Труда Борисом Евгеньевичем ПАТОНОМ беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ

Разговор о металле по своей тематике может быть бесконечным и неисчерпаемым. Поэтому, Борис Евгеньевич, хотелось бы остановиться только на одном: почему народному хозяйству страны не хватает этого важного материала?

Известно, проблема эта не новая. Для ее решения сделано и делается немало. Советский Союз по выплавке стали уже давно вышел на первое место в мире. Год от года он наращивает ее производство. И тем не менее...

В чем, на ваш взгляд, причина этой острой проблемы? Какие меры необходимы для ее кардинального решения? Может быть, нужно всего лишь создать дополнительные мощности, увеличить выплавку стали на то количество, которого ежегодно недостает народному хозяйству, — и навсегда покончить с дефицитом?

— Думаю, радикальный выход из положения не в этом.

Плавить, или, как еще говорят, варить, сталь — дело очень дорогое. Например, для того, чтобы увеличить ее производство на один миллион тонн в год, необходимо истратить миллиард рублей на создание соответствующих мощностей. За последние десять лет наша черная металлургия примерно в полтора раза увеличила выплавку стали. Если мы сохраним темпы прироста на прежнем уровне, а расходовать металл будем столь же неразумно, неэкономично и неэффективно, как это делаем до сих пор, то лет через десять — двадцать, к концу нашего столетия, бюджету страны будет не под силу выдержать такие грандиозные затраты. Посчитайте, во сколько миллиардов это обойдется.

Разумеется, и в будущем нам нужно расширять сталеплавильное производство, строить новые металлургические заводы, конверторные цехи. Но при этом необходимо помнить, что такой путь имеет свои разумные пределы. Нельзя вкладывать средства в черную металлургию в ущерб другим отраслям народного хозяйства. Только гармоничное развитие всех отраслей эффективно.

— Но, с другой стороны, нельзя эффективно развивать другие отрасли при дефиците металла. Железный век, начавшийся несколько тысячелетий назад, еще не окончился. Железо, сталь ныне более, чем когда-либо ранее, — основа научно-технического прогресса. Без них немислимы машиностроение, транспорт, связь, наконец, наш быт. Без них вообще невозможна наша цивилизация.

— Конечно. В свое время у нас было модно говорить: железный век кончился, начался век пластмасс. Помню, лет двадцать назад в одной из газет даже поместили такую карикатуру: металлургию изобразили в виде костлявой, паршивой клячи, а химию — мощным, могучим конем, который тянет плуг по борозде. Сразу становилось понятным, за кем будущее. Более глупого и ошибочного рисунка нельзя было и придумать. Потому что в обозримом будущем металлы (сталь в первую очередь) останутся основным конструкционным материалом. Без них невозможен технический прогресс, развитие любой из отраслей народного хозяйства.

— Выходит, заколдованный круг: без ускоренного наращивания производства металла обойтись нельзя, но и отдавать предпочтение черной металлургии тоже нельзя. Где выход?

— Научиться разумно и экономично расходовать металл.

Сейчас выплавка стали неудержимо растет во всем мире. Из 750—800 миллионов тонн, которые производятся в год на земном шаре, сто пятьдесят миллионов — наши, советские. Это больше, чем дают все страны Общего рынка, вместе взятые. Нам есть чем гордиться.

Но вот по другому показателю, коэффициенту использования металла, мы, к сожалению, отстаем. Сейчас из одной тонны стали мы выпускаем машиностроительной продукции меньше, чем другие развитые страны.

Партия учит, что для экономики страны важны не столько достижения отдельных предприятий, даже отдельных отраслей, сколько конечный результат, определяющий общий народнохозяйственный эффект.

В частности, говоря о металлургической промышленности, Леонид Ильич Брежнев и на XXV съезде партии, и в последующие годы не раз указывал, что страна заинтересована прежде всего в том, сколько и какого качества машин она получит из того количе-

рода, соединясь с кислородом, в виде углекислого и угарного газов удаляется из печи; другая же часть остается в расплаве вместе с железом. Это и есть чугун.

Теперь, чтобы получить сталь, нужно в мартене или конверторе с помощью кислорода выжечь из чугуна углерод.

Вот этой алогичности и не поймут наши потомки: зачем мы сначала вгоняли в руду углерод, чтобы вытеснить кислород, а потом кислородом выжигали углерод.

Такой вот нонсенс, бессмыслица, унаследованная от прошлого века, сохраняется и поныне, хотя уже много веков известен более короткий путь получения железа, так называемый кричный способ. Его использовали с давних времен, когда человек не знал ни домен, ни чугуна, которые появились то лет сто назад. В чем суть кричного способа? В кузнечном горне железную руду нагревали вместе с углем, углерод постепенно забирали из руды кислород, в результате образовывалась раскаленная тестообраз-

В ОГНЕ НАЧИНАЕТСЯ ЖИЗНЬ ЧЕРНОГО МЕТАЛЛА.

ства металла, который производит черная металлургия. Валовые же показатели производства чугуна, стали, проката, сами по себе не столь важны, как этот конечный итог.

О недостатках в работе черной металлургии говорилось и на ноябрьском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Чтобы понять, как образуется дефицит металла в стране, нужно проследить весь путь стали, от ее производства к ее использованию. Тогда станет ясно, на каком из этапов мы больше всего теряем или недополучаем металла.

— Итак, производство...

— В металлургии, как принято говорить, имеется четыре передела металла. Первый — доменный: получение из руды чугуна.

Порой мне кажется, что наши потомки будут считать нас неандертальцами только из-за нашего способа получения железа. Они не смогут понять, как мы додумались до такой алогичной, трудоемкой, тяжелой, дорогой схемы. Как сейчас получают сталь во всем мире? Берется железная руда — другими словами, соединение железа с кислородом, — засыпается вместе с коксом в доменную печь, где при высокой температуре в результате взаимодействия руды с коксом образуется металлический расплав, в котором очень хорошо растворяется углерод. Часть угле-

ная железная масса, крица, из которой ковкой «отжидали» остатки ненужных примесей и получали сталь, булат.

Сейчас метод прямого восстановления железа из руды переживает свое второе рождение, он, разумеется, поднят на современный уровень развития науки и техники. Сама по себе идея чрезвычайно проста: измельченную в порошок руду подают в обжигную печь, где при высокой температуре порошок взаимодействует с восстановителем (природным газом, водородом), способным соединиться с кислородом. Полученный в результате продукт окомковывают в металлизованные окатыши, на девяносто с лишним процентов состоящие из железа. Окатыши удобно транспортировать, да и поверхность у них меньше, значит, они меньше, чем порошок, окисляются атмосферным кислородом и влагой.

Дальше окатыши загружают в электродуговую печь и получают сталь.

Метод прямого восстановления железа все шире внедряется в производство. Из 750—800 миллионов тонн стали, которые, как я говорил, производятся сейчас в мире, уже несколько десятков миллионов тонн получают этим прогрессивным способом. И что показательно, в основном он внедрен в развивающихся странах, располагающих дешевым энергетическим сырьем. Даже на привозной железной руде, на своем природном газе они получают дешевую отличную сталь.

МЕТАЛЛА

Этот метод будет использован и на строящемся у нас Оскольском металлургическом комбинате. Думаю, что на эту технологию нам следует ориентироваться при планировании предприятий черной металлургии, которые мы собираемся строить в будущем, скажем, в зоне БАМа. Руды в Сибири есть, природного газа тоже хватает.

Однако следует учитывать и трудности, которые неизбежны, как и во всяком новом деле. У нас нет пока что ни специалистов, ни опыта как по процессу производства окатышей, так и по плавке их в электродуговых печах, где необходимо соблюдать особый режим. Но все это придет с годами. И Оскольский комбинат должен стать нашей школой. Главное: необходимо понять, что за этим методом будущее. Если мы хотим идти в ногу с техническим прогрессом, нельзя ориентироваться только на привычный, хорошо отработанный, но дорогой и уже устаревший доменный процесс.

— С первым переделом мы покончили. Второй?..

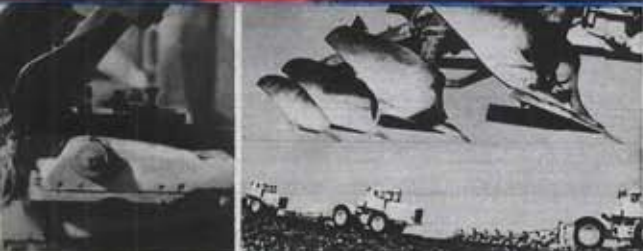
ляемой в них стали народное хозяйство не может обойтись.

— А если перейти на конверторы?

— Со временем, конечно, так и будет, но переход этот будет идти постепенно, постепенно изменится и структура нашего производства стали. Этот процесс потребует таких колоссальных капитальных вложений, какие в короткий период нашему бюджету не осилить. Но перспектива и общее направление развития ясны.

— Всякий раз, когда мы начинаем говорить о приросте производства металла, мы упираемся в одно и то же препятствие — слишком большие затраты. Есть пути, которые могут дать металл меньшей ценой?

— Вот о них-то мне как раз и хотелось сейчас сказать. До сих пор у нас еще слишком велики

И ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ОНА В ГВОЗДЕ
И МАШИНЕ.
В КАНЦЕЛЕРСКОЙ
СКРЕПКЕ
И КОСМИЧЕСКОМ
КОРАБЛЕ.

— Сталеплавильное производство.

Сталь можно получать в мартенах, конверторах, электропечах. К сожалению, структура производства стали у нас в стране несколько отстала от требований сегодняшнего дня. Так уж исторически сложилось. Когда мы вышли из войны и нам нужно было срочно поднимать разрушенную металлургию, мы восстанавливали ее такой, какой она была до войны. Так было проще, имелся опыт. Построили мартеновские цеха, шестисот-, девятисоттонные печи-гиганты, настоящие мастодонты сталеплавильного производства. А ведь выгоднее и быстрее получать сталь в конверторах. Конвертор—это скорость и эффективность. Залил в эту громадную грушу сотни тонн жидкого чугуна, продул его кислородом и в считанные минуты выжег углерод, получил сталь, железо.

Реакция—экзотермическая, идет с выделением тепла. Экономится топливо, экономится время. Сталь получается за минуты, а не за пять-шесть часов, которые должен «кваситься» в мартене чугун с металлоломом прежде, чем получим то же количество стали.

Сегодня в Японии и некоторых других странах мартеновских печей практически уже нет. Сталь выплавляется только в конверторах. Мы же, увы, видимо, до конца нашего века будем еще получать значительное количество мартеновской стали. Мы не можем вот так сразу закрыть цеха, где стоят давящие нам такой дорогой ценой печи. Без выплав-

неоправданные потери металла. Начинаются они у самого потока стальной реки—в черной металлургии. На свою беду, мы не умеем использовать в полную меру достижения человечества в этой области и даже свои собственные. Весь мир подхватил советское изобретение—непрерывную разливку стали. Весь мир работает по этой технологии. Мы же в этом прогрессивном деле находимся не на самом видном месте. Продолжаем лить металл большей частью «на канаве». По этой причине приходится отрезать от каждого слитка низ и «голову». Обрезь, дефектный металл—наш бич, но и наш резерв, который пора пустить в дело. Не хочу углубляться в техницизмы, а тем более поучать черную металлургию, как нужно варить сталь. Все это и так всем хорошо известно. Остановка за малым: знания пустить в дело.

Производя металла больше всех в мире, мы делаем его не очень высокого качества. Он «засорен» различными включениями, газами, вредными примесями. Из-за этого он теряет прочность, антикоррозийную устойчивость, ухудшаются многие его конструктивные качества. Внедряя высокопрочные, высококачественные стали, мы, грубо говоря, можем в полтора раза снизить вес всех наших конструкций.

А что это такое на практике? Возьмем для примера белорусские карьерные автосамосвалы грузоподъемностью в 40,75 и даже 120 тонн. Если делать их кузов из обычной стали, то придется на каждой ходке возить 25—30 тонн металла. Заменяем сталь на более

прочную—облегчим конструкцию, и сразу на десять—пятнадцать тонн увеличим полезную грузоподъемность автомобиля.

Очень много металла потребляет угольная промышленность. Он идет на изготовление добывающих комплексов, транспортеров, крепей—миллионы тонн в год. Но сталь используется обычных марок. Пустите на все это металл раза в полтора-два прочнее—и на столько же можно будет снизить сечение всех металлоконструкций. Они станут легче—и уменьшатся затраты труда на перемещение комплексов в забое, возрастет производительность труда. И главное—экономим металл.

Есть, разумеется, и другие методы улучшения качества выпускаемого металла.

В нашем институте разработан метод электрошлакового переплава. Этот процесс позволяет получать слитки и отливки с отличными свойствами.

Об этом методе говорилось и на XXV съезде КПСС, и в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», и в соответствующих Постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Министерству черной металлургии и всем машиностроительным министерствам совместно с нашим институтом поручено разработать и осуществить в 1980—1985 годах мероприятия по дальнейшему расширению и применению электрошлакового литья. Не думаю, что применение этого процесса сэкономит миллионы тонн стали, но за сотни тысяч тонн дорогой, высоколегированной стали, необходимой машиностроению, ручаюсь. Экономический эффект этого метода очень высок.

Есть во втором переделе еще одна проблема, решение которой при незначительных затратах может дать большую экономию средств и металла.

Позвольте привести такой пример. Самый распространенный металл—это обычная низкоуглеродистая сталь, которой мы выплавляем десятки миллионов тонн в год. Сталь эта имеет у нас в стране очень широкий разбег по фактическим механическим свойствам. Использование металла определяется его прочностью. Когда конструктор «просчитывает» свою машину, он закладывает в расчет и прочность металла: скажем, предел текучести—28 килограммов на один квадратный миллиметр. И в зависимости от этого показателя высчитывается толщина или сечение того или иного узла. Но вот оказывается, что мы выпускаем десятки миллионов тонн стали, у которой разбег по пределу текучести, то есть по показателю ее прочности, находится в границах 23—40 килограммов на один квадратный миллиметр. Естественно, конструктор ведет свои расчеты по минимальному показателю—23 килограмма. И, таким образом, весь запас прочности, который фактически имеется в стали, не используется. Получается, что металл добывали, варили, прокатывали, чтобы он лег мертвым грузом на какой-то детали, узле, машине.

Чтобы использовать металл полностью, нужно ввести совершенно новые градации прочности. И, сохранив одно и то же наименование стали, скажем, «Сталь-3», необходимо дифференцировать ее на группы в зависимости от предела текучести, допустим, 26—28 килограммов, 30—34, 34 и выше. Этим мы дадим конструктору возможность закладывать в свою машину профиль той толщины, который действительно необходим. Если такую дифференциацию по фактической прочности выпускаемой стали провести по всей стране, мы сразу высвободим колоссальное количество металла.

И для этого необходимо всего лишь, чтобы металлургические заводы поставляли сталь не по одной, а по двум-трем категориям прочности. Проведенные расчеты показывают, что это мероприятие даст огромную экономию.

— Для этого придется пересматривать соответствующие стандарты на металл...

— Конечно. Но дело стоит того. Я вообще считаю, что наши стандарты на продукцию черной металлургии существенно отстают от требований промышленности. Не хотел бы, чтобы мои слова воспринимались как упрек в чей-то адрес, просто хочу сказать, что такая проблема есть, и она довольно сложна, решать ее нужно всем нам сообща.

— Видимо, ее можно полностью отнести и к третьему переделу металла—прокатке?

— И к ней тоже.

Любопытный парадокс: наша страна прочно удерживает первенство по выпуску металлорежущих станков, их парк растет из года в год, значит, растут и горы металлической стружки, в которую мы превращаем металл при обработке. Мы славим токарей-скоростников, мы перевозим силовое резание. А ведь оборотная сторона этого—все та же металлическая стружка. В год мы переводим на нее около восьми миллионов тонн. Подсчитано, что на машиностроительных заводах страны 28 процентов проката черных металлов идет в отходы.

— Вы считаете, что и тут виной всему стандарты?

— Разумеется, не только они. Но их «вклад» в бесцельный перевод металла довольно весом. Сортамент проката нашей металлургии включает сотни видов и тысячи типоразмеров. Жизнь показывает, что этого мало. Чем разнообразнее прокат, тем легче потребителю подобрать необходимый для изготовления изделия профиль. Снизятся затраты на обработку, снизится расход самого металла. Ведь ныне иной токарь или фрезеровщик уподобляется скульптору. Кажется, Микеланджело говорил: «В каждой глыбе мрамора скрыта фигура прекрасной Афродиты, нужно только сумеет извлечь ее оттуда, обрубив все лишнее». Так вот, у нас делают детали по этому же принципу: берут огромную заготовку и стачивают все «лишнее», порой вгоняя в стружку восемьдесят процентов металла.

И не всегда виновен потребитель. Ему, предположим, необходим пруток сечением тридцать миллиметров, а удалось «выбить» только в пятьдесят. Берет пятьдесят—все лишнее в отход. Нужен гнутый, легкий и прочный профиль, а вместо него предлагают тяжелый уголок—все равно приходится брать. А это лишний расход металла, лишний вес изготовленных машин, агрегатов, оборудования.

— Но простое увеличение сортамента проката, введение новых стандартов на него сами по себе, видимо, еще не смогут решить проблему. Ведь производственный план металлургических предприятий пока что «верстается» по тоннажу. Мелкие партии пусть даже сверхдефицитного проката им невыгодны. Переналадка прокатных станов требует много времени, сказывается на выпуске все тех же плановых «тонн».

— Значит, необходимо пересмотреть существующий ныне подход к планированию работы металлургических заводов. Видимо, следует экономически стимулировать их за выпуск мелких партий проката. Заказчик должен приплачивать за то, что ему изготовили особый профиль малого тоннажа. Все это в конечном счете окупится.

— Теперь, когда мы закончили с производством, можно перейти и к потреблению металла, где, наверное, тоже есть немалые резервы экономии?

— Говорить о потребителях еще рано. В металлургии существует еще и четвертый передел, так называемый адьюстаж, отделка металла. Чтобы полностью использовать потенциал свойств, которые имеются в легированной стали, ее необходимо подвергнуть термической обработке. Нужно развивать четвертый передел: доведенная до высшей кондиции сталь и надежнее служит, и требуется ее меньше.

— Теперь с производством закончено?

— Да. Но, прежде чем перейти к потреблению, мне хотелось бы остановиться на снабжении металлом. Эта сфера, по мнению наших видных ученых-экономистов, может дать значительную экономию его.

Существующая ныне в нашей стране система снабжения металлом возникла как бы в противовес ранее имевшейся системе снабжения через «Союзглавметалл». Тогда металл завозили на перевалочные базы, и потребитель получал то, что есть, а не то, что ему нужно.

Сейчас подняты на щит прямые связи: «потребитель—изготовитель». Прогресс очевиден. Но полностью удовлетворить эта система не может.

Представьте Магнитку, «Азовсталь», Кривой Рог или Липецк, эти гиганты, выплавляющие в год десятки миллионов тонн стали, а рядом мелких заказчиков, «выколачивающих» свои «кровные» сфондированные десятки, а то и несколько тонн. При всем желании удовлетворить все заказы (а их у каждого большого предприятия сотни, тысячи в год) металлургические гиганты не в силах. Они умеют варить сталь, катать ее, но сортировать металл по мелким партиям, отправлять его в сотни адресов и в нужные сроки—они не умеют, не могут, не приспособлены, да и не должны это делать!

В капиталистических странах тоже думают, как бы экономнее использовать металл. В последние десять лет у них прослеживается четкая тенденция: производитель металла не имеет дела с потребителем. Он отправляет свою продукцию на так называемые центры обслуживания, «сервис-центры». И вот там другой капиталист, который владеет центром и покупает у сталеплавильной фирмы металл, производит подработку его, как у нас в деревнях производят подработку зерна на токах, доводят его до нужной кондиции, прежде чем засыпать в закрома.

Что делают на центрах обслуживания? Берут всю массу металла, полученного с заводов—швеллер, лист, уголок, пруток,—и распределяют на мелкие партии по фактическим свойствам этого металла: по

маркам стали, по длинам, по толщинам, по сечению. Но, кроме сортировки, «сервис-центр» еще и дорабатывает металл: наносит защитные покрытия из цинка, алюминия, пластмасс, режет на мерные длины, делает заготовки, фаски для будущей сварки в соответствии с заказами потребителя. Эта система на первый взгляд кажется нерациональной: появился посредник, лишнее звено между производителем и потребителем. Но она позволяет складывать в машину, конструкцию то, что нужно, а не то, что есть в данный момент под руками. Эта мера поможет сократить перерасход металла и освободить наши сталеплавильные гиганты от вынужденной и не соответствующей их профилю снабженческой работы. Именно в нашей стране, где есть государственная централизованная система снабжения, потребители не должны гонять своих «ходоков», «толкачей», снабженцев на металлургические заводы, чтобы «выколачивать», «отovarивать» лимиты. И производитель и потребитель должны знать только «сервис-центр». Первый отгружает металл для закрепленного за ним региона на две-три такие станции, а уж там подрабатывают и отгружают потребителю.

— Но лишнее звено между потребителем и изготовителем—это лишние расходы...

— Не страшно. Как показывают расчеты, эта мера даст большую экономию и металла и средств. Конечно, потребуются определенные затраты, но они будут высокоэффективными. Как мы говорили, прирост выплавки одного миллиона тонн стали требует миллиарда рублей на наращивание соответствующих производственных мощностей. При организации центров обслуживания тот же миллион тонн металла—но за счет организации экономного, рационального использования—мы получим при затратах во много раз меньших. Этот серьезнейший вопрос требует скорейшего решения.

Наконец, мы пришли к использованию металла. Я думаю, задачей № 1 является пересмотр всех стандартов и норм проектирования. Россия всегда отличалась тем, что производила машины такие дебельные, с такими запасами прочности, каких никогда не делали на Западе. Сравните любой наш станок с зарубежным. И сечения у нас больше, и вес, и станина массивнее, и все узлы превосходят по размерам.

На это есть свои причины. И не только та, что западный инженер закладывает в конструкцию более прочные стали, более высоких марок. Так у нас уж традиционно сложилось—давать запас прочности «четыре-пять». Будто машина, станок, агрегат строятся на сто лет. А машина не должна жить сто лет. Она должна выйти из строя, лишь только отработает свой «моральный», а не физический ресурс. А раз им не нужно доживать до физического износа, зачем такие огромные запасы прочности? Нужно делать станки, машины, механизмы менее металлоемкими, но прочными. Для этого нужно менять нормы проектирования. И тут громадная задача перед всеми нашими организациями, прежде всего Госстандартом, ибо предстоит узаконить новый, более разумный подход к проектированию конструкций.

Однако мало дать стандарт—надо готовить людей. Начинать надо с вуза, с юношей, учить с первого курса, что не надо делать запас прочности «четыре-пять», можно и поменьше. Пусть машина будет служить не столь долго—в целом страна выиграет. Потому что физически крепкие, но морально устаревшие машины, оборудование, станки заставят плестись в хвосте научно-технического прогресса. А идущий по следу никогда не перегонит—старая истина, но справедливая, как никогда.

Далее. Нужно в корне менять у потребителей все заготовительное производство. Это не новость. Об этом время от времени говорят, но, увы, и ныне там. Все начинается с заготовок—берут поковку, отливку, прокат; потом ее обдирают, режут, строгуют, пока не получат нужную деталь и гору металлической стружки. Тут мы оильно отстали от требований дня. Конечно, нужны большие капиталовложения, чтобы кардинально все изменить, но затраты окупятся в 10—15 лет.

В чем тут дело? На заготовительное производство долгие годы никто не обращал серьезного внимания, и, к сожалению, оно у нас оказалось в крайне запущенном состоянии. Надо, чтобы заготовка была максимально близка по своим геометрическим размерам к будущей детали, тогда нужно будет меньше снимать стружки. Для этого нужно создавать и шире использовать кузнечно-прессовое оборудование, тем более, что у нас есть и опыт и разработки. Мы даже Франции поставили огромный пресс для металлургического комбината в Иссуре, который там называют «мамонт-пресс»—еще бы, самый мощный в Европе!

Нужно внедрять современные технологии заготовительного производства. Остановлюсь только на одной из них, потому что она близка мне, так как в нашем институте ее разработали и добились отлич-

ных результатов. Это электрошлаковое литье. Ценность его в том, что оно позволяет получать заготовки, очень близкие по своей форме к заданным размерам и обладающие к тому же свойствами поковки. Это особенно важно. На протяжении последних ста лет будущих инженеров во всех вузах мира учат: литье всегда хуже поковки. Это совершенно не так. Можно и литье изделия получать со свойствами поковки. Наш метод литья позволяет получать металл очень чистый по вредным и грязным примесям. А таких прогрессивных технологий, проверенных жизнью, доказавших свою высокую эффективность, очень много. Дело за малым—нужно их использовать.

— И последний этап в жизни металла—эксплуатация...

— Назову одну цифру: в год мы теряем в результате коррозии до 15 миллионов тонн стали. Гигантский металлургический комбинат работает только на ржавчину.

Кардинальное решение вопроса—нанесение защитных покрытий на металл. Есть свой, есть зарубежный опыт. Как-то наши сотрудники работали на Кюсю, оном из главных островов Японии. Субтропики: тепло, влажно. Бросилось в глаза: все металлоконструкции—мосты, опоры линии электропередач, фермы в цехах, конструкции хайвеев, переходов, столбы—ничто не покрашено, все покрыто защитными покрытиями, как правило, цинком. Это прочно, надежно, долговременно. Мы же каждый год красим масляной краской мосты, опоры ЛЭП, конструкции—гробим колоссальные средства, причем краски эти надежно металл не защищают, он все равно ржавеет, выходит из строя. То же самое на морских сооружениях, причалах, судах.

Нам необходимо резко увеличить количество выпускаемых металлоконструкций с защитными покрытиями: хромированием, никелированием и так далее. Есть еще один новый великолепный метод—покрытие пластмассами. Мы получаем лист, уголок, швеллер, покрытые тонким слоем пластмассы, который хорошо держится на металле и надежно защищает его, делая вечным.

Это громадная проблема. Ибо, кроме покрытий такого рода, как я сказал, есть целый ряд других современных методов, например, нанесение на сталь путем конденсации нужной пленки защитного металла. Так называемая парозащитная технология.

— А сварка взрывом?

— И она. Методов много.

Нужно везде, где это можно, заменять металл неметаллами. Пластмассами, которые действительно в ряде случаев неплохой заменитель металла. В частности, там, где используется большое количество труб: технологические трубопроводы для химии, нефтехимии, пищевой и других видов промышленности. Можно, наконец, в ряде случаев заменять сталь алюминием. У нас есть для его производства и сырье и значительные ресурсы электроэнергии. Мы можем производить алюминия много, и производство его в нашей стране должно расти, чтобы выйти на мировой уровень. Пока что на Западе соотношение между количеством выплавляемого алюминия и стали значительно выгоднее, чем у нас.

Но есть еще другие способы, давно и хорошо известные, но как-то не то чтобы забытые, но все-таки упущенные. Например, Вы, наверное, не раз видели: там, где в городе проходит теплотрасса, каждый год, или уж обязательно каждые два года, над нею рубят свежий асфальт, вскрывают траншею, меняют проржавевшие трубы. Этот вид коррозии происходит оттого, что в грунте есть электрические токи. Попадая на металлический предмет, они разъедают его, заставляют его во влаге земли разрушаться, как в электролите. Если металлу дать соответствующий обратный потенциал, то этот грунтовой ток как бы не будет заходить в него. И не станет разрушительной силой.

В 1948 году был построен газопровод Дашава—Киев, первый на Украине крупный газопровод. И вот тогда академик Иван Никитич Францевич предложил так называемую катодную электрохимическую защиту трубопровода от коррозии. Так вот, эти трубы уже тридцать лет лежат в земле, и ничего с ними не сделалось. А у нас есть трубопроводы, которые на третий год превращаются в решето. Метод катодной защиты от коррозии находится в заgone. Есть и такие современные средства, как так называемые ингибиторы, то есть замедлители коррозии.

Выступая перед избирателями Московского городского избирательного округа по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР, товарищ А. Н. Косыгин отметил, что хотя за последние пять летки в стране значительно увеличились объемы производства металла, потребности народного хозяй-

ства в чугуна, стали, прокате сегодня удовлетворяются с большим напряжением.

Он подчеркнул, что сейчас на передний план выдвигаются такие вопросы, как повышение качества и расширение сортамента металлопродукции, резкое снижение отходов металла и при его производстве и при обработке. Нужно снижать вес машин, станков, различного оборудования.

Предстоит разработать и осуществить в ближайшие годы серьезную программу экономии металла. Имеется в виду, что такая программа станет органической частью нового пятилетнего плана.

— И последний вопрос. Вы назвали целый ряд сложных проблем, касающихся производства, обработки и эксплуатации металла. Какую, на ваш взгляд, роль может сыграть молодежь в решении этих задач?

— Самую непосредственную и чрезвычайно важную. Для меня этот вопрос ясен. В нашем институте всегда был упор на молодежь. Почему? В человеке есть такая черта: склонность к инерции мышления. Иной раз отличное достижение, изобретение выбивают человека из колеи, порождают желание бесконечно эксплуатировать однажды найденное, притупляют стремление к поиску. У молодого человека нет этого груза. Ему хочется сделать что-то новое. Он свободен от традиционных знаний. Говорят, что открытия делают невежды. Опытный человек знает, что вот то-то и то-то невозможно. А невежда не знает и делает открытие.

Сказано с юмором, но, думаю, в этих словах заключена изрядная доля истины.

Есть у молодежи еще одно преимущество: энергии — хоть отбавляй. В изобретательском деле, особенно на последней стадии — внедрении, умение «пробовать» свои идеи, доводить их до «металла» ценится не меньше, чем способность оригинально мыслить, придумывать что-то новое. Это только в представлении людей, далеких от нашего дела, дорога изобретателя кажется усыпанной розами. В действительности же наш путь тернист.

Хотите, раскрою секрет, как мы работаем? Когда рождается новая идея, мы ее в институте обсуждаем, «обкатываем», опробуем и уже с готовым предложением выходим на завод. И тут начинается самое трудное — воплощение идеи в конкретную машину, установку, технологический процесс. Чаще всего ситуация складывается такая: никто не «против», все «за», но дело — ни с места.

Так вот, мы отработали такой метод. Находим на заводе молодых инженеров-энтузиастов, которым все интересно. И с ними «пробуем» свое предложение, сворачивая на своем пути горы инертности. Недавно на киевском заводе «Большевик» мы создали участок электрошлакового литья с прекрасными результатами. Все сделали молодые ребята, инженеры, только что пришедшие на завод с институтской скамьи, и сделали блестяще. Думаю, у других изобретателей те же проблемы. Пусть берут на вооружение наш опыт.

— Молодым читателям «Смены» будет лестно узнать о вашем высоком мнении относительно начинающих творческий путь талантов. Однако, мне кажется, ваши слова в чем-то противоречат известным фактам. Я знал ученого, который всю жизнь считался видным специалистом в мостостроении. Он не только сам проектировал и строил их, но и учил этому делу студентов Киевского политехнического института. Познакомившись в шестьдесят лет с новым в ту пору методом соединения металлов — электросваркой, — он увлекся им. Создал лабораторию, потом институт, который вырос со временем во всемирно известное научное учреждение, возглавляемое вами, создал коллектив ученых, последовательно продолжающих и развивающих это направление.

Я говорю, Борис Евгеньевич, о вашем отце — Евгении Оскаровиче Патоне.

Так что, видимо, не только молодые могут зажечься новой идеей, разработать ее, внедрить в производство.

— Если говорить только о возрасте, то вы, конечно, правы. Но я имел в виду еще и молодость духа, которая выражается в постоянном стремлении к поиску нового, нестандартного решения. На свое счастье, отец на всю жизнь сохранил это замечательное качество. И старался поддерживать его в других. Он помогал изобретателю, предложившему какую-то новую дельную идею. Но еще большую поддержку оказывал ему, если тот лет через пять — десять отвергал свое прежнее достижение ради другого, более совершенного.

И еще одна деталь, о которой почему-то мало вспоминают, говоря об отце. Он не боялся подбирать сотрудников, которые были втрое, а то и вчетверо моложе его. Их молодой порыв и его опыт давали крепкий сплав, надежную основу поиска. Мы стараемся сохранять эту традицию.

Говоря о жизни и творчестве Евгения Ивановича Рябчикова, никак не обойтись без слова «первый». Первым из писателей высадился он на ледники Антарктиды, совершил уникальную журналистскую командировку — полет на первом советском реактивном самолете «ЯК», с первым «десантом» литераторов и журналистов облетел Арктику, и, если еще углубляться в библиотеку его журналистских и писательских произведений, слово это можно повторять бесчисленно. Потому и видится столь естественным пересечение человеческой и репортерской судьбы старейшины журналистского цеха с событием, вошедшим в историю страны и человечества, — эпопей освоения космоса. Событием, все творцы и участники которого были первыми, первопроходцами. Деревянный домок Циолковского и бетонная стая Байконура — вот символический, разделенный годами взволнованной творческой работы маршрут уникального репортажа, за который Евгений Иванович удостоен медалей имени академика С. П. Королева, К. Э. Циолковского, Ю. А. Гагарина. На этом маршруте, как вешки, — фильмы, статьи, книги «Русские в космосе», «Красные ракеты», «Колумбы в космосе», «Космическая Одиссея», изданные не только у нас, но и в США, ФРГ, Англии, Франции, Италии, Венгрии, Болгарии и других странах.

Евгений Иванович мастерски работал и трудился до сих пор в двух творческих цехах — журналистском и писательском. И, отмечая 70-летний юбилей прекрасного репортера, страстного публициста и талантливого писателя, нельзя не отметить, не оценить по достоинству удивительную широту его интересов, необъятную географию его творчества. С корреспондентским удостоверением он прошел от устья до истоков Енисей, Ангара, Иртыш и Обь; вместе с учеными исходил трассу будущего Волго-Дона; с первыми целинниками — и вот оно опять, слово «первый»! — по-журналистски осваивал целину; очерки и корреспонденция за подписью Рябчикова приходили во многие центральные издания из Австралии, Африки, ФРГ; в составе выездных редакций «Правды» и «Литературной газеты» Евгений Иванович побывал на ударных стройках Сибири и Дальнего Востока.

Неумолимый репортер, он всегда работает в лучших традициях советской журналистики. Пример тому — командировки Евгения Ивановича на границу, к подводникам, к воинам-минерам. Их не назовешь иначе, как операция «журналист меняет профессию»: Рябчиков месяцами нес суровую пограничную службу под командованием Никиты Ка-

1934 г. ЛЕТЧИК-ИСПЫТАТЕЛЬ МИХАИЛ ГРОМОВ ПОКАЗЫВАЕТ ЕВГЕНИЮ РЯБЧИКОВУ САМОЛЕТ «МАКСИМ ГОРЬКИЙ».

1961 г. ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОДОК. БЕСЕДА С КОСМОНАВТОМ-1 ЮРИЕМ ГАГАРИНЫМ.

ДАВНИЕ ДРУЗЬЯ. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЛЕДОПЫТ-ПОГРАНИЧНИК Н. Ф. КАРАЦУПА, ЕГО УЧЕНИК В. ДУНАЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ И ЧЕТВЕРОНОГИЙ ГЕРОЙ ГРАНИЦЫ — ТУМАН.

МОЛОДОСТЬ ДУХА

рацупы, плавал на подводных лодках в океане, шел с саперами по минам полям. Не только очевидец, но участник — именно с пером в руках — любого прекрасного начинания, трудного, необходимого стране дела — вот основной принцип Рябчикова-репортера. Осмыслить, запечатлеть многократно увиденное в кипучих репортерских буднях — вот принцип Рябчикова-писателя. Потому так популярны у нас в стране, в ГДР, Чехословакии, Вьетнаме, Анголе, Венгрии, Польше и КНДР его книги о подвигах замечательного пограничника Никиты Карацупы — «Следопыт», «Засада на черной тропе» и «Стой! Кто идет?», созданные на основе кропотливо собранного документального материала.

Евгений Иванович вот уже более 15 лет член редколлегии нашего журнала. Журнала молодежного. Подчеркиваем это потому, что быть с молодыми, писать для молодых — естественная потребность мастера. Мастера-наставника: ведь недаром лекции Рябчикова, прочитанные им в Высшей комсомольской школе, университете имени Патриса Лумумбы и в Центральном Доме журналиста, в магнитофонных и стенографических записях используются на курсах и факультетах журналистского мастерства по всей стране.

Выступая на I Всесоюзном совещании молодых журналистов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Н. Пастухов высказал мысль о необходимости создавать творческие школы ведущих журналистов, таких, как Евгений Рябчиков.

За многогранную деятельность по воспитанию творческой молодежи Евгений Иванович Рябчиков удостоен знака ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС «Наставник молодежи».

И, думается, молодость духа и таланта Евгения Ивановича потому органичны, что был он всегда свидетелем и участником молодости великих начинаний и дел. Начало советской реактивной пассажирской авиации и первые шаги нашей атомной физики, за рассказ о которых Рябчиков удостоен Ломоносовской премии АН СССР; рождение мощных электростанций, заводов, городов; замечательные трудовые подвиги советских людей — вот дороги молодости прекрасного журналиста и писателя.

Дороги, которые, как верстными столбами, отмечены 58 кинофильмами, 27 книгами и более чем 1500 журнальными и газетными публикациями. Дороги, по которым Евгений Иванович Рябчиков продолжает свой путь с истинно юношеским задором.

Молодости вам и вашему таланту, дорогой Евгений Иванович!

В Феодосии, перед музеем Грина, маленьким одноэтажным домом, крытым красной черепицей, почти всегда очередь. Музей крохотный: узенький коридорчик, несколько тесных комнат... Летом очередь змеится чуть ли не до набережной: за год в нем бывает до двухсот тысяч человек. Едут со всех концов страны, пересекают Крымский полуостров, идут пешком, с рюкзаками за спиной, скидывают вещи у заветного крыльца, садятся на них, ждут

И ФЕЕРИЧЕСКОЕ ВОЛШЕБСТВО СКАЗКИ

Ольга
ВОРОНОВА

БЮСТ ГРИНА,
СКУЛЬПТОР
ЛЕВ УШАКОВ.

очереди. Ждут упорно, терпеливо, приходят на другой день и на третий. Особенно много среди экскурсантов молодежи.

Я глядела на этот поток и думала: что же так привлекает сюда молодых? Разумеется, личность писателя. Но, вероятно, и сам музей, единственный в своем роде. Это музей романтический, вернее, даже лирико-романтический, рассказывающий не только о реальной судьбе Грина, но и о жизни его воображения, о «светлых странах» его мечты. Перед входной дверью навечно врыт в землю якорь, над крыльцом висят старинный морской фонарь и плетеный кранец — для швартующихся к причалу кораблей. В коридоре — рельефная карта «Гринландии»; здесь — под Розой ветров — и остров Рено, и Каперна, и Лисс, и Гель-Гью. Удивительные, таинственные места, куда на зов любви и надежды приходят галиоты с альми парусами, где можно встретить домового, оплакивающего непрочное человеческое счастье, и бегущую по волнам девушку, спасающую обреченных на смерть.

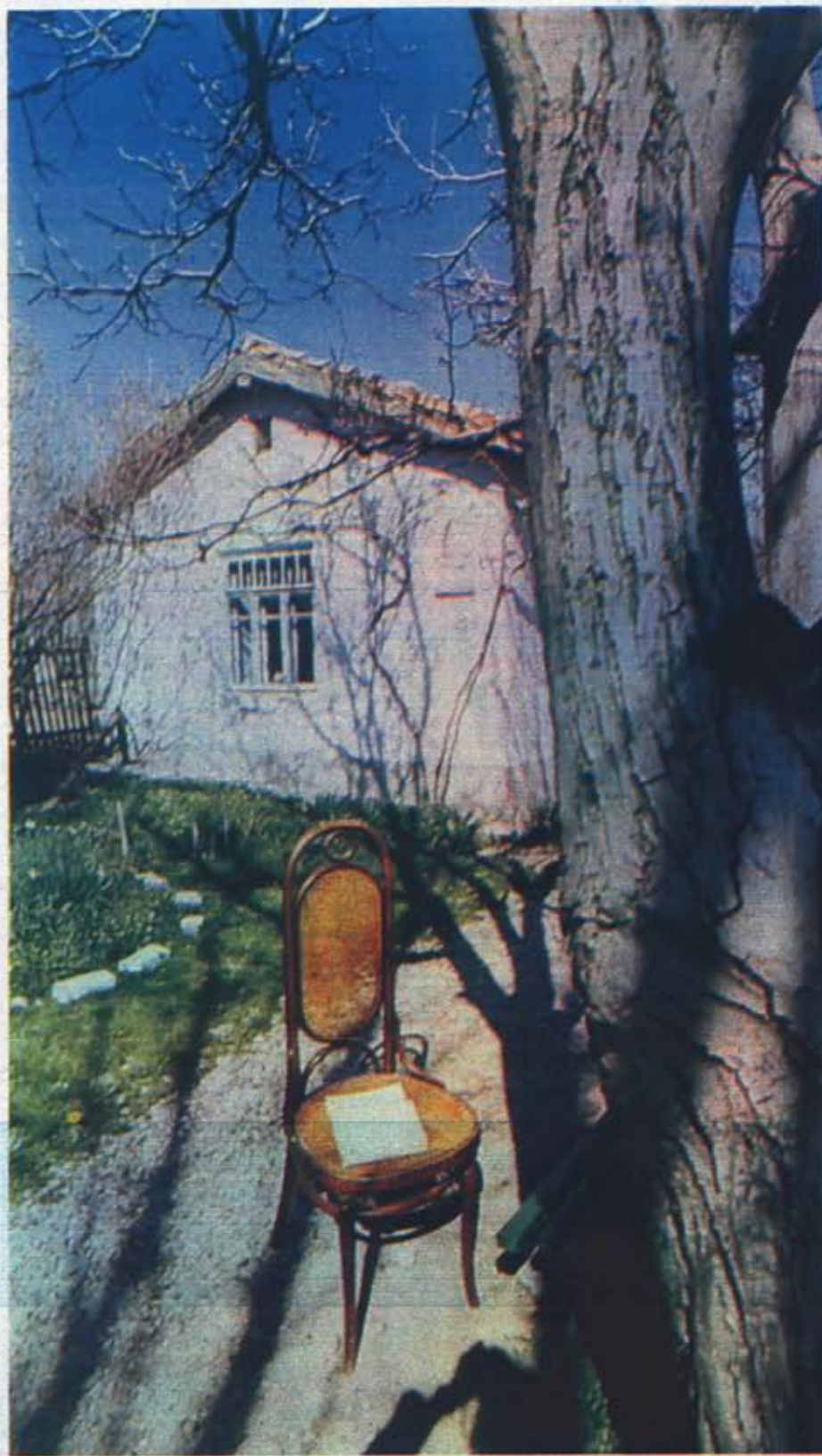
Рядом с мемориальным кабинетом (клеенчатое мягкое кресло, шкафчик с книгами, старенький ломберный стол: «От писателя меньше всего должно пахнуть писателем», — уверял Грин) — «каюта капитана Геза». Стены, забранные канатами, латунный иллюминатор, лоща, небрежно брошенная на стол капитанская фуражка. «Клиперная» — модель парусного судна, знаки Зодиака. «Ростральная» — бушприт, бронзовые кнехты, ростра: вырезанная из дерева женская голова, украшение носовой части старинного корабля. Даже обычные предметы — часы, пестро раскрашенная шарманка (такие писатель видел в детстве в Вятке) — здесь кажутся причастными к волшебству: зазвонят часы, заиграет шарманка, и, словно в «Фанданго», можно будет перешагнуть пространство и время, попасть в другой мир.

Уникальный музей этот придумал и спроектировал Савва Григорьевич Бродский, иллюстратор шеститомного издания Грина. Некоторые иллюстраторы стараются точно следовать авторскому тексту, любовно сохраняя все детали и подробности повествования; другие стремятся выразить в иллюстрациях свое отношение к миру, создать самостоятельные, хотя и созвучные тексту художественные образы. Бродский принадлежит к художникам второго типа, он тяготеет к обобщенности и символичности образов, хочет подсказать читателю необычные и неожиданные ассоциации, заставить его увидеть в окружающих людях черты таких героев, как Овод, Ассоль или Павка Корчагин. В каждой книге он стремится выявить ее философское и социальное содержание, для

каждой создает самобытную пластическую систему. (Не случайно за иллюстрации к «Дон Кихоту» он получил звание почетного члена Испанской Академии изящных искусств.)

Бродский не только график, но и архитектор. Он построил здание Финского театра в Петрозаводске — суровые, строгие ритмы его плоскостей созвучны и северной природе и современному финскому зодчеству. А сейчас работает над планом расширения музея Грина — весь квартал, все окружающие музей дома должны стать

«РАНО ИЛИ ПОЗДНО, ПОД СТАРОСТЬ ИЛИ В РАСЦВЕТЕ СИЛ, НЕСБЫВШЕЕСЯ ЗОВЕТ НАС, И МЫ ОГЛЯДЫВАЕМСЯ. СТАРАЯСЯ ПОНЯТЬ, ОТКУДА ПРИЛЕТЕЛ ЗОВ». ЭТИ СТРОКИ БЫЛИ НАПИСАНЫ ГРИНОМ В ДОМЕ НА ГАЛЕРЕЙНОЙ.

единым романтическим комплексом. Тогда можно будет расширить экспозицию, открыть запасы, делать выставки...

«Рано или поздно, под старость или в расцвете сил, несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть — не начинается ли сбываться несбывшееся?» Эти ставшие такими знаменитыми строки были написаны Грином в доме на Галерейной. Здесь были созданы «Бегущая по волнам», «Золотая цепь», «Джесси и Моргиана», множество рассказов. Остросожетных, приключенческих, порой фантастических — самых раз-

ных и вместе с тем единых по своей сути, исполненных непобедимой веры в приход справедливости.

Все герои Грина — люди исключительного мужества и настойчивости. Жиль Седир пешком совершает кругосветное путешествие, чтобы получить деньги для реализации своего изобретения, «маленького металлического чуда», которое «живет в его сердце». Эммануил Стиль своими руками строит город в непроходимой тропической чаще. Джемс, не задумываясь, жертвует жизнью, чтобы до-

верны и преданны, умеют верить, любить и прощать. Рискнув своей честью, Дези пробирается темной ночью к пострадавшему из-за нее человеку, чтобы ободрить и утешить его. Восемь лет ждет Кармен своего исчезнувшего жениха, не допуская и мысли об измене ему. Страстно и горячо предана любимому человеку Режи. «Будет худо тебе, — говорит она, — хочу, чтобы худо и мне. Будет тебе хорошо — давай и мне хорошо. Если ты повесишься, я тоже повешусь. Разделим пополам все, что горько...»

Эстетика сливается у Грина с этикой, прекрасное — с нравственным, мечта — с поэзией... Для писателя нет серых и однообразных будней. «...Чудеса в нас самих. Не тронул ли меня солнечный свет в лиловых оттенках? И веночек на старой панели? И птица среди ветвей?» Отвечая на вопрос, как надо воспринимать мир, он пишет: «Первым чувством моим была улыбка», — и в этой улыбке открываются ему и «мчащаяся тишина», и море, «подобное творческому инстинкту», и

транспарант «едва намеченных огнями городов» — вся бесконечная ширь, все разнообразие мира, собранного в «единый веночек с блестящими цветами».

Грин жил уединенно, замкнуто, но все же не так нелюдимо, как это порой представляют. У него оставались друзья в Ленинграде и Москве, куда он постоянно ездил по издательским делам, появились друзья в Крыму. И здесь в первую очередь надо назвать Константина Федоровича Богаевского.

Богаевский был замечательным — он до сих пор еще недостаточно оценен — художником. Встающая из вод сказочная Атлантида; вулканы, дымящиеся как огромные жертвенники; развалины генуэзских крепостей и лижущие их подножия волны; суша, словно только что рожденная работой подземного хаоса... Немногословный Валентин Александрович Серов, высшей похвалой которого считались слова «Так писать можно», ахнул от изумления: «Вот это — великолепно!»

Богаевский писал солнце и горы, массивные валуны и тонкие одинокие деревья, раду, опоясывающую небесный свод, озеро, в котором она отражалась. Его горы казались живыми существами: они обладали характером, росли и разрушались: их заливали лучи восходящего солнца; солнце проходило зенит, наступала ночь, но и ночь не несла в себе мрака: по черному небу рассыпались мириады блистающих звезд. Современники восхищались живописной роскошью неба — зеленого с розоватыми и золотистыми облаками. Уже характером линий (рисунок его был чеканно-четок и вместе с тем страстен, патетичен) Богаевский не только передавал своеобразие изображаемого, но и давал почувствовать напряженность затаенной жизни планеты. «В моем карандаше, — писал ему живописец Кандауров, — чувствуешь все краски, все переливы и планы цветов».

Создаваемый Богаевским мир был одновременно и идеальным и реальным, знакомым, исхоженным. Но, как бы ни переплывал он облик Крыма, тот оставался Крымом, лишь обретал особую выразительность точно так же, как, скажем, среднерусский пейзаж в полотнах Левитана или Нестерова. «В композиции, — писал Богаевский, — не все правда, не все натура, какую, например, мы видим, когда, пристально всматриваясь в природу, замечаем чуть ли не каждый листок на дереве или каждую трещину в скале. В работе над картиной художник часто бывает принужден прибавлять и убавлять то, что ему кажется необходимым для наиболее яркого выявления образа».

Такую же творческую позицию занимал Грин. «Важно — как посмотреть. Мои глаза и чувства видят жизнь с той стороны, которую другие не замечают, оттого-то она и кажется нездешней... Одна из главных наших ошибок состоит в том, что мы ценим природу, насыщенную мечтами, и подходим с усмешкой карикатуриста к той, где живем. Между тем это и есть мир, не менее серьезный, чем берега Ориноко». Где происходит действие его произведений? В Лиссе и Гель-Гью? Или в Крыму? Он сам признавался, что «клочковатость» Гурзуфа, его упрямо поднимающиеся в горы улочки послужили исходной точкой для облика Гель-Гью, что многие приметы Севастополя вошли в описание Зурбагана. Это же подтверждал и К. Г. Паустовский: «Если бы не было Севастополя, не было бы гриновского Зурбагана, с его сетями, громом подкованных матросских сапог по песчаннику, ночными ветрами, высокими мачтами и сотнями огней, танцующих на рейде».

Сохранилось письмо Грина к Богаевскому, в котором он обещает, «как мрак с души спадет», прийти к художнику «в пещеру, озаренную светом истинного искусства». Там его всегда гостеприимно встречали, там высоко ценили его писательское дарование. Жозефина Густавовна Богаевская, вдова художника, рассказывала мне, что Константин Федорович восхищался гриновской трактовкой старинной легенды о леди Годиве. По преданию, Годива просила мужа, графа Ковентри, отменить подати, так как народ голодал. Тот соглашался при условии, что она — в насмешку всему городу — проедет по улицам обнаженная: пусть в нее тычут пальцами, пусть ее позорят. Годива ехала, прикрывшись лишь распущенными волосами, стыдясь поднять глаза. Но улицы были пусты, окна плотно закрыты: в этот день ни один человек не вышел за порог своего дома, ни один не выглянул в окно.

Как должен художник изобразить этот эпизод? Написать обнаженную женщину на коне, безлюдье, закрытые дома? О нет! «Уж если изображать случай с Годивой, — говорил Грин, — то надо быть верным его духу: нарисуй

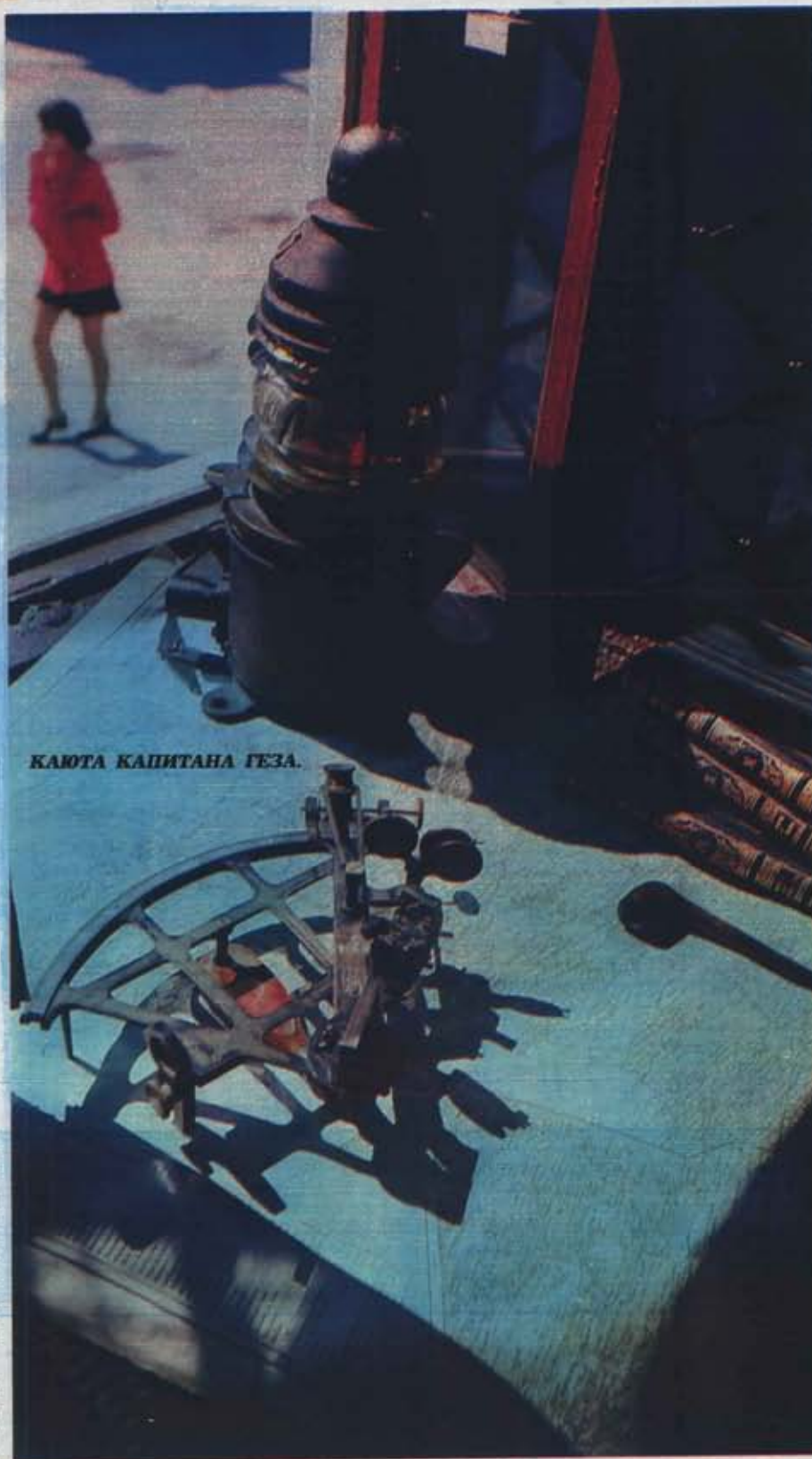

ЗДЕСЬ БЫЛИ СОЗДАНЫ «БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ», «ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ», «ДЖЕССИ И МОРГИАНА» И МНОЖЕСТВО РАССКАЗОВ.

стигь полюса. «У нас нет сил», — говорят ему. «Но есть желание», — возражает он. «Мы умрем». «Мы достигнем».

Все они обладают глубокими чувствами и руководствуются высокими нравственными законами. В «Алых парусах» Артур Грэй «берет на себя роль провидения». Существует запись отрывка, в котором Грин рассказывает о дальнейшей судьбе своих героев. Там Артур Грэй сталкивается с миллионером Хогтеем, купившим девушку, чтобы позабавить себя зрелищем казни на электрическом стуле. Грэй вызывает Хогтея на дуэль и убивает его.

Женщины у Грина всегда изящны и обаятельны, даже если они коварны и злы. Впрочем, добрых и честных женщин в его произведениях гораздо больше... Они чисты и великодушны,

КАЮТА КАПИТАНА ГЕЗА.

внутренность дома с закрытыми ставнями, где в трепете и негодовании, потому что слышат медленный стук копыт, стеснились жильцы; они молчат, насупись; один из них говорит рукой: «Тсс! Об этом ни слова!» Но в ставни проник бледный луч света — это и есть Годива!»

По словам Нины Николаевны Грин, писатель, работая над «Акварелью» — рассказом, в котором два старых, измотанных жизнью человека, случайно попав на выставку акварелей, замирают перед одной из них, заново раскрывающей им красоту мира, думал о Богаевском.

Не менее, чем к Богаевскому, Грин был привязан к Максимилиану Александровичу Волошину. Дом Волошина стоял на берегу моря, неподалеку от крутогорья Карадага, в двух километрах от татаро-болгарской деревни Коктебель («кок-тепе» — по-татарски «сияя вершина»). Высокий, легкий, с надстроенной башней-маяком, с просторной мастерской и любовью собранной — даже по нашим временам уникальной — библиотекой, он год от года обростал пристройками, балконами галереями, флигелями. Летом к Максимилиану Александровичу приезжало множество гостей: поэтов, ученых, художников, музыкантов; после революции Волошин превратил свой дом в бесплатный Дом отдыха, прообраз современных Домов творчества («Наркомпрос считает это учреждение чрезвычайно полезным», — писал А. В. Луначарский). Волошин был увлекательным собеседником, очень эрудированным, много видевшим человеком. С турецкими рыбаками ходил он на фелюге в Константинополь, с рюкзак на плечах прошел Швейцарию, Испанию, Андорру, бывал в Австрии, Германии, Франции, Италии, Греции. Учился, как сам говорил, «художественной форме у Франции, чувству красок у Парижа, логике у готических соборов...».

В Берлине, в Париже он ходил в цилиндре, модном жилете и пиджаке, в своем доме, в Коктебеле, — в длинном парусиновом балахоне, похожем на хитон, в узеньком польском веночке на пышных рыжих кудрях.

Он был поэтом, художником, критиком, историком искусств. Писал о Сарьяне, Голубкиной, создал монографию о Сурикове (сейчас она готовится к изданию), писал стихи о русской истории, о жизни планеты Земля, о природе юго-восточного Крыма. Никто лучше его не мог передать дыхание польных степей, описать «зеркальность лунной тишины». «Сосредоточенность и теснота зубчатых скал, а рядом широта степных равнин и мреющие дали стиху разбег, а мысли меру дали», — утверждал он.

На вопрос, в чем он чувствует себя сильнее — в поэзии или в изобразительном искусстве, Волошин отвечал: «Конечно, в поэзии!» Но и художником он был подлинным — тонким, изящным, необыденным. Под его кистью светился серебристый воздух Коктебеля, горбились горами рыжая земля, «гудели волной» песчаные побережья. Порой он подписывал под пейзажами несколько стихотворных строк — стихи замыкали ассоциативные и образные связи, каждый пейзаж выражал какое-то движение души...

Вместе с Волошиным Грин бродил по сожженным солнцем горам и плоскогорьям («горы, как рыжие львы, стали на страже долин»), по усейному разноцветным камешками пляжу — там можно было найти и сердолики, и хризопразы, и ониксы. Внимание Грина привлекала простая галька — кажущаяся такой невзрачной в сверкающем «сердоликовом царстве», она удивила писателя лаконичской законченностью формы. Он поднял ее и подарил Волошину, она и сейчас хранится в его доме. На ней рукой Максимилиана Александровича написано: «Дар Александра Степановича Грина».

Последней вещью, которую Грин начал писать в Феодосии, был роман «Недотрога». Роман о чудесных цветах, сворачивающихся при одном приближении лицемерных и злых людей, о людях с тонкой и чувствительной, подобно этим цветам, душой. «Этот роман будет во много лучше и сильнее «Бегущей по волнам», — обещал он.

Работа над романом шла медленно, трудно. «Действительно это была недотрога», — пишет Грин И. А. Новикову, — так как сопротивление материала не позволило подступиться к ней больше года. Наконец, характеры отстоялись, странные положения приняли естественный вид, отношения между действующими лицами наладились, как должно быть. За пустяком стояло дело: не мог взять верный тон. Однако наткнулся случайно и на него и написал больше полтора листов».

Впрочем, «Недотрога» — не исключение. Грин всегда упорно работал над рукописями, тщательно продумывал сюжет, композицию, динамику действия. Считая, что писатели должны находиться «в состоянии непрерывного философского размышления», собирался изобразить их в каком-нибудь рассказе в виде арестантов каторжной тюрьмы, перетаскивающих тяжкие создания своего воображения. Долгие часы он мог биться над неудавшейся фразой, без конца изменяя и варьируя ее: «Иногда часы провожу над одной фразой, добываясь истинного ее блеска, а из этого немеркнувшего блеска, бывало, сюжет вдруг по-новому выступит, рельефно отгнетится то, что было в полусумраке, или родится новый сюжет, или какая-нибудь картина нового создания».

Очень важным считал хорошее начало — «вход в русло». К себе, как к пишущему вещи необычные, предъявлял особенно строгие требования: «Фантазия требует стройности и логики». Поэтому наибольшее количество его черновилов, как правило, связано с началом работы. «Когда же я кончу начинать? Без подсчета должно быть сделано мной более сорока начал этой истории, но ни одно из них не удовлетворило меня», — пишет он в одном из отрывков «Недотроги». (Этот отрывок мы и публикуем сегодня. Известно еще четыре: три из них публиковались раньше — в журнале «30 дней» в 1935 г., в «Огоньке» в 1936 г., в «Литературном наследии» в 1974 г.; четвертый недавно передан в дар Феодосийскому музею Грина.)

Никогда ни у кого не просивший совета в работе, писатель, обдумывая «Недотрогу», изменил своему правилу. Вдова Грина пишет: «О некоторых картинах одного из героев романа талантливый художник... Петтчера он часто беседовал с Константином Федоровичем Богаевским, желая отчетливо представить, может ли, скажем, уцепившаяся за выступ скалы рука повисшего над пропастью человека выразить всю силу его отчаяния так сильно, как выразило бы на картине его лицо».

Закончить «Недотрогу» Грину не удалось. Обстоятельства сложились так, что он, отложив ее, взялся за «Автобиографическую повесть».

Эта книга и была последней, которую он, уже умирающий, держал в руках. 8 июля 1932 года его не стало. И почти ровно через месяц ушел из жизни Волошин. Богаевский пережил обоих, он погиб в 1943 году — попал под бомбежку по пути в детскую художественную школу, в которой учил и консультировал. Очевидцы рассказывают, что он погиб, как романтический гриновский герой, стоя: не мог заставить себя лечь на раскисшую от мокрого снега землю, чтобы уберечься от осколков, — предпочел смерть униженно.

Года за полтора до гибели Богаевский пережил, наверное, самые тяжелые минуты в своей жизни...

Тихой, безветренной ночью военный катер вывозил из Феодосии произведения из собрания городской картинной галереи. Константин Федорович долго стоял на причале, глядя на удаляющийся катер... Вместе с музейными работниками целый месяц — почти без сна — готовил он картины к эвакуации. Вынимал из рам холсты Айвазовского, Латри, Лагорио, свои, снимал с подрамников, накатывал на валы, укладывал в ящики. Чуть ли не наравне с молодыми, вспоминает бывший ученик художественной школы Н. А. Шорин, таскал в порт тяжелые ящики... Катер давно скрылся в сгустившейся тьме, а Богаевский все не уходил с причала. Увидит ли он еще эти полотна? Вернутся ли они в Феодосию?

Вернулись! Вернулись после окончания войны. И сейчас занимают почти полных два зала в картинной галерее имени И. К. Айвазовского. Есть произведения Богаевского и в других художественных музеях: в Третьяковской галерее в Москве, в Русском музее в Ленинграде, в музеях Киева, Симферополя, Куйбышева, Севастополя, Донецка.

Время, лучший и беспристрастнейший судья, все ставит на свои места. Грин жил трудно, неутожно, бедствовал. А теперь к нему пришла слава. По мотивам «Бегущей по волнам» и «Алых парусов» сняты кинофильмы, есть балет «Алые паруса» (музыку к нему написал Юровский). «Алые паруса» — так называется и ежегодный праздник выпускников в Ленинграде. Помню, какое большое впечатление он произвел на меня: с утра Невский проспект был украшен флажками с изображением сказочного галюта, эти же изображения сверкали в окнах автобусов. Вечером, в половине одиннадцатого, зазвучали фанфары, и молодежь — около пятидесяти тысяч выпускников школ и профессиональных училищ — с цветами и песнями устремилась на Дворцовую набережную. Алые паруса, на этот раз настоящие, озарили Неву, в призрачном свете белой ночи они казались особенно яркими. Загорелись огни фейерверка. Бал, начавшийся на Дворцовой площади, рос, ширился, захватил площадь Декабристов, Исаакиевскую, Пушкинскую. Везде танцевали, читали стихи, слушали музыку...

Дерево у могилы Грина в Старом Крыму почти всегда повязано пионерскими галстуками — трудно найти подростка, безразличного к произведениям писателя. А в Феодосийский музей со всех концов страны идут письма и бандероли — с Урала и из Одессы, из Узбекистана и с Байкало-Амурской магистрали присылают редкие издания его сочинений и книги, которые любил писатель: вся страна собирает «библиотеку Грина». Моряки черноморского пароходства прислали в музей вымпел с надписью: «Любимому писателю от экипажа «Адриголь», а костромской живописец Николай Иванович Шувалов — исполненный им портрет Грина. Портрет этот — подлинное произведение искусства, и необходимо сказать хотя бы несколько слов о нем и о его авторе. В работах Шувалова (посещение его мастерской было одним из сильнейших моих художественных впечатлений в Костроме) проходят две основные темы: сказочной народной жизненной силы и творческого вдохновения. «Предки» — сказочная, пожалуй, наиболее завершенная и уж, наверное, самая любимая картина художника. Сферами круглящаяся земля, пологие, мягко отступающие к горизонту, небогато поросшие кудрявыми деревьями холмы; хлеб-соль на столе — тяжелый ржаной каравай, молоко в глиняном кувшине, отливающий золотом мед; сами «предки», простые и естественные, сильные своей связью с землей и с жизнью. Все в этой картине легендарно и все народно: от типичного среднерусского пейзажа до фигур «предков», несколько

напоминающих русскую деревянную скульптуру; от ало-золотистого колорита полотна до мифологической Праматери, охраняющей покой и жизнь на земле. Но Шувалов не просто повторяет народную мифологию — открытостью и непосредственностью восприятия мира, остротой локальных тоновых сочетаний, необузданной стихией цвета он творит свою интерпретацию ее.

Другая грань его творчества — портреты. Трагический, отшельнический, отшельнический, погруженный в создание слышимой только им музыки — цветные волны, словно музыкальные ритмы, расходятся вокруг него. Такие же цветные волны окружают и Скрябина, передавая грандиозность его мыслей и чувств. Утонченный, эlegantный Скрябин внешне ничуть не похож на сурового, порывистого Бетховена, но внутренне созвучен ему: в нем та же душевная сила, то же умение уловить в звуках вихревое движение мира. И, наконец, Грин. Сосредоточенный в себе, словно выходящий за пределы: далекий мираж, встающий за морем, — отражение этого сна. На полотне — он один, как был один Бетховен, как был один Скрябин. И все же это не полная отрешенность от житейского. Грин у Шувалова — человек, любящий море, скалы, небо, мечтающий о земном счастье. Портрет этот займет свое место в экспозиции гриновского музея.

Сейчас этот музей расширяется. Открывает двери и музей Волошина — литературно-художественный филиал Феодосийской картинной галереи. Комнаты второго этажа дома Волошина (на первом — выставочные залы, там экспонируются его акварели, tempery, гуашь, рисунки, работы, выполненные маслом) станут мемориальными. В том числе и знаменитая, не раз воспетая поэтами и писателями мастерская, в которой он хранил «ежедневные чуда» тех стран, по которым путешествовал. «Баскарский нож, бретонская чашка, самаркандские четки, севильские каштаньеты — чужой обиход, в своей стране делающий чудом, — но не только людской обиход, и морской, и лесной, и горный — куст белых кораллов, морская окаменелость, связка фазаньих перьев, природная горка горного хрусталя» — так описывала эту мастерскую Марина Цветаева. Там можно будет увидеть и коллекцию японских гравюр, собранную Волошиным, и его портреты, написанные Петровым-Водкиным и Диего Ривера, и старую, выброшенную на коктебельский берег доску с медной обшивкой — Максимилиан Александрович был убежден, что это обломок греческого судна, быть может, даже корабля аргонавтов, — и подаренный ему Грином камешек. И над всем этим — по-музейному большой, прикрепленный к стене гипсовый слепок женской головы, привезенный из Египта. «Войди, мой гость. Стряхни житейский прах и плесень дум моего порога. Со дня веков тебя приветит строго огромный лик царицы Таах», — приглашал Волошин.

Грин, Волошин, Богаевский. Я не случайно все время называю их имена вместе. Эти трое были связаны и дружескими отношениями и общей любовью к древней крымской земле. Каждый из них по-своему обогатил наше представление о ней, помог увидеть ее необыденной, поэтически-преображенной, романтической. И поэтому так важно наше душевное знакомство со всеми троими — оно даст возможность прикоснуться одновременно и к широте философских раздумий, и к пожару творческой фантазии, и к строгой логике истории, и к феерическому волшебству сказки. Оно поможет тем, кто стоит в очереди у музея Грина, яснее и глубже понять писателя, прожившего свою жизнь под знаком красоты, мечты и веры в высокую человечность.

НЕДОТРОГА

Александр ГРИН

ОТРЫВОК ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОГО РОМАНА

Главные герои «Недотроги» — старый мастер Ферроль, оружейник и пиротехник, и его дочь Харита, выращивающая чудо-цветы из семян, оставленных ей бабушкой. «Не тронь меня», — написано на мешочке, в котором хранятся эти семена.

Когда же я кончу начинать? Без подсчета должно быть сделано мной более сорока начал этой истории, но ни одно из них не удовлетворило меня, потому что события, о которых пойдет речь, очень грустны. Впоследствии они прояснятся. Но может быть...

В десять часов утра с острова д'Авелес отъехала, направляясь в Гертин, лодка; ветра не было, а потому Фабиан Сульт греб, утомился и до безумия захотел пить.

Так как у него с собой не было воды, он пристал к песчаным береговым буграм в виду форта Бернгрев — развалины, сохранившей четырехугольник стены и половину внутреннего здания, теперь уже неизвестного назначения.

Из-за стены шел дым, ворота были полуоткрыты. Сульт оставил лодку привязанной и, надеясь застать людей, прошел к наружной двери каменного невысокого здания.

На его стук женский голос ответил: «Войдите!» Сульт вошел и увидел молодую девушку, сидевшую с вязаньем в руках; на ней были синее платье, черный передник и схватывавшая темные волосы бирюзовая зеленая сетка.

Вежливо поклонясь, Сульт объяснил причину вторжения, принял из маленьких, теплого вида рук девушки медную кружку с водой, напился и задержался, так как, рассмотрев юную хозяйку, испытал редкое удовольствие, которое ему захотелось продлить.

Девушка была хороша, как ее — цвета голубой тени — глаза, ясно устремленные из-под темных ресниц на молчащего Сульта.

Стройная без суетности, оживленная, даже когда просто стояла, опустив руки, она двигалась по-детски авторитетно; ее голос грудного оттенка звучал открыто и приятно, как будто она всегда испытывала удовольствие от того, что говорила.

«У меня от зноя немного кружится голова», — сказал Сульт. — Разрешите посидеть немного в этой прохладной комнате».

Девушка поспешно придвинула к нему стул, он уселся и начал обмахиваться широкой шляпой, поля которой почти касались его плеч.

Девушка вязание из белой шерсти. «Это будет платок», — сказала она, встряхивая связанной полосой. — Такой большой, как одеяло».

Хотя у Сульта не создалось впечатления, что эти слова обращены к нему, он все же спросил, долго ли она будет его вязать.

«Месяца полтора», — ответила девушка и, услышав шаги на дворе, вышла, возвратясь с молодой женщиной в кожаной рыбацкой шляпе, короткой юбке и белой блузе с расстегнутым воротником. У женщины были густые черные волосы, ее смуглое худощавое лицо выражало упрямство и скрытность. Она медленно улыбулась.

«Меня зовут Харита», — сказала ей хо-

зяйка старого форта. — Я дочь Ферроля».

«В таком случае можно переговорить с вами», — заявила посетительница. — Я с острова д'Авелес. — Она пристально взглянула на Сульта. — Не вас ли я видела вчера? Вы шли с учителем Ледервеем, таща какие-то сетки».

«Да, я гостил у него», — сказал Сульт. — Ледервей — мой старый приятель, и мы оба любители-натуралисты; ловили целый день у скал мелких морских животных».

«Так. Я к вам, милая Харита, с просьбой устроить фейерверк; заказ для вашего отца. Хотите поговорим?»

«Очень кстати», — засмеялась Харита, — сидим без денег».

«Меня зовут Бонифация Дорлент, у нас через две недели будет семейный праздник», — объяснила женщина, подходя с Харитой к столу, где они сели, и Харита, взяв с книжной полки лист бумаги, приготовилась записывать.

«Двойной день рождения», — объявила Бонифация, указывая на вошедшего мужчину. — Мой и моего жениха, Юста, Юстина Флетча. Желательно шит с вензелями и разные веселые штуки».

Малодушно оставшая сидеть, Сульт слышал весь разговор. Если говорила Бонифация, начисляя количество ракет, колес и фугасов, Харита водила карандашом, рисуя по прихоти листья и размышляя; сама делая замечания, она смотрела на Бонифацию, живо повертываясь к собеседнице. «Еще можно такую ракету», — говорила Харита, — из нее высыплются звездочки и потекут, как по бархату, золотые капли. Фугасы я вам советую с огненными гроздьями, рождающими другие гроздьи. Колесо есть такое — сначала вертится в одну сторону, а потом в другую».

«Жаль, что я не знал, чем занимается ваш отец», — сказал Сульт, — я тоже заказал бы ему фейерверк».

Харита рассеянно обернулась: «Ну вот, теперь вы знаете».

«Да. Кстати, моя сестра любит фейерверки, и я потом буду с вами говорить».

«Хорошо. Погодите», — спуталась Харита, поправляя цифры. — Итак, мы с вами условились, Бонифация. Это все?»

«Все. А затем скажите, сколько это будет стоить».

«Я не знаю; отец сообщит вам».

«Приезжайте к нам, на д'Авелес, с отцом 26-го», — обсуждая свой заказ, Бонифация решила пригласить Хариту с ее отцом в день праздника для того, чтобы Ферроль особенно хорошо сделал работу и, быть может, прибавил бы что-нибудь в виде подарка к условленному списку изделий.

Хариту не пришлось долго упрашивать: девушка еще не была на острове, и ее привлекла мысль провести вечер на празднике зажиточных рыбаков.

«Но я не могу обещать вам за отца», — прибавила она, давая свое согласие, — тем более, что должен же кто-нибудь здесь остаться».

«Если хотите», — заявил Юстин Флетч, — мы пришлем вам двух рыбаков, которые здесь посторожат и переночуют».

«Вы видите, как Юст предупредителен, когда нужно», — стесненно заметила Бонифация, не совсем довольная вмешательством жениха. — Тогда вашему отцу нет причин оставаться дома. А мы пришлем за вами большую хорошую лодку, так что вы будете ехать спокойно и в безопасности».

«Благодарю вас, — с удовольствием сказала Харита, — я к вам приеду».

Бонифация почувствовала к Харите своеобразное женское недоверие, а Харите понравилась Бонифация, она даже расположилась к ней и встала ее проводить; та уже начала собираться, но, замедлив, спросила молодую хозяйку:

«Правда ли, дорогая Харита, что у вас возвращены какие-то особенные, чудно-прекрасные цветы, которые вы никогда и никому не показываете?»

Девушка обаятельно покраснела, и Сульт заметил ее смущение: лгать и притворяться она не могла, а отвечать подробно ей не хотелось. Ее взгляд замкнулся, утратив веселое выражение, и, беспомощно разведя руками, Харита нерешительно произнесла: «Не знаю, что вам на это сказать. У меня правда есть немного цветов, которые — это тоже правда — я никому не показываю, но никак я не думала, что о них станет известно».

«Как же! Говорят — ну хоть, например, у фермера Коллотина, где мы были прежде, чем зайти к вам, — цветы у вас больше Юстовой шляпы и такие красивые, что не наглядешься».

Сульт искренне пожалел девушку — так, видимо, неприятен ей был этот разговор, — но любопытство его возросло.

«Ну, может быть, когда вам наскучит одной любоваться этими цветами, мы нам их покажете», — захохотал Юстин Флетч.

«О нет! — живо возразила Харита, уже тихо смеясь. — Нельзя. Никто не увидит их».

«Ради шести стаканов воды! — воскликнул плененный очевидностью тайны Сульт. — Почему?»

«Я могла бы вам не ответить, — мягко обратилась к нему Харита, — тем более, что никто не вправе допытываться от меня такого ответа, но так и быть, скажу. Чтобы понять, почему я не показываю эти цветы, надо их видеть. Поэтому-то их и нельзя никому видеть».

«Замысловато сказано! — проревел Юст, в то время как Бонифация пристально и тяжело рассматривала Хариту и, обескураженная оборотом разговора, слегка надулась. — Боитесь, что их кто-нибудь стянет? Ну, так приезжайте на д'Авелес, я вам покажу такие тюльпаны, каких, верно, нет и в ваших оранжереях. Мы чиниться не будем! Идите! Смотрите! Хватит на все глаза, даже еще останется!»

Довольный своей речью, Юст рассмеялся и обернул пестрым платком.

«Теперь мне уж так захотелось увидеть, что я не отстану от вас», — сказала, поднимаясь, Бонифация. — Но вы не волнуйтесь так, милая. Что делать? Ваше право, ведь вы хозяйка в своем доме, а мы — люди, право, негордые и не обижаемся. Идем, Юст. Приезжайте, дорогая Харита».

Они вышли, а Сульт задержался. «Что же вы?» — спросила Харита. — Они будут ловить вашу лодку».

«Меня интересует вопрос, — объяснил ей Сульт, — если никто не видел ваши цветы, как могло стать известно о них?»

«Вот я стою и думаю: как? Я была, правда, поражена».

«Должны были вы сказать, что у вас ничего нет».

«Может быть. Теперь мне следующее пришло в голову: однажды мой отец был дома один...»

Шамиль МАХМУДОВ

С тех пор,
как этот мир возник
из хаоса огня и лавы,
застыл базальт,
прошел ледник,
но до сих пор шумят дубравы!
С тех пор,
как жизнь пришла на свет,
морей исчезли вереницы.
Миллиарды дней! Миллионы лет!
Но все еще летают птицы!
С тех пор,
как стал разумен мир,
во мгле тысячелетий длился
разгул страстей — кровавый пир...
Но род людской не прекратился!
Бродили голод и чума
вслед воинам по поелищам.
Но не сошел наш мир с ума,
не стал заброшенным кладбищем!

Скромный праздник

Моем близким, погибшим в годы
Отечественной войны.

По одному,
степенно,
не спеша,
они за стол по вечерам садятся,
но не нужны им вина или яства...
Молча за столом
они сидят,
не пьют за радость встречи,
не спорят и не произносят речи.
Вон там — мой брат...
Вон там — отец... Дядя...
Подальше — двоюродные братья...
По матери и по отцу родня...
Они ко мне пришли в мой тесный дом
из мира памяти.
Наш горький скромный праздник
мы молча отмечаем за столом.

Тишина,
взяв на откуп
всю землю у ночи,
правит миром...
Затихли деревни и рощи
под владычеством мрака и сна.
Поутру
на прохладном ветру,
отряхнувшись от чар,
в исчезающей мгле
наполняется мир щебетаньем,
скрипом,
шелестом,
грохотом и скрежетаньем.

Тишина
только временно правит
на нашей земле.

Ночной костер

Красным глазом мерцая,
он глядит в темноту,
власть ее отрицая.
Черных чудищ
лохматые тени,
махая руками,
прочь
разлетаются от него.
Бесконечная ночь
сжимается плотным кольцом
вкруг него.
Но отважно,
с открытым лицом
он бросает перчатку
пространству ночному.
Он,
затерянный на невеликой земле,
не сдастся космической мгле,
не сдастся молчанию глухому.

Перевел с татарского
Станислав КУНЬЯВ

Б

огат и могуч Усманский бор, что находится под Воронежем. Каких только деревьев не встретишь в нем: липы, березы, вязы, дубы, клены... Но больше всего здесь стройных золотоствольных сосен. Они занимают треть бора.

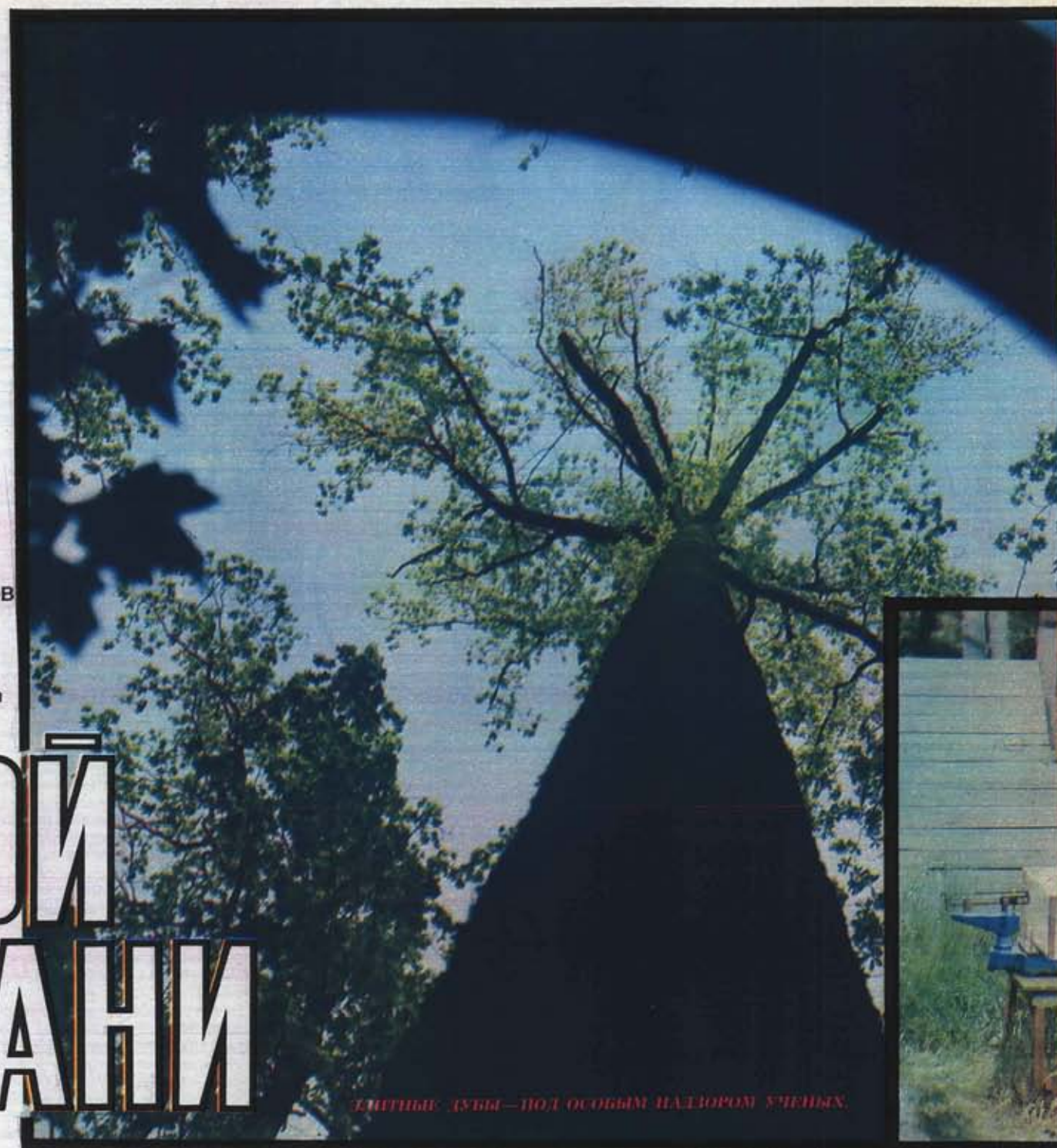
Прекрасны в любое время года сосновые леса. Зима щедро одаривает их белоснежными кафтанами. Хороши они и весной, когда ароматом наполняют все вокруг. Летом приятная прохлада, смолистый запах, спокойная тишина гостеприимно укрывают от зноя. А осенью, будто наперекор ей, стоит лес зеленый и ни за что на свете не пожелтеет.

Самые лучшие участки Усманского бора находятся в его северной части. Уже полвека здесь царит тишина, покой, полвека не слышно здесь охотничьих выстрелов и топоров лесорубов. Ведь этот лес не простой — заповедный. Потому так привольно чувствуют здесь себя лесные жители. Кого только не встретишь в заповеднике на берегу Усмани — лосей, кабанов, бобров... А птиц тут поистине несметное количество. Но

НА ТИХОЙ УСМАНИ

Игорь
КОНСТАНТИНОВ

Фото автора

ЭТИМЫЕ ДУБЫ — ПОД ОСОБЫМ НАДЗОРОМ УЧЕНЫХ.

о бегающих, плавающих, летающих и даже ползающих обитателях заповедника рассказ впереди.

А пока с лесоводом Воронежского государственного заповедника Людмилой Борисовной Никитиной мы идем узкой тропинкой. Она знакомит нас с флорой заповедника. И как это принято, первыми «представляет» самых старших, самых уважаемых. Оказывается, и среди деревьев есть свои патриархи. Возрастом, красотой, здоровьем выделяются они из всего леса, из десятка тысяч своих родственников.

Вековая дубрава. Могучие деревья высоко подняли свои кудрявые головы. И вдруг — удивительно прямой, словно выпущенная в безбрежное небо стрела, дуб. Без единого сучка стоял он. И только на самой макушке, метрах в тридцати от земли, — зеленая ажурная шляпа. Чем-то этот богатырь заморскую пальму напомнил. Но куда ей до него, такого могучего, стройного, красивого, прожившего более века на свете!

Дуб этот элитный, или, как его называют лесоводы, «плюсовый». Словом, всем деревьям дерево. Конечно, таких богатырей в лесу немного. Все выявленные плюсовые деревья опоясаны белыми кольцами: краской их люди поместили.

За всеми плюсовыми деревьями в заповеднике наблюдают ученые. Лесоводов интересует, почему же они такие могучие да красивые. Ученые собирают

их желуди и высаживают в питомниках. С молодняком ведут селекционную работу. Потомство богатырей скрещивают с менее могучими растениями, изучают рост этих деревьев, болезни и причины их возникновения, взаимосвязь леса с животными. Ведь для многих из них жизнь без леса невысказана. А таким четвероногим, как бобры, нужна еще и вода. Ее в Воронежском заповеднике тоже хватает: реки, озера, болота, старицы.

Бобры издавна были привычными жителями наших лесов и рек. И не так уж много у бобров четвероногих врагов — жить бы да жить спокойно, но помните:

*«Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник»...*

Шелковистый, искрящийся мех всегда был в цене. Им одаривали могущественных владык в соседних государствах, им везли ясные сборы, из него шили вечно модные шубы и шапки.

Ценился и бобровый пух. Его отправляли во Францию и там делали знаменитые шляпы. Они были прочные, теплые и удивительно легкие — граммов пятьдесят всего.

На бобров охотились беспощадно. И к концу девятнадцатого века бобр стал чрезвычайно редким зверем. Когда в тридцатые годы ученые Воронежского заповедника начинали операцию по спа-

сению бобров, перед ними стояла нелегкая задача. В ту пору все дружные бобровые семьи можно было пересчитать по пальцам — сохранились они в топких лесах Белоруссии, в непроходимой северной тайге Урала да еще в двух-трех местах, в том числе и на берегах тихой Усмани. Для того, чтобы редкий зверь совсем не исчез с лица земли, специалисты предложили необычный, но, вероятно, единственный реальный способ его спасения — приручение и одомашнивание. Тогда-то и появилась в Воронежском заповеднике построенная людьми необычная деревенька, в которой вместо домов были клетки с бассейнами. Для начала выловили несколько зверьков и поселили их здесь.

Масса неясных вопросов стояла перед биологами. Наблюдения, эксперименты, изучение литературы помогли находить ответы на, казалось бы, неразрешимые задачи. Через два года пришел успех: бобры дали потомство. Стало ясно, что эти животные могут жить в неволе, другими словами, бобров можно спасти.

Сколько воды пронесла мимо экспериментального бобрового питомника спокойная Усмань за это время! За эти же годы бобры из Воронежского заповедника «разъехались» по всей нашей стране. Они снова появились в тех лесах, где когда-то обитали их предки. Реаклиматизация, начавшаяся в конце

**В ПОЛУДЕННЫЙ ЗНОЙ
КОСУЛЯ ПРЯЧЕТСЯ
В ЧАЩЕ ЛЕСА.**

тридцатых годов, проходит до сегодняшних дней и весьма успешно. Сейчас бобр снова становится привычным лесным жителем. Советские биологи передали его ученым социалистических стран. И там тоже бобр перестал быть редкостью.

Мы зашли в бобровый питомник в самый обычный день. Его сотрудники Надежда Ивановна Лаврова, Алла Андреевна Бахарева, Степан Сергеевич Буцких, Виктор Михайлович Крюков вместе с другими звероводами внимательно осматривали животных. И обязательно обращали внимание на зубы. У одного большого бобра слегка искривились концы резцов. Но это поправимо. Тут же их подтачивают. И зверьку снова «по зубам» любой осиновый ствол.

Бобры в питомнике живут самые разные. Одни совсем недавно пойманы на воле, другие родились здесь. Некоторые из них заметно отличаются от своих родителей, дедов, прадедов. Нет, не величиной, а цветом главного богатства зверя — шубы. Они как смоль темные, со сверкающей сединой. Это результат селекционной работы ученых в бобро-

вой деревеньке. Теперь даже в природе можно встретить животных в такой шубе.

Ученые, сотрудники питомника занимаются разработкой методов клеточного разведения бобров. Биологи считают, что бобр — перспективное животное в звероводстве. Его со временем можно будет успешно разводить в специализированных хозяйствах, как нутрию, лисицу, норку, соболя, песца.

Вечером, когда туман опустился над Усманы, мы стояли на смотровой площадке экспериментального бобрового питомника. Деревенька бобров просыпалась. Ведь ее обитатели — ночные животные. Из домиков выходили на прогулку бобровые семьи. Они спускались к реке и плавали в уже привычных для них бетонных бассейнах.

С соседнего плеса доносился плеск воды. Это соседи — дикие бобры. Они тоже имеют отношение к питомнику. Ведь их предки жили здесь. Они проплывали мимо бобровой деревеньки, фыркали, вероятно, здоровались со своими родственниками и отправлялись в разные стороны по делам. Надо успеть до рассвета исправить плотину, починить хатку, заготовить строительный материал — свалить несколько деревьев и сплавить их к новостройке, не забыть поест и подготовить корм семье. А лес между тем утихал. В отличие от бобров большинство его обитателей ночью спит.

А утром, когда в лесу засерело и поднялось не спеша солнце, вместе с сотрудниками заповедника Николаем Максимовичем Никитиным и Алексеем Сергеевичем Шевцовым мы отправились на специальный маршрут, где ученые считают птиц. Учитывают они их необычно — по голосам.

Делают это рано утром или перед закатом, когда большинство певцов не занято хозяйственными делами. Безусловно, надо быть большим специалистом, чтобы из птичьего хора по голосу выявить всех участников. Никитин с Шевцовым шли по лесной дороге и в блокнот заносили «опознанных» лесных певцов.

— Вот, послушайте! — обратились они к нам, — «Федя, чай пить» — это дрозд приглашает в гости.

Прислушались, действительно, на разговор похоже.

«Зиг, зиг, зиг», — доносилось с дерева. Еще раз послушали, и почудилось: «Мужик, сено вези». Это голос овсянки, и его не спутаешь с другим.

Короткая мажорная песня промчалась рощерком и замолкла, потом снова прозвучала. Кто это? Зяблик. Вон он на вершине сосны сидит. И пеночку песню тоже трудно забыть: «тянь-тянь-тянь». Но вдруг понеслась сольная трель с переливами. Это соловей. Неказистая, серенькая птичка, а голосище! Словами не передашь, слушать надо.

В лесу много птиц ярче, нарядней его. Но никто так не поет. Вон иволга. Красивая птица, а только «фью-вю» и больше ничего не сможет исполнить. Откуда-то донеслись дробь дятла и нежное воркование горлинки. Потом монотонно заговорила кукушка.

Хор умолкал. Время исполнения закончилось. Сколько сегодня участников концерта, сказать, конечно, сложно. Ведь всего в заповедном лесу живет около двухсот видов птиц. И для всех он стал надежным, гостеприимным домом.

...Напрямок, без дорог и тропинок, заповедным бором, надеясь увидеть кого-нибудь из его обитателей, мы пошли в сторону дома. Где-то впереди вдруг зашуршал, зашатался кустарник, и из него выскочила целая кабанья семья. В ивиюке на самом берегу Усмани стоял лось. Что за чудо повисло на кустах и внимательно смотрит на нас? Медянка. Эта змея очень сердита, но абсолютно безопасна для человека, потому-то ее в некоторых местах и называют гладким ужом.

И опять трещат под ногами ветки, шелестит трава — мы идем заповедным лесом...

ЗООЛОГИ — «СВОИ ЛЮДИ» В БОБРОВОЙ ДЕРЕВЕНЬКЕ.

НЕ ПРАВДА ЛИ,
КРАСИВЫЙ И СВИРЕПЫЙ ЗВЕРЬ?
ЭТО ХОРЬ.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение.
Начало см.
в № 5 и 6
журнала.)

ВТОРОЙ ТУР

Задания этого раздела олимпиады мы опубликовали в № 6 «Смены». Ниже следует компенсирующий тест для тех читателей — участников нашего соревнования, которые, к сожалению, не смогут организовать и провести классификационный турнир. До 10 баллов жюри присудит за краткий разбор не сложной, но интересной шахматной партии. Ее текст ходов следует ниже — 1.d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kc3 Cb4 4. a3 C:c3+ 5. bc c5 6. e3 b6 7. Cd3 Cb7 8. f3 Kc6 9. Ke2 d6 10. 0-0 Kd7 11. e4 e5 12. Kg3 cd 13. Kf5 Ff6 14. f4 dc 15. fe Kd:e5 16. c5 dc 17. Cb5 Ld8 18. Fh5 Fg6 19. K:g7+ Kpf8 20. F:g6 hg 21. Ke6+ Kpe7 22. K:d8 Kp:d8 23. Cg5+ Krc8 24. Cf6 Le8 25. Лас1 а6 26. C:c6 K:c6 27. C:c3 Le4 28. L:f7 b5 29. Le1 Le1+ 30. C:e1 Kd4 31. Cf2 Cd5 32. Lf8+ Krc7 33. C:d4 cd 34. Lf4 d3 35. Ld4 Cc4 36. Kpf2 Kpb6 37. Kpe3 Кра5 38. Ld6 b4 39. Ld4 Kpb5 40. ab Kp:b4 41. h4 a5. Согласились на ничью.

Комментарий этого поединка аккуратно пишете на 1—2 листах белой бумаги, вкладываете в конверт и посылаете в адрес «Смены» не позднее 5 июня 1979 года.

ТРЕТИЙ ТУР

Мат в шесть ходов.

II

Белые — Kph6, Fe7, Lc3, Ld8, Cb4, Cc6, Kb2, Kc7, n.d5.
Черные — Kpd4, Fb3, La1, La5, Ca7, Ch5, Kf1, Kg1, nn.a4, d3, e3, g4.
Мат в три хода.

III

Белые — Krc6, nn. e5, f3, h5, h6.
Черные — Kpg5, nn. e7, f5, f7, h7.
Выигрыш.

IV

Белые — Kpg1, Fc2, La1, Ld1, Cf4, Cf5, Kf3, nn. a2, b2, d5, f2, g2, h2.
Черные — Kpf8, Fa5, La8, Le8, Cb7, Ce7, Kb6, nn.a7, b4, c5, f7, g7, h6.
Ход белых. Требуется доказанная вариантами оценка этой позиции.

V

В этом положении белые сделали ход 19.e2—e4. Как, по вашему мнению, должна сложиться борьба при лучших действиях обеих сторон?

Решение каждой из пяти позиций в сокращенной шахматной нотации посылается на отдельной открытке с указанием своего олимпиадного регистрационного номера. За правильный ответ на одно задание засчитывается четыре балла.

ДИПЛОМЫ — 108 ЧИТАТЕЛЯМ

Определены результаты шахматного конкурса, объявленного «Сменой» в минувшем году в преддверии новой, 21-й Олимпиады.

На этот конкурс в редакцию поступило 14656 писем. 2823 читателям впервые присвоены или повышены спортивные разряды по шахматам, и им высланы соответствующие справки, по которым в местных шахматных федерациях оформят классификационные билеты единого образца.

В группу победителей конкурса вошли И. Галлямов (село Семанево Мензелинского района Татарской АССР), М. Германов (село Чашки Каргопольского района Курганской области), Г. Говорухин (г. Вологда), В. Горбов (г. Северо-Восток), А. Жуков (г. Москва), А. Ишкин (г. Пенза), М. Карпель (г. Петропавловск - Камчатский), Р. Мингазутдинов (г. Зеленодольск), Г. Наузов (г. Калуга), Н. Неустров (г. Измаил), В. Никитин (г. Боровичи), С. Новиков (г. Воткинск), А. Панфилов (г. Ленинград), Е. Смоленская (г. Черкассы), О. Сухов (г. Чирчик) и рядовой Советской Армии М. Филлин. Они добились отличного показателя — 50 очков из 50 возможных и премированы специальными дипломами и фотоснимками ведущих советских гроссмейстеров. По предложению жюри дипломами отмечены хорошие конкурсные работы еще 92 читателей. Редакция «Смены» благодарит всех участников этого заочного соревнования и поздравляет победителей.

Приводим краткие ответы на конкурсные задания.

Первый тур — 1. Kb2 C:b2 2. Ld4X: 1. Fc3 F:c3 2. Ke7X: 1. ... L:f5 2. L:f5 d4 3. Cg5 Fc8 4. Fd3 h6 5. Cd2 Dc 6. C:c3 Ke3X.

Второй тур — 1. Ld3 F:d3 2. F:f6X: 1. Ke6 Kd5 2. Fe5+ K:e5 3. Kd6X: 1. g4+ hg 2. Ld5+ ed 3. Fc8+ F:c8 — пат.

Третий тур — 1. Fh1 gh 2. Kb7 Kd3 3. Kd6X: 1. Fb6 Kpe4 2. Fc3+ fe 3. Kge5X: 1. ... Lb2 2. Kp:b2 Lb8+7. Kpa1 Fc2X.

Четвертый тур — 1. Le1 Kp:d4 2. e4 de 3. Ld1X: 1. Kd6+ Kpe7 2. Kdf5+ Kpe8 3. Kg7+ Kpe7 4. Kef5+ Kpf6 5. Ld6+ Kpe5 6. Ce3 c5 7. c3 bc 8. bc La4 9. ba Kf6 10. Cd4+ cd 11. cd+ Kpf4 12. Ke3 K:g4+ 13. hg F:d6 14. Kh5X: 1. Cg7 Lh7 2. Kpg4 Kp:a7 3. Kph5 Kf5 4. C:b2 L:h6+ 5. Kpg5 Lh2 6. Ce5 Lf2 7. Cf4 Kd4 8. Ce3 Lf5+ 9. Kpg4 Ld5 10. Kpf4 Kpb6 11. Kpe4 Krc5 12. Kpd3 Ld8 13. Cg1 Kpd5 14. C:d4 Kpe6 15. Kpe3= (но 2. ... Kpb7 3. Kph5 Kf5 4. Kpg6 K:g7 5. Kp:h7 Ke8 6. Kb5 Kpb6 7. Kpg8 Kp:b5 8. h7 Kf6+ 9. Kpg7 Kg4+ 10. Kpg8 Kh6X).

Пятый тур — 1. Kpd6 Cd5 2. Fc5 Kc6 3. Ka6 0—0X: 1. Kpg6 Kp:b6 2. Kpf5+ Krc5 3. Kpg4+ Kpd4 4. Kph5+ Kf4X: 1. ... Lb1+ 2. Kph2 Lh1+ 3. Kp:h1 Kg3+ 4. fg F:g2+ 5. Kp:g2 — пат.

АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БУДЕТ ФРЕГАТ «ДАР МОЛОДЕЖИ»!

Почти полстолетия плавал по морям и океанам известный фрегат «Дар Поможка» («Дар Поморья»). За это время он посетил 361 порт во всех частях света, оставив за кормой более полумиллиона морских миль. На этом корабле прошли практику 11 500 курсантов морских училищ.

Белый трехмачтовый, подлинный «морской посол» народной Польши, одержав немало побед на соревнованиях учебных парусников, соревновавшихся, которые в последнее время становятся все более популярными. Но недалеко время, когда соленый ветер наполнит белые паруса в последний раз. Старей и корабль...

Поэтому гданьская молодежь призвала юношей и девушек всей Польши построить новый фрегат, который будет премиями «Дар Поможка» и посетителем его славных традиций. Новый парусник будет называться «Дар молодежи», чертежи его уже готовы. Это будет тоже трехмачтовый, фрегат, который по техническим параметрам превзойдет своего предшественника. Новый парусник будет иметь площадь парусов в 3000 квадратных метров (в отличие от «Дара Поможка» с его 2200 квадратными метрами) и большую на три узла скорость.

Постройка нового судна обойдется в немалую сумму, и гданьская молодежь объявила сбор средств на строительство. В успехе сомневаться не приходится. Будет новый фрегат!

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

СЫН ПУШКИНА

В рядах русской армии, которая весной 1877 года освобождала Болгарию от турецкого ига, сражался полковник Александр Александрович Пушкин, сын великого русского поэта. Когда началась русско-турецкая война, он был командиром прославленного 13-го Нарвского гусарского полка.

27 июня этот полк подошел к городу Звизгича на северном берегу Дуная. На следующий день полковник Пушкин привел своих гусар на берег реки, показал им на противоположную сторону и сказал: «Перед вами лежит Болгария, перед вами — священная славянская земля. Там умирают наши сестры и братья. Они ждут вашей помощи».

13-й Нарвский полк воевал в составе восточной армейской группы против восточнотурецкой дунайской армии за укрепленный квадрат Русе—Шумен—Варна—Силистра. 6 октября 1877 года полк, усиленный пехотой и артиллерией, под командованием Пушкина пошел в смелую атаку и освободил населенные пункты Туриндеро и Ново Село. Полковник Пуш-

кин получил за этот бой почетную награду — саблю с надписью «За храбрость». 22 ноября полк взял Косарево. Повсюду, куда вступали смелые гусары, их встречало ликующее болгарское население.

В январе 1878 года полк Пушкина был включен в соединение, которым командовал знаменитый генерал Столетов. В это соединение входили также семь отрядов болгарской гражданской самообороны. По приказу генерала Столетова 13-й Нарвский полк вместе с третьим и четвертым отрядами ополченцев атаковал неприятеля севернее города Котел и разгромил турок. В этом бою полковник Пушкин также проявил высокое мужество и был награжден Георгиевским крестом.

Александр Александрович Пушкин служил в русской армии пятьдесят лет. В 1898 году, в сотый годовщину со дня рождения своего великого отца, он получил звание генерала, а в 1911 году — чин генерала от кавалерии. Скончался он 19 июня 1914 года в возрасте 82 лет.

«ПОГЛЕД», БОЛГАРИЯ

КЕНГУРУ ПОД УГРОЗОЙ

Когда упоминают об Австралии, то неизменно вспоминают о кенгуре — недаром изображение этого животного красуется в государственном гербе страны. Но в самой Австралии кенгуру можно увидеть только в национальном парке, площадь которого составляет 16 миллионов гектаров. В других же местах это животное можно встретить очень редко. И это неудивительно.

Президент австралийского общества защиты диких животных недавно обвинил премьера штата Квинсленд, что он ежегодно в противоречие с существующими нормативными установками выдает разрешения на отстрел свыше миллиона кенгуров. Известная австралийская исследовательница живой природы Вирджиния Крафт заявила журналистам: «Это самое страшное преступление по отношению к нашим уникальным животным, за которое будущее поколение австралийцев сурово осудит нас. Значение этой трагедии выходит далеко за пределы нашего континента. На кенгуру с любовью и симпатией смотрят взрослые и дети в зоопарках всего мира, в самой же Австралии изображение этого много существа можно встретить буквально на каждом шагу — на марках, монетах, сигаретах... Похоже на то, что люди возлюбили символ больше, чем его реальный прототип».

Почему же получилось так, что австралийцы столь безжалостно стали истреблять животное, ставшее национальным символом? Недружелюбное отношение фермеров к кенгуру началось с того момента, как сюда была завезена первая овца. Скотоводы решили, что кенгуру будут поедать овечий корм, и начали охоту на них. Кенгуру в общем-то овцам не мешали, но предубеждение оказалось сильнее доводов рассудка.

Однако поистине массовое истребление кенгуру началось в шестидесятых годах нашего века. Прежде шкура кенгуру особой популярностью не пользовалась, но теперь в результате использования достигнутой современной биохимии была создана совершенно новая технология обработки и выделки. Шкуре удалось придать хорошие потребительские свойства. Мисоперерабатывающая промышленность начала предлагать консервы из мяса кенгуру по сравнительно недорогой цене. Решающее же слово было сказано хорошо поставленной рекламой. По всей стране начали развозить передвижные холодильники в сопровождении бригад профессиональных охотников. Мощные прожекторы, инфракрасные прицелы, скорострельные дальнобойные карабины с глушителями — все это способствовало тому, что каждый охотник в среднем отстреливал до ста животных за ночь.

Ко всему этому добавились частые в последнее время в Австралии засухи, которые еще больше ухудшали положение кенгуру — им не хватает корма. Защитники природы в Австралии вполне серьезно предупреждают, что не за горами то время, когда этот символ Австралии можно будет увидеть только в зоопарке.

«ПШЕКРУЙ», ПОЛЬША

ОТКРЫТКИ СОЛИДАРНОСТИ

Западногерманский Комитет антиимпериалистической солидарности с народами Африки, Азии и Латинской Америки выпустил серию почтовых открыток с репродукциями произведений художников Чили, Южной Африки, Палестины, Вьетнама. Средства, полученные от продажи, будут переданы в фонд солидарности. На снимке: одна из открыток — работы палестинского художника Исмаила Шаммута, посвященная соотечественникам, погибшим в разрушенном лагере для беженцев в Ливане.

«ЭЛАН», ФРГ

КОМПАС ДРЕВНИХ ИНДЕЙЦЕВ

Маленький обломок магнитного железняка был найден во время раскопок мексиканского города Сан-Лоренцо еще десять лет назад, и вначале ему особенно большого значения не придали, хотя на нем были явно видны следы обработки. Только впоследствии обломок заинтересовались. Американские ученые — археолог М. Д. Кей и физик Дж. Б. Карлсон установили, что обломку около трех тысяч лет и он, по всей вероятности, является частью какого-то более сложного устройства — своеобразного древнейшего компаса.

Известно, что олмеки, коренные обитатели Центральной Америки, строили свои селения так, что улицы и стены храмов были ориентированы по сторонам света. Не исключено, что древники строителями применялся прибор, напоминающий наш компас.

«БОЗМИА», КУБА

ЧАСЫ ИДУТ 1800 ЛЕТ

При выходе к Дунаю через перевал Каванело Мари, на румынском берегу, на известняковой скале высечены часы с римскими цифрами. В центре циферблата изображен стилизованный цветок с отверстием, в котором закрепляется «минутная стрелка» — обыкновенный колышек. Как считают специалисты, эти солнечные часы изготовлены еще в римскую эпоху. Они «ходят» уже 1800 лет без «капитального ремонта». Только деревянная «стрелка» менялась, очевидно, не одну сотню раз.

«ДЕЛЬТА»,
ВЕНГРИЯ

БУДЕШЬ КРАТОК...

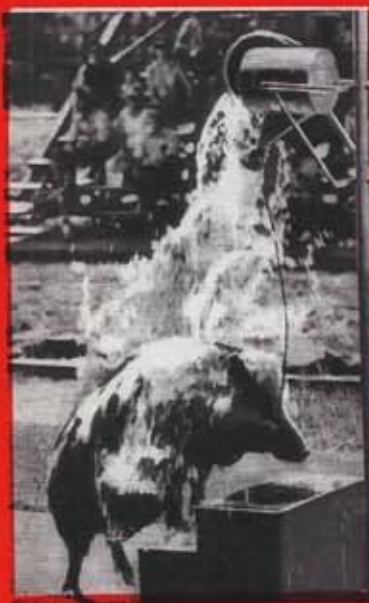
Для того, чтобы воспрепятствовать излишне долгим телефонным разговорам, городские власти в Нью-Йорке распорядились выкрасить внутренние стены телефонных кабинок в раздражающие цвета. По мнению психологов, такие цвета отрицательно действуют на нервную систему, и даже самые болтливые говорят лаконично и спешат покинуть кабину.

«ПЛАМЯЧЕ», БОЛГАРИЯ

АГНЕС — ЗА ЧИСТОПЛОТНОСТЬ

Существующее во всех, вероятно, языках выражение по поводу нечистоплотности своих парнокопытных сородичей убедительно опровергла на выставке в Хот-Спрингс (штат Арканзас) свинья по имени Агнес. Она с большим удовольствием принимала душ, делая за широк, привязанный к лейке...

«НЭШНЛ ДЖИОГРЭФИК»,
США

Почем нынче мудрость?

«Смирение — мудрость, борьба — глупость». Это гениальное изречение принадлежит «гуру» Бхаваши Райнишу, очередной звезде среди религиозных шарлатанов, главе одной из сект, которые появляются в последние годы, как грибы после дождя.

Райниш основал в Пуно (Индия) «ашрам» — центр религиозных размышлений (медитаций), посещаемый новообращенными из западных стран, которые «пребывают в поисках мудрости».

На чем основывается новая религия? Бывший профессор философии Б. Ш. Райниш сформулировал «предложение» по известному рекламному познанию: быстро, эффективно, без усилий. Он предлагает своим последователям за взнос в сто долларов в пользу «общины» возможность избавиться от невежества и волнений без тягостного учения и отнимающих время интеллектуальных усилий. Всего за семь дней мудрость нисходит на верующих и остается с ними на всю жизнь!

Программа учеников гуру казарменная. День начинается с «очищения души» посредством бурных сцен, когда повторными молитвами верующие доводят себя до состояния экстаза. Затем «первоосвящение» — произносит 90-минутную речь, во время которой цитирует попеременно основные положения различных религий, ядерной физики, теории относительности и эволюционизма. После полудня воспитанники «ашрама» занимаются уборкой, приготовлением пищи, разбором корреспонденции, переводят и печатают на машинке на 22 языках брошюры с религиозной платформой «учителя». Вечер верующие посвящают так называемому «кундалини», а именно: растягиваются на полу в оранжевых платях и сосредотачиваются...

В конце «стажировки» под трюмные вопли восторженных учеников наступает «прозрение». Волноной учитель прижимает ко лбу искателя мудрости коробочку, в которой помещен волосок с его головы. И внезапно вдепт ощущает, как проникается мудростью, и тоже начинает кричать. Готово: он — в числе избранных!

Благодаря успеху, которым пользуется центр в Пуно, его филиалы уже открылись в Бельгии, Франции, Швейцарии и Канаде. Один из приближенных Райниша объясняет это тем фактом, что «современный мир представляет собой эмоциональную пустыню».

«Пустыня» эта, однако, совсем другой природы. В ней молодые люди, только что окончившие школу, не находят «оазиса» постоянной работы, их одолевает неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие перспектив, идеала, чувство нелюбимости обществу, отчужденности. Все это приводит к отчаянию. Тремированные повседневной действительностью, они ищут забвения в алкоголе или наркотиках, идут на преступления или самоубийство. Ну а иные пытаются укрыться от мрачной действительности в мире религиозных иллюзий.

«СКИНТЕЙЯ ТИНЕРЕТУЛУЙ»,
РУМЫНИЯ

ШКОЛА НА КОЛЕСАХ

В отдаленных пустынных областях Ирака живут кочевые племена бедуинов. Их образ жизни превращает в проблему посещение детьми школы. Иракское правительство решило эту проблему оригинальным способом: создало подвижные — «кочевые» — школы, которые сопровождают бедуинские племена. Речь идет о больших фургонах, устроенных как классы с партами, доской и всеми необходимыми пособиями. Грузовые автомобили приезжают в племя и сопровождают его целый год, так что дети кочевников могут регулярно посещать занятия. В вечерние же часы за парты в фургонах садятся взрослые бедуины — мужчины и женщины, не умеющие читать и писать. Ликвидация неграмотности проходит по всей стране, и интерес к этой кампании

велик и среди кочевников. Первые «школы на колесах» начали работу в области Мутанна на юге страны. После оценки результатов и обобщения опыта такие школы будут постепенно введены и в других областях, населенных кочевыми племенами. Иракское правительство разработало широкую программу борьбы с неграмотностью, принял закон об обязательном шестилетнем образовании, всесторонне поддерживается ликвидация неграмотности среди взрослых. Эксперименты со «школой на колесах» для детей кочевников вызвали интерес и в других арабских странах, где также имеются кочевые племена.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ОДИН В ЖИЗНИ, ОДИН В СМЕРТИ

Владелец дома, судебный исполнитель, слесарь и четыре грузчика поднялись на второй этаж дома номер 89 по улице Вустермакер в Западном Берлине, чтобы выполнить свою миссию — насильственно выселить нанимателя, упорно не желавшего платить за квартиру. Когда слесарь вскрыл дверь, все вошли и оказались в бадной, скудно мебелированной комнате. Страницы настенного календаря перевернули в последний раз десять месяцев назад. А в кресле, свесив голову, сидел сам неплатежеспособный жилец, 52-летний Гарри Финке. Он был мертв.

292 дня назад он скончался от инфаркта, и тело его, окончив, оставалось в одном и том же положении. Хотя в доме, где жил Финке, обитало еще шесть семей, включая хозяйку (дом был небольшим), никто не обратил внимания на внезапное исчезновение одного из жильцов. Разобщенность людей оказалась столь беспробудной, что даже живущий поблизости маляр Эрих Куглер, к которому Финке регулярно ходил на телевизионно-футбольные сиделки и у которого брал иногда газеты, нисколько не обеспокоился отсутствием своего вроде бы приятеля. Куглер говорит: «Последний раз Гарри взял у меня

газету что-то почти с год назад и больше не заходил. Почему? Бог его знает. Может, уехал куда...»

Гарри Финке многие годы перебивался случайной работой, в итоге стал пенсионером по состоянию здоровья. Через три месяца после его «исчезновения» ведомство социального обеспечения прекратило перечислять ему пенсию, поскольку Финке не отозвался на письменное требование явиться на очередное медицинское переосвидетельствование. «Мы были уверены, что он нашел работу, и пенсия его больше не интересует», — заявили сотрудники ведомства социального обеспечения. И дело Финке сдали в архив.

Судьба тихого и скромного Финке никого не трогала. Его соседи, например, не подозревали, что он был уволен с работы еще в 1959 году, после того, как у него был обнаружен туберкулез легких. Пенсию ему выплачивали совершенно ничтожную, да и та считалась временной.

Если бы домовладелец не завел судебного дела против своего жильца, Гарри Финке так, наверное, и остался бы сидеть в своем кресле со склоненной головой...

«ШТЕРН», ФРГ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

КРОВАВЫЕ ИЕ

Артиллеристы Вьетнамской Народной Армии ведут огонь по китайским захватчикам в провинции Ланшон.

сквозить: слишком большой помехой оказался социалистический Вьетнам для экспансионистских устремлений Пекина в Юго-Восточной Азии. Характерны в этой связи признания китайских шпионов, разоблаченных и арестованных силами безопасности СРВ на вьетнамской территории летом прошлого года. Вот записи из блокнота...

Агент китайской разведки по имени Тао Шаовэнь, заброшенный на вьетнамскую территорию еще в 1965 году, говорил на одной из пресс-конференций, организованных МИД СРВ, что ему известно о существовании антивьетнамского плана маоистов, рассчитанного на пятнадцатилетний срок. План предполагалось осуществить в три этапа. На первом этапе были запрограммированы: психологическая обработка вьетнамского населения с целью вызвать антиправительственные настроения; экономический, военный и политический шпионаж; сбор сведений о настроениях среди национальных меньшинств. Второй этап — прекращение экономической помощи; отзыв китайских специалистов; искусственное разжигание антивьетнамских настроений среди хуацяо и кампания за их возвращение в Китай; организация беспорядков с помощью специально подготовленных для этого групп. По мнению пекинских стратегов, ослабленный политически и экономически Вьетнам сам «упадет в китайские объятия». А если этого не произойдет, то на третьем этапе предусматривалось силой заставить Вьетнам подчиниться Китаю.

Приступая к осуществлению этого плана, китайские специальные службы развернули активную деятельность на территории Вьетнама. Страну пытались опутать густой шпионской сетью.

Показания еще одного агента — Лю Вэйшэна, заброшенного во Вьетнам под именем Лю Хэ:

— В 1973 году я незаконно пересек границу и начал работать врачом восточной медицины. Это было лишь прикрытием. Фактически я занимался объ-

На одной из центральных улиц города Хошимина висит большая карта. Внизу подпись: «География великодержавного шовинизма». Эта карта взята из книги «История современного Китая», изданной в Пекине еще в 1953 году. На ней обозначены территории, которые, по мнению пекинских руководителей, «входили в состав Поднебесной, но были отторгнуты империалистами во время демократической революции 1840—1919 годов». Правда, энциклопедии и справочники относят зарождение революционно-демократического движения в Китае к 1894 году, когда под руководством Сунь Ятсена была создана первая революционная организация, но оставим путаницу в исторических фактах на совести составителей вышеупомянутой книжки. Как давно уже выяснилось, в Китае очень часто путают термины и называют черное белым и наоборот.

Вернемся, однако, к карте. Карандаш ее составителя жирным пунктиром очертил огромное пространство, куда вошли Вьетнам, Кампучия, Лаос, Таиланд, Монголия, Корея... В состав Поднебесной, оказывается, испокон веков входили ни много ни мало двенадцать суверенных государств плюс японские острова Рюкю, обширные районы Индии и Советского Союза...

Двенадцать лет спустя, в 1965 году, выступая на заседании Политбюро ЦК КПК, Мао Цзэдун дал поражающее прямолинейным цинизмом пояснение к карте. «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию», — сказал он. — Такой район, как ЮВА, очень богат, там очень много природных ресурсов. Он весьма заслуживает затрат на

то, чтобы его заполучить. В будущем он будет крайне полезен для развития китайской промышленности. Таким образом можно будет полностью возместить затраты».

Зловещее высказывание «великого кормчего» явилось не только и не столько информацией к размышлению, сколько руководством к действию для пекинских властей как во времена Мао, так и после его смерти. В последнее время мир столкнулся с попытками практического воплощения этих бредовых идей в жизнь. Экспансионизм Пекина выплеснулся наружу. Маоисты предприняли массированную атаку на страны Индокитайского полуострова. Кровавый эксперимент в Кампучии и вооруженная агрессия против Социалистической Республики Вьетнам — пункты одного и того же плана, изложенного Мао Цзэдуном в 1965 году.

...Не помню ни названия этого американского фильма, ни его содержания. Но один эпизод остался в памяти. Убийца душит жертву. Та сопротивляется, вырывается из его рук. А стоящий рядом сообщник с досадой шипит: «Не так! На яблочко дави, на яблочко!»

Не скоро еще станут достоянием гласности все детали бесед китайских и американских должностных лиц, встречавшихся в те годы, когда американская военщина пыталась «вбомбить Вьетнам в каменный век». Но рискну утверждать: если, паче чаяния, китайские функционеры и не произносили фразы, подобные процитированной выше, то уж в их по-восточному мудреных оборотах речи, щедро сдобренных двусмысленными сентенциями древних философов Поднебесной, такая мысль не могла не

МИРНЫЕ ВЬЕТНАМСКИЕ ЖИТЕЛИ ВЫНУЖДЕНЫ ПОКИНУТЬ РОДНЫЕ МЕСТА. ПРЕВРАЩЕННЫЕ КИТАЙСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ В ПЕЧЕЛИЩЕ.

РОГЛИФЫ ПЕККИНА

единением групп хуацяо от Монгкая до Хайфона. В Хайфоне я разыскал дом некоего Дэн Дую, проживавшего по улице Ли Тхьонг Киет, 51. Семь месяцев я нелегально жил у него и его жены, и они приводили меня к разным людям под видом врача. Я беседовал с этими людьми, старался выяснить их настроения и завербовать в группы для ведения подрывной деятельности.

Через некоторое время в одной деревне я был задержан народной полицией, так как у меня не было документов. На ночь меня оставили в помещении, где располагался пост народной полиции. Мне удалось бежать, но через несколько дней меня снова арестовали в провинции Куангнинь и 25 ноября 1975 года вместе с двадцатью другими заброшенными на территорию Вьетнама агентами передали китайской стороне. В пункте передачи на границе ждал Лян Жун — мой шеф из службы безопасности. Он похвалил меня за работу, а через несколько месяцев дал указание вернуться во Вьетнам для продолжения разведывательной деятельности. В декабре 1976 года я снова нелегально перешел границу неподалеку от города Лангшон и добрался до Хайфона. На этот раз я скрывался в доме Пэн Чжишоу, который жил на улице Сестер Чынг, 141. Он недавно вышел из тюрьмы и работал шофером. Я регулярно собирал на квартире Пэн граждан китайской национальности, распространяя среди них антивьетнамские листовки. А Пэн тем временем собирал сведения о работе Хайфонского порта. На нелегальных собраниях с завербованными хуацяо я рекомендовал им сесть среди родственников, соседей, знакомых ненависть к вьетнамцам, распространять слухи о том, что скоро между Китаем и Вьетнамом начнется война, что всех хуацяо вьетнамцы вырежут.

Некоторое время все шло нормально. Наша подпольная сеть расширялась. Но позже мне стало опасно оставаться в Хайфоне, и по указанию китайского

КОРОТКАЯ ПЕРЕДЫШКА ПОСЛЕ БОЯ.

ОДИН ИЗ ТЕХ, КТО СЕЯЛ СМЕРТЬ И РАЗРУШЕНИЯ НА ВЬЕТНАМСКОЙ ЗЕМЛЕ, — КИТАЙСКИЙ СОЛДАТ, ВЗЯТЫЙ В ПЛЕН В ПРОВИНЦИИ ХОАНГЛИЕНШОН.

посольства Пэн тайно отвез меня в Ханой к своему дяде. Пэн представил меня как опытного врача и попросил дядю достать для меня официальные документы. Тем временем меня познакомили с одним молодым человеком, который был заброшен сюда из Китая три года назад. В чем заключается его задание, он не говорил. Через несколько дней этот человек свел меня к заместителю директора литейного завода, по национальности тоже китайцем. Тот обещал устроить на завод, чтобы я мог иметь «крышу». Вскоре мне достали документы, и работать стало намного легче. Я регулярно отправлял информацию в Китай, получал оттуда деньги, новые указания. В случае ареста, говорилось в одном из посланий, нужно требовать, чтобы меня передали китайскому посольству. Чтобы избежать тюрьмы, мне разрешалось дать взятку в пять тысяч донгов. А если удастся уговорить представителей местных властей выпустить меня на свободу, а не передавать дело в органы безопасности, то я имел право заплатить за это десять тысяч донгов...

Давая свои показания, Лю Вэйшэн сообщил также, что когда его забрасывали во Вьетнам в третий раз, с ним перешли границу еще пять человек. Но всем им было дано указание обосноваться не во Вьетнаме, а переехать в Лаос или в Таиланд для связи с действующими там агентами.

После долгих лет тщательной разведывательной и пропагандистской работы среди вьетнамского населения Пекин перешел к осуществлению следующего этапа своего плана — операции «наньцяо». Смысл этого слова примерно такой — «сиротливые и угнетенные выходцы из Китая».

Весной прошлого года среди вьетнамцев китайской национальности, или хуацяо, появились слухи о том, что местные власти решили изгнать из Вьетнама всех хуацяо и что вообще их давно уже притесняют и терроризируют, только раньше все, мол, боялись об этом говорить.

В домах, где жили китайские семьи, стали появляться какие-то люди, которые предлагали свои услуги по организации переезда в Китай. По утрам в почтовых ящиках обнаруживали записки-предостережения. Те, кто не уедет в Китай, говорилось в записках, будут убиты либо вьетнамскими властями, либо китайскими войсками, которые придут сюда. Кроме этих предостережений, написанных по-вьетнамски, стали появляться бумажки с китайскими иероглифами. Понять смысл этих посланий было трудно, поскольку часть иероглифов была написана на вэньяне — древнекитайском языке. Но загадочность вызвала еще больший страх у обывателей. Они стали поспешно продавать имущество, покупать часы, золото, фотоаппараты, магнитофоны... В китайское посольство в Ханое посыпались письма с просьбами о визах на въезд в КНР. В те дни, проезжая мимо посольства, я часто видел огромные толпы людей, ожидавших оформления. А некоторые, минуя все официальные каналы, пробирались на север и тайком переходили границу.

●
Легковых было много, и кампания набирала силу. К северной границе устремились тысячи хуацяо. В апреле ее пересекли 28172 человека, в мае — свыше сорока тысяч и в июне — 58747 человек. Пекинская пропаганда без усталости твердила, что вьет-

намские власти выгоняют людей с насиженных мест, обирая их до нитки. В пограничном пункте «Ворота дружбы» в провинции Лангшон этого, мягко говоря, не ощущалось. Переходившие на ту сторону хуацяо везли за собой тележки, доверху нагруженные домашним скотом, везли буйволы. Таможенники, полистав документы, сообщили нам, что в течение июля 1978 года покидающими Вьетнам гражданами было заявлено в таможенной декларации и соответственно пропущено бесшплинно: 774 унции золота, 495 радиоприемников, 113 швейных машин, 129 мотоциклов, 114 велосипедов, 326 телевизоров, 114 магнитофонов, 94 холодильника, 2338 часов различных марок.

Но встречающие «соотечественников» на той стороне китайские власти и китайские журналисты по-своему смотрели на происходящее. Одна женщина, сопровождавшая тележку, груженную холодильником, телевизором, туго перевязанными ящиками с утварью, которую таскали ее муж и трое детей, отстала немного, чтобы поправить сандалию. Потом она пошла дальше, но, естественно, с пустыми руками, так как муж и сыновья успели перевезти тележку на ту сторону. Китайские журналисты наблюдали все это и тут же бросились к женщине, начали щелкать фотоаппаратами. Наконец-то нашлась «жертва вьетнамских властей»! «Бедной женщине» ничего не разрешили взять с собой!

Сразу же следует оговориться, что на улочку маоистов, «озабоченных трагической судьбой соотечественников», попались далеко не все хуацяо — процентов десять — пятнадцать от общего числа в 1200 тысяч проживающих во Вьетнаме.

В те дни я разговаривал со многими вьетнамцами китайского происхождения, спрашивал, что они слышали о «несправедливостях» по отношению к ним со стороны властей. Я просил их называть только профессию и возраст, чтобы собеседники не чувствовали себя скованно. Получилось что-то вроде устной анкеты-экспромта. Я задал один и тот же вопрос семнадцати человекам самых различных профессий в возрасте от 15 до 60 лет на нескольких улицах китайских кварталов Ханоя. Среди них были три учителя, пять рабочих, два школьника, один председатель кооператива, четыре мелких торговца, один директор школы и один служащий государственного учреждения. Ни один из этих людей не слышал о фактах гонений на своих сородичей. Слухов, говорили они, ходит много, но ничего конкретного, никаких примеров. Только общие слова: «притесняют», «терроризируют», «изгоняют», — то есть весь «джентльменский набор» из заявлений китайских руководителей.

Я спросил у своих собеседников, не собираются ли они уезжать из Вьетнама. Один из них, торговец, сказал, что, наверное, уедет. «Почему?». «Не знаю. Многие уезжают. А вдруг там действительно лучше, а здесь начнут нас притеснять?» Остальные ответили, что слухам не верят и уезжать никуда не собираются.

Пекин заявил, что высылает за своими «несчастливыми соотечественниками» корабли, которые вскоре придут во вьетнамские порты. Нагло заявив о предполагающемся захвате китайских судов в Хайфон и Хошимин и даже определив дату этого захвата (без согласования с вьетнамскими властями), Пекин решил дать понять, что ему не обязательно считаться с мнением соседних стран и что он имеет право вмешиваться в их внутренние дела. Китайские руководители, видимо, забыли, что Вьетнам входит в состав Поднебесной лишь на карте, изданной в Пекине...

Правительство СРВ выступило с заявлением, в котором резко осудило бесце-

ремонность маоистов. Но, проявляя добрую волю и миролюбие, оно информировало китайскую сторону, что не будет чинить препятствий тем гражданам китайской национальности, которые хотят покинуть страну и возвратиться на родину своих предков. Было объявлено, что китайские суда смогут войти в порты СРВ, но в сроки, установленные вьетнамской стороной.

МИД СРВ предложил китайскому посольству в Ханое обсудить все детали, связанные с приходом судов. В течение июня и июля было проведено семнадцать встреч между представителями обеих сторон, но безрезультатно. Все уперлось в формулировку. Китайская сторона отказывалась принять на борт «хуацяо» — «вьетнамских граждан китайского происхождения», «выходцев из Китая». Она настаивала на том, чтобы в соответствующих документах люди, покидающие Вьетнам, квалифицировались как «наньцяо» — «обездоленные выходцы из Китая», как жертвы притеснения со стороны вьетнамских властей. МИД СРВ представил посольству КНР список тех, кто изъявил желание уехать в Китай, естественно, не используя провокационный термин. В посольстве даже не стали читать этот список. Тогда китайской стороне было предложено самой составить список лиц, подлежащих репатриации. Ответа не было. Вьетнамская сторона представила посольству новый список. Это был список действительно «обездоленных выходцев из Китая» — 1507 человек, бежавших из Кампучии от террора прокитайского режима Пол Пота — Иенг Сари и нашедших приют на вьетнамской земле. И снова никакого ответа с китайской стороны.

Все объяснялось очень просто. К тому времени в Пекине операцию «наньцяо» сочли изжившей себя и планировали новые акции. Следующим пунктом плана являлись провокации на границе. А сотни тысяч обманутых и залуганных хуацяо, собравшись со своим скотом у границы и на молах Хайфона и Хошимина, тцетно ждали того момента, когда они смогут выехать на «родину предков». Пекин больше не принимал «сиротливых и угнетенных выходцев из Китая». Вся эта кампания нужна была лишь для того, чтобы вызвать беспорядки во Вьетнаме.

С лета прошлого года напряженность на китайско-вьетнамской границе начала быстро расти. Инциденты стали систематическими. Нам, иностранным журналистам, аккредитованным в Ханое, приходилось в те дни часто приезжать в МИД за сводками. Первое нарушение суверенитета СРВ произошло 8 июля, когда два китайских разведывательных самолета вторглись в воздушное пространство республики в провинциях Куангбинь и Каоланг, углубившись соответственно на 25 и 30 километров от границы. В том же месяце китайские пограничники и полицейские восемь раз нарушали государственную границу СРВ. В августе таких нарушений насчитывалось уже двадцать четыре, а в сентябре — сорок семь.

В октябре количество налетов и других бандитских актов продолжало расти. Вот только некоторые из них:

1—5 октября. Регулярные нарушения воздушного пространства СРВ китайскими самолетами-разведчиками. Количество налетов в форме вооруженных сил и полиции Китая за шесть дней составило тысячу человек.

13 октября. Три вьетнамских пограничника попали в капканы, установленные на вьетнамской территории китайцами, двое пограничников убиты, один силой уведен в Китай.

19 октября. Артиллерийский обстрел целого ряда населенных пунктов в уезде Ванланг провинции Лангшон.

20 октября. Двести китайских вооруженных солдат вторглись на вьетнамскую территорию и разрушили пограничные сооружения.

21 октября. Вьетнамский пограничник избит китайскими солдатами, которые использовали при этом камни и палки. Ему нанесены тяжелые телесные повреждения (община Тханьлоа, уезд Каолок, провинция Каоланг).

29 октября. Несколько десятков вооруженных китайцев углубились на вьетнамскую территорию в уезде Ванланг (провинция Лангшон) с целью установить там мины.

31 октября. Двадцать китайских полицейских разрушили на вьетнамской территории крестьянские постройки.

Первого ноября произошел наиболее серьезный инцидент. Сто китайских солдат атаковали подразделение народной полиции СРВ в районе холма Чунгму (провинция Каоланг). Не желая доводить дело до кровопролития, вьетнамцы отступили. Однако китайцы продолжали стрельбу, ранив нескольких полицейских. Тогда в целях самозащиты был открыт ответный огонь. Налетчики поспешно ретировались. Шестеро нарушителей понесли заслуженное наказание, оставшихся лежать на чужой земле.

В конце прошлого и начале нынешнего годов Пекин продолжал нагнетать напряженность на границе. На китайской территории шли военные приготовления: подтягивались войска, танковые части, артиллерия. И на рассвете семнадцатого февраля началась прямая вооруженная агрессия против суверенного социалистического государства. После массированного артиллерийского обстрела еще спящих вьетнамских городов и деревень китайские танки и пехотные части начали наступление на всем протяжении вьетнамо-китайской границы. Поначалу им удалось продвинуться на несколько километров в глубь вьетнамской территории, поскольку агрессорам противостояли небольшие силы, состоявшие из местных войск, отрядов народного ополчения, народной полиции, пограничников. Демонстрируя свое миролюбие, Вьетнам не вводил в пограничные районы регулярные войска, несмотря на милитаристскую лихорадку по ту сторону границы. Интервенты захватили провинциальные центры Лаокэй и Каоланг, а позже город Лангшон. Но затем наступление китайских войск было остановлено. Ополченцы и бойцы местных вооруженных сил дали достойный отпор врагу.

В те первые дни, когда начиналась агрессия, мне довелось побывать в районе боевых действий в провинции Лангшон, встречаться с бойцами, вернувшимися с передовой, слышать рассказы о героизме и мужестве защитников родины. «Западнее города Донгданга», — рассказывал мне командующий провинциальными войсками старший полковник Ле Шон, — почти целая рота китайцев трижды наступала на позиции наших ополченцев. Их сдерживали тридцать четыре человека, в том числе двадцать шесть девушек. Мы опасались, что в этом месте оборона будет прорвана, но наши продержались до подхода подкрепления».

Вторгшись на чужую территорию, китайские оккупанты начали проводить тактику выжженной земли, уничтожая деревни, посевы риса на полях, разрушая захваченные города. Специальные команды шли следом за войсками, чтобы собрать и вывезти в Китай оборудование предприятий, личное имущество граждан. Они угоняли буйволы, увозили на грузовиках тех мужчин и женщин, которых не убили зверствующие китайские солдаты.

Не добившись своей авантюрой ни военных, ни политических целей, Пекин заявил о том, что выводит войска с вьетнамской территории. Однако последующие события показали, что это не более чем очередная уловка китайских руководителей, намеревавшихся остановить, ослабить мощную волну солидарности с Вьетнамом, поднявшуюся во

всем мире. Агрессоры ушли лишь из города Лангшона, продолжая тем не менее обстреливать его тяжелой артиллерией. Китайскими снарядами были уничтожены здания железнодорожной станции, поликлиника, все школы, в том числе и школа, построенная недавно на средства ООН. В руины превратился комплекс детских яслей и садов, сооруженный в самом центре Лангшона также на средства ООН и торжественно открытый в январе по случаю Международного года ребенка. В городке Фолу провинции Лаокэй китайские захватчики разграбили все имущество местных граждан, сожгли мебель на огромных кострах, перестреляли весь скот. Уходя из Фолу, оккупанты не оставили в целости ни одного дома. А в провинции Хатуйен они не отошли, напротив — продвинулись вперед на пять километров сразу же после заявления о так называемом «выводе» войск.

Одновременно Китай начал «осваивать» приграничную вьетнамскую территорию. Туда было переправлено большое количество хуацяо, в свое время покинувших Вьетнам и ставших китайскими гражданами. Теперь Пекин решил «выделить» им не принадлежащую Китаю территорию.

Когда в августе 1965 года Мао Цзэдун говорил на заседании Политбюро ЦК КПК о необходимости «залополнить» Юго-Восточную Азию, он не назвал среди стран, которые должны были войти в состав Поднебесной нового образца, Северный Вьетнам (в то время ДРВ). Мао говорил только о Южном Вьетнаме. Надо полагать, что «великий кормчий» сделал это сознательно. Ведь в 1965 году США начали расширять воздушную войну против Северного Вьетнама. Мао считал, что ослабленному и истощенному бомбардировками соседу некуда будет деваться — он автоматически станет зависимым от Китая. Но скоро в Пекине поняли, что нельзя рассчитывать только на американские бомбы: героический Вьетнам давал решительный отпор агрессорам. Вот тогда-то у китайских руководителей и стали появляться свои собственные идеи в отношении ДРВ («На яблочко дави, на яблочко!»).

В последние годы китайские руководители решили наглядно продемонстрировать американским «ястребам», как нужно душить Вьетнам, как «давить на яблочко». Пекин пытается сделать то, что не удалось американской военщине: помешать мирному строительству во Вьетнаме, поставить его на колени, ликвидировать важный форпост социализма в Юго-Восточной Азии.

«Своим беспрепятственно наглым разбойничьим нападением на соседнюю небольшую страну — социалистический Вьетнам — нынешние пекинские правители окончательно раскрыли перед всем миром коварную, агрессивную сущность проводимой ими великодержавной, гегемонистской политики», — сказал, выступая на предвыборном собрании трудящихся Бауманского избирательного округа Москвы, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. — Теперь все видят, что именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире».

Товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «И сегодня, в этот трудный для вьетнамского народа час, мы целиком и полностью солидарны с ним. И ни у кого не должно быть сомнений: Договору о дружбе и сотрудничестве, связывающему наши страны, Советский Союз верен».

История уже доказала обреченность планов пекинских экспансионистов. Их вьетнамская авантюра позорно провалилась. Провалилась благодаря мужеству героического народа СРВ и широкой интернациональной поддержке его справедливой борьбы народами всей планеты.

Когда они приблизились к унылому ряду уродливых зданий в форме огромных бутылей — то были сталеплавильные заводы Кроксли, — их длинную извилистую ленту пересекла другая, еще более длинная лента; она, клубясь и извиваясь, потянулась мимо них. Большая дорога, с которой сливалась их собственная, была сплошь забита бурным потоком спешащих двуколок чугунолитейщиков. Армия Уилсона остановилась, ожидая, когда они проедут. В зависимости от настроения чугунолитейщики, проносясь мимо болельщиков противной стороны, или выкрикивали приветствия, или глухо ворчали. Шутки, словно чугунные гайки или куски антрацита, летели туда и обратно. «Ха, да ему молочка из соски, а не драться!», «Эй, а вы захватили гроб, чтобы отвезти его обратно?», «Куда вы подевали своего калеку?», «Эй, паренек, сфотографироваться не забудь, а то потом не на что будет взглянуть!», «И этот докторишка будет драться?!», «Подождите, вот подлечит вашего калеку и сразу станет настоящим доктором».

Так чугунолитейщики и шахтеры обменивались шутками, пока одна сторона стояла в ожидании, а другая, словно весенний поток, катила мимо. Вдруг по толпе пронесся взволнованный ропот, переросший в восторженный крик, и большая, вместительная коляска, запряженная четверней, вся увитая алыми, развевающимися лентами, с грохотом пролетела мимо. Впереди, в белой шляпе с алой розеткой, сидел кучер, а за ним, на высоком сиденье, расположились мужчина с женщиной, обнявшей его за талию. Монтгомери мельком взгля-

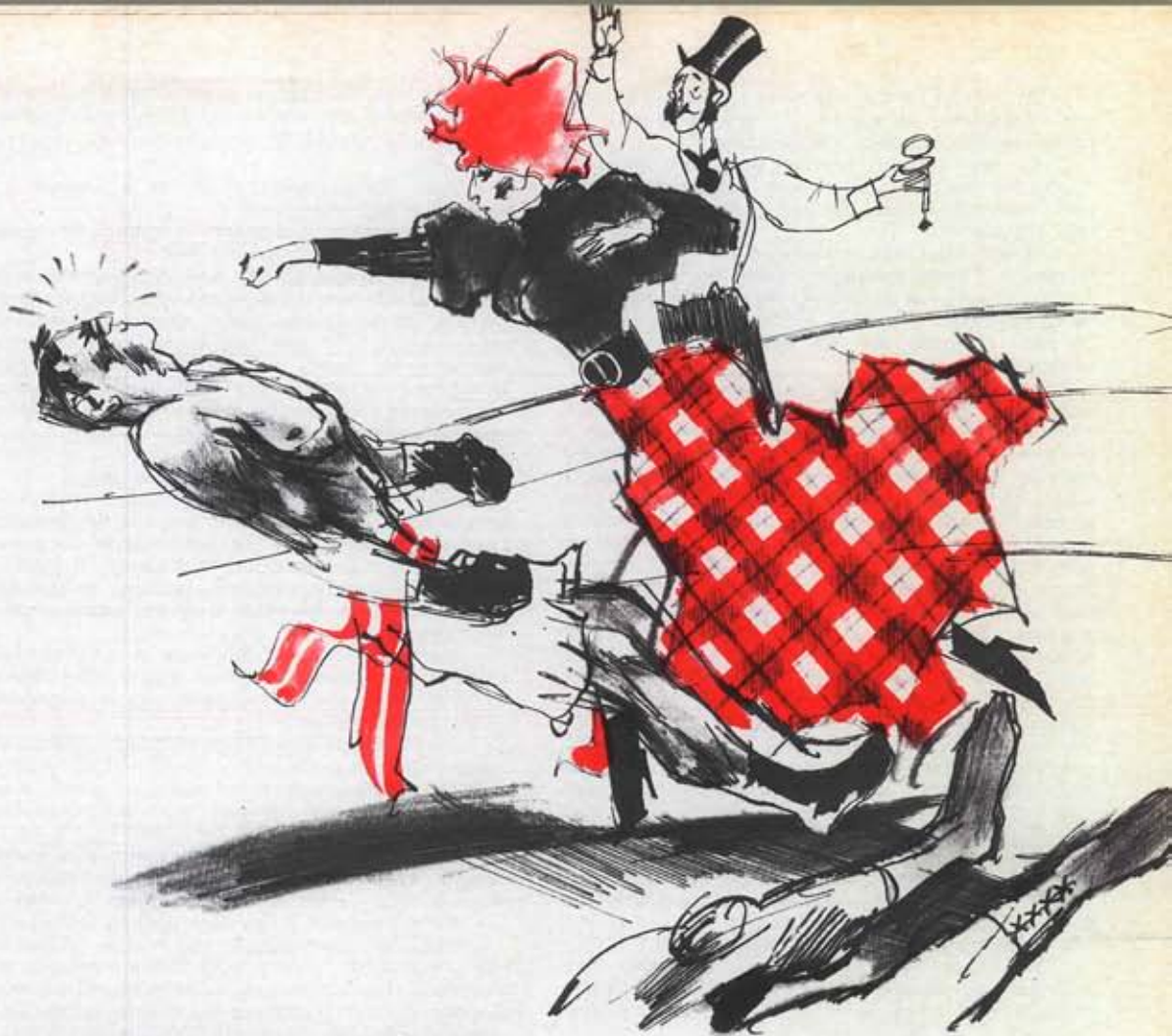

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ

РАССКАЗ

Перевод с английского
Зои ЕРМОЛАЕВОЙ
и Николая КОЛПАКОВА

МАСТЕР ИЗ КРОКСЛИ

нул на коляску и успел разглядеть, что мужчина был в меховой шапке, низко надвинутой на глаза, в толстом фризоме пальто с алым шарфом на шее, а женщина рыжеволосая и ярко накрашенная. Она возбужденно смеялась.

Мастер — это был он, — проезжая, обернулся и, внимательно оглядев Монтгомери, угрожающе усмехнулся, показав неровный ряд зубов. У него было грубое, скуластое лицо с отвислыми щеками и злыми глазами. Их многоместный экипаж был битком набит спортивными меценатами. Тут были и гордые горновые мастера, и начальники цехов, и управляющие заводов. Один из них тянул из большой металлической фляжки и, проезжая мимо Монтгомери, поднял ее в знак приветствия. Наконец дорога очистилась, и армия Уилсона со своей кавалерией двинулась дальше.

Дорога свернула в сторону от Кроксли и, извиваясь, пошла вдаль, среди зеленых холмов, сплошь израненных алчными искателями угля и железа. Вся прилегающая местность была выпотрошена и опустошена, а огромные отвалы пустой породы и горы шлака говорили о тех огромных пещерах, которые своим трудом вырыл под землей человек. Вскоре дорога повернула налево, туда, где виднелось заброшенное здание внушительных размеров, потрескавшееся и обвалившееся, без крыши и дверей, с пустыми квадратами окон.

— Это старая фабрика Эрроусмита. Матч состоится там, — сказал Уилсон. — Ну, как самочувствие?

— Благодарю вас, сэр. Лучше, чем когда-либо, — ответил Монтгомери.

— Эй-богу, мне нравится ваша выдержка! — заметил Уилсон. Сам он чувствовал себя неважно. — Во всяком случае, вы покажете нам за наши деньги настоящий бокс, а там будь что будет. Вон видите ту пристройку? Это контора, ее отвели под раздевалку.

Экипаж подъехал к зданию под шумные крики столпившихся на склоне холма людей. Ряды пустых колясок и двуколок растянулись вплоть до самого поворота, а черная людская масса, глухо ворча, осаждала разрушенную фабрику. Как сообщалось в огромной афише, входные билеты стоили один, три и пять шиллингов, а за собак взималось полцены. Вся выручка, за исключением накладных расходов, шла победителю, и уже сейчас было ясно, что приз в настоящем бою намного превышает обусловленную сотню фунтов. У входа в здание стоял страшный галдеж. Рабочим хотелось ввести своих собак бесплатно. Администрация была против. Люди ругались, собаки лаяли. Толпа напоминала собой мутный горный поток, который, кружась и пенясь, с шумом медленно уходил сквозь узкую расщелину.

Перед конторой стоял уже пустой, изукрашенный алыми лентами экипаж с четверкой дымящихся лошадей. Уилсон, Пэрвис, Фоссет и Монтгомери также сошли с экипажа и прошли внутрь.

Контора оказалась большой пустой комнатой с квадратными светлыми пятнами на почерневших стенах — там, где некогда висели картины и календари. Старый, истертый линолеум покрывал пол. Кроме нескольких скамеек и огромного стола со стоявшими на нем кувшином и тазом, никакой другой мебели здесь не было. В центре комнаты стояли большие весы. К вновь вошедшим торопливо подошел непомерно толстый мужчина в синем жилете и алом галстучке в мелкий цветочек. Это был Эрмтейдж — мясник и скотовод, известный на много миль вокруг как один из самых зажиточных людей и наиболее рьяных покровителей спорта в Райдинге.

— Отлично, отлично, — говорил он густым хриловатым басом. — Наконец-то вы приехали. Ну, а где же ваш боксер? Давайте его сюда.

— Вот он, в целостности и сохранности. Мистер Монтгомери, позвольте представить вас господину Эрмтейджу.

— Рад вас видеть, сэр. Счастлив познакомиться с вами. Мистер Монтгомери, осмелюсь вам сказать, мы в Кроксли восхищены вашей храбростью, и единственное наше желание — это посмотреть настоящий бокс, без всякого пристрастия к кому-либо. Пусть победит сильнейший — таково наше мнение.

— Вполне с вами согласен, — ответил помощник доктора Олдакра.

— Прекрасно, вы ответили так, как надо. Мистер Монтгомери, вы взяли на себя большое обязательство, но любое обязательство — большое или малое — всегда должно быть выполнено, это вам подтвердит всякий, кто имел со мной дело. Крегз, готовься к взвешиванию.

— Я тоже?

— Да, но нужно вначале раздеться.

Монтгомери вопросительно глянул на стоявшую у окна и смотревшую на улицу рослую рыжеволосую женщину.

— Не волнуйтесь, сэр, — заметил Уилсон. — Идите за занавеску и там переоденьтесь в спортивную форму.

Роберт скрылся за занавеску, и через некоторое время из-за нее вышла воплощенная молодость. Одетый в белые свободные трусы, парусиновые тапочки, перетянутый в талии поясом цветов известного крикетного клуба, Монтгомери был изящен и натренирован в самую меру: кожа его сияла, словно шелк, а на широких плечах и красивых руках виднелся каждый мускул. Мускулы так и играли, когда он поднимал или опускал руки; они вязались в узлы и шары, твердые, как слонобая кость, или свивались в длинные жгуты.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросил Бартон, его секундант, стоявшую у окна женщину. Та презрительно оглядела юного атлета.

— Да, удружил же ты этому молодому человеку. Выставил вместо себя этакую дохлятину против настоящего мужчины. Да мой Джек одной рукой с ним справится!

— Может быть, так, а может, и нет, — усмехнулся Бартон. — У меня, например, было два фунта стерлингов, и я их все до последнего пенса поставил на этого паренка и ничуть не жалею. А вот и сам Мастер. Здорово же он выглядит, ничего не скажешь.

Из-за другой занавески вышел, слегка прихрамывая на сломанную ногу, боксер-профессионал, коренастый, огромный, с чудовищной грудью и руками. Но кожа его не выглядела столь свежей и чистой, как у Монтгомери; она была смуглой, в каких-то непонятных бурых пятнах, с большой родинкой посреди густой поросли черных курчавых волос, покрывавших его широкую грудь. По его весу нельзя было судить о его силе, ибо эти могучие плечи и огромные руки с тяжелыми, словно кузнечные молоты, кулаками оказались бы под стать любому тяжеловесу. Однако бедра и ноги были непропорционально слабы. Монтгомери же был сложен, как греческий бог. По всему было видно: предстоит схватка между человеком, годившимся только для одного вида спорта, и другим, который мог бы заниматься любым видом. Они с любопытством оглядели друг друга. Бульдог и чистокровный поджарый терьер — оба были полны отваги и желания победить.

— Здравствуй!

— Здравствуй. — Мастер снова усмехнулся, показав на мгновение три обломанных передних зуба — остальные были выбиты за двадцать лет боев. — Хороший денек для боя?

— Отличный, — согласился Монтгомери.

— Вот это мне нравится, вот это по-людски! — прохрипел тяжелый мясник. — Ребята первый сорт! Какое мясо, какие кости! А главное, чтоб все у нас было честно по чести.

— Если он скovyрнет меня, благослови его бог.

— А если мы скovyрнем его, помоги ему бог, — вмешалась в разговор женщина.

— Прикуси свой язык! — раздраженно рявкнул на нее Мастер. — Тебя кто просил встречать?! Вот опробуешь моих тумачко, будешь знать.

Но женщина не обратила внимания на его угрозу.

— Э-э, на сегодня твоим кулакам и без меня хватит работы, — заметила она. — Сперва вот разделайся с этим, а там можешь и за меня приняться.

«Любовную» перебранку прервал вошедший в контору джентльмен в пальто с меховым воротником и таком блестящем цилиндре, какой можно встретить только в радиусе, не превышающем десяти миль от Лондонского Гайд-парка. Цилиндр был небрежно сдвинут прямо на затылок, так что нижняя сторона поля служила как бы рамкой для его высокого и зализанными лба, пронзительно смотрящих глаз и лица, имевшего несколько резкие, но тем не менее приятные черты. Он вошел с такой торжественной важностью, с какой обычно выходят на арену распорядители цирка.

— Знакомьтесь, это мистер Стэплтон, рефери из Лондона, — сказал Уилсон. — Как ваше самочувствие, мистер Стэплтон? Я был представлен вам в Коринфском клубе, на Пикадилли, когда там происходило одно крупное состязание, помните?

— Э-э, милостивый государь, позвольте вам заметить, — сказал вошедший, пожимая руки, — меня со столькими людьми знакомят, что я просто не в силах запомнить всех. Кажется, Уилсон, так? Ну что же, мистер Уилсон, рад видеть вас, не мог найти извозчика на станции, поэтому запоздал.

— Мистер Стэплтон, мы гордимся, что такой известный в спортивных кругах человек приехал на наше маленькое состязание, — заявил Эрмитаидж.

— А, пустяки, ради бокса я готов на все. Ну как, все готово? Боксеров взвесили?

— Сейчас взвесим, сэр.

— Отлично. Тогда я сам займусь этим. Не первый раз вас вижу, Крэгз. Помню вашу вторую встречу с Виллоком... Вам удалось побить его раз, но тут он сумел поквитаться с вами. Так сколько там на весах? Сто шестьдесят три фунта, долой два на спортивный костюм, итого: сто шестьдесят один фунт. Так, теперь, мой мальчик, ваш черед. Бог ты мой, что это за спортивные цвета на вас?

— Анонимного крикетного клуба.

— По какому праву вы их носите? Я член этого клуба.

— Я тоже.

— Вы любитель?

— Да, сэр.

— И вы выступаете на этом состязании за деньги?

— Да.

— Надеюсь, вы отдаете отчет в своих действиях? Вы понимаете, что отныне вы становитесь профессиональным боксером и что если вы еще раз выступите...

— Этого не случится, я дерусь в первый и в последний раз.

— Наверняка в последний, — вставила женщина.

Мастер свирепо глянул на нее.

— Ну что ж, вам виднее. А ну, вставайте на весы. Сто пятьдесят один минус два — сто сорок девять фунтов, но молодость плюс здоровье тоже что-нибудь весит... Ну, чем скорее начнем, тем лучше: мне хочется успеть на семичасовой экспресс в Хелефильд. Условия такие: двадцать раундов по три минуты с минутными перерывами, бой идет по квинсберийским правилам, так?

— Да, сэр.

— Прекрасно, тогда приступим к делу.

Боксеры накинудли на плечи пальто, и все организаторы встречи, секунданты и рефери направились в зал. Но едва они вышли из раздевалки, как дорогу им преградил полицейский инспектор. В руках у него была записная книжка — одно из тех грозных орудий, которые приводят в трепет даже лондонских извозчиков.

— Минутку, господа. Дайте-ка я запишу ваши фамилии на всякий случай: вдруг потребуются кого-нибудь из вас притянуть к суду за нарушение общественного порядка.

— Уж не хотите ли вы запретить бой? — вскричал Эрмитаидж в порыве негодования. — Я мистер Эрмитаидж из Кроксли, а это мистер Уилсон, и мы ругаемся, что все пройдет без эмоциональных перегрузок.

— Мне нужно записать ваши фамилии на всякий случай: вдруг кого-нибудь из вас придется привлечь к суду, — невозмутимо повторил инспектор.

— Но вы же нас и без того прекрасно знаете!

— Будь вы сам дьявол или судья, последнее хуже, все равно... закон есть закон, — ответил инспектор. — Я не могу взять на себя ответственность запретить бой, раз драться будут в перчатках, но я запишу всех лиц, к этому причастных. Сайлос Крэгз, Роберт Монтгомери, Джеймс Стэплтон из Лондона, Тэд Бартон. Кто секундант Сайлоса Крэгза?

— Я, — ответила женщина. — Глазуйте сколько влезет, но секундантом буду я, и никто больше. Имя — Анастасия...

— Крэгз?

— Нет, Джонсон. Анастасия Джонсон. Если вы его посадите, то и меня сажают.

— Ну что ты, дура, городишь! Кто говорит об аресте? — зарычал на нее Мастер. — Мистер Эрмитаидж, пойдете отсюда, а то мне вся эта волынка уже обрыдла.

Полицейский инспектор присоединился к процессии, и пока они пробирались на помост, он, как официальное лицо — представитель власти на месте, — выговорил себе у Эрмитаиджа бесплатное местечко в первом ряду, чтобы оттуда следить за порядком, а затем уже как частное лицо у того же Эрмитаиджа поставил на Мастера тридцать шиллингов по ставке семь к одному. Войдя в здание, все двинулись по узкому проходу, оставшемуся среди монолита волнующейся толпы, к деревянной лестнице, ведущей на помост, поднялись наверх и перешагнули через канаты, подвешенные на высоте пояса на четырех угловых стойках. И тут Монтгомери понял, что он находится на том самом ринге, где будет решаться его дальнейшая судьба.

На одной из угловых стоек развевался белоголубой стяг, и Бартон провел его в этот угол и посадил на стул, а сам вместе со своим помощником — оба в белых свитерах — встал рядом.

Так называемый ринг представлял собой квадратную площадку размером двадцать на двадцать футов. В противоположном от Роберта углу виднелась мрачная фигура Мастера, рядом с ним его рыжая подруга и еще один малый с туповатым лицом — секунданты. Возле каждого боксера стояли таз и кувшин с водой, лежали губки.

Вначале Монтгомери был настолько сбит с толку ревом и криками зрителей, что решительно не мог понять что к чему. Однако пока длилась заминка, происшедшая по вине рефери, вдруг куда-то пропавшего, Монтгомери огляделся по сторонам. Взору его представилась интереснейшая картина, она запомнилась ему на всю жизнь. Длинные ряды деревянных скамеек круто уходили вверх под самый купол, вместо которого виднелся серый квадрат неба. Большой зал до самого верха был сплошь забит людьми в различных одеяниях: на передних скамейках преобладало тонкое английское сукно, на задних — вельвет и бумазая. Лица всех сидящих были обращены на Роберта.

Там и сям среди зрителей виднелись собаки, скулявшие и рычавшие. В такой плотной массе людей вряд ли кому удалось бы различить отдель-

ные лица, поэтому единственное, что увидел Монтгомери, — это мерцающий блеск медных касок, удерживаемых на коленях десятью кавалеристами из его почетного эскорта. У помоста расположились репортеры, пять человек, трое из местных газет, а двое из самого Лондона. Но куда исчез главный персонаж предстоящего зрелища — рефери? Уж не попал ли он в тот шумный людской водоворот — у входа?

Мистер Стэплтон отстал от остальных участников, чтобы осмотреть кожаные перчатки, в которых предстояло драться боксерам, поэтому вошел в здание позже всех. Он двинулся было по узенькому, бессильно петлявшему среди плотной массы народа коридорчику, который вел на ринг, но толпа разъяренных людей преградила ему дорогу. Только что перед этим повсюду разносилось, что боксер от уилсонских угловых копей — джентльмен и что другой джентльмен назначен судьей. Волна подозрения прокатилась среди обитателей Кроксли. Им хотелось, чтобы рефери был свой парень, а тут, на тебе, совершенно посторонний, и Стэплтону отрезали путь, как только он ступил на порог. Возбужденная толпа окружила его: люди размахивали кулаками над его головой и проклинали его. «Катись назад в свой Лондон! Тут и без тебя обойдутся! Пошел вон!» — несло со всех сторон.

Стэплтон в запрокинутом на самый затылок блестящем цилиндре глянул вокруг себя из-под нависших бровей и понял, что находится в самом центре рассвирепевшей, угрожающей толпы. Тогда он вытаскил из кармана золотые часы, положил их на ладонь и спокойно заявил:

— Еще три минуты — и я отменю матч.

Толпа вокруг него так и звывала. Его хладнокровный вид и вызывающе сдвинутый на затылок цилиндр прямо выводили людей из себя. Тяжелые кулаки угрожающе поднялись, но... очень трудно ударить человека, который не обращает на вас никакого внимания.

— Еще две минуты — и я отменю матч.

Толпа разразилась свирепой бранью. Горьчее дыхание разъяренных людей обожгло ему лицо.

— Сказано тебе, проваливай! Убирайся туда, откуда пришел!

— Еще одна минута — и я отменю матч.

И хладнокровие одного победило бурную, но нерешительную толпу. Вокруг послышалось: «Эй ты, пропусти его, а то и в самом деле отменит матч!», «Пропустите его, пусть идет!», «Дорогу рефери! Дорогу джентльмену из Лондона!»...

Стэплтон — его подталкивали сзади и чуть не на руках несли — добрался до ринга, где уже стояли два стула, один для него, а другой для его помощника-хронометриста. Он уселся на стул, руки положил на колени, цилиндр его съехал еще дальше на затылок, и сидел так — невозмутимый и важный, всем своим видом показывая, что он отчетливо осознает всю возложенную на него ответственность.

На помост взошел мясник Эрмитаидж, представительный, осанистый, и поднял толстые, усыпанные перстнями руки, призывая к молчанию.

— Джентльмены! — начал было он громко, но осекся и повторил чуть тише: — Джентльмены!

— И леди! — выкрикнул кто-то из публики, ибо в самом деле в числе зрителей виднелось много женщин.

— Эй, приятель, погромче! — закричал следующий.

— Эй, дядя, почему нынче свиные отбивные? — проревел третий.

Раздался общий хохот, собаки подняли лай. Эрмитаидж принялся взмахивать руками, словно дирижируя этим огромным хором. Наконец начавшееся вавилонское столпотворение постепенно утихло, мирилось, и наступило всеобщее молчание.

— Джентльмены! — прокричал Эрмитаидж. — Сейчас состоится встреча между Сайлосом Крэгзом, которого мы все зовем Мастером из Кроксли, и Робертом Монтгомери с Уилсонских каменноугольных копей. Матч будет происходить между боксерами среднего веса, то есть боксерами, чей вес не должен превышать одиннадцати стоунов восьми фунтов. При взвешивании оказалось: Крэгз весит одиннадцать стоунов семь фунтов, Монтгомери — десять стоунов девять фунтов. Условия матча: двадцать раундов, каждый раунд по три минуты, перчатки двухунцевые. В случае, если бой продлится до конца, победа присуждается по очкам. Матч любезно согласился судить известный лондонский рефери мистер Стэплтон. Мистер Уилсон и я — финансовые организаторы состязания — полностью доверяем мистеру Стэплтону и просим вас также принимать его решения без возражений.

Произнеся эту тираду, мистер Эрмитаидж обернулся к обоим боксерам.

— Монтгомери!.. Крэгз!.. — сказал он.

Вокруг воцарилась гробовая тишина. Даже собаки и те перестали лаять. Зал словно вымер. Оба

боксер встали, поправили надетые на руки кожаные перчатки, выступили на середину арены и пожали друг другу руки: Монтгомери серьезно, Крэгз с ухмылкой. Затем они заняли боевую позицию. Толпа глубоко вздохнула, и по залу словно подул ветер. Стэйплтон откинулся назад на своем стуле и критически оглядел боксеров.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: предстоит бой силы против ловкости. Колченогий Мастер невозмутимо возвышался на своей изуродованной ноге, словно на гранитном постаменте. Глядя на него, даже представить было трудно, что кому-то удастся свергнуть этого колосса. На покалеченной ноге он мог вращаться с неимоверной быстротой, хотя перемещаться вперед или назад ему было гораздо трудней. Мастер по сравнению с Монтгомери казался огромным и массивным, а его загорелое, грубое лицо выглядело таким свирепым и решительным, что сердца сторонников Уилсона упали. В этот час только один человек не пал духом. Это был Роберт Монтгомери.

Всякое волнение, которое он испытывал раньше, исчезло, как только он ясно увидел стоящую перед ним цель. Теперь она приняла вполне осязаемые формы — надо побить вот этого хромого Геркулеса со свирепым лицом, а в награду получить диплом врача. Он весь сиял, ощущая радость предстоящей битвы, чувство уверенности и силы охватило его, глаза загорелись. Он начал подходить к своему противнику маленькими шагами, шаг вперед — шаг назад, лавируя то вправо, то влево, тогда как Крэгз с угрюмым и злобным выражением лица медленно поворачивался на покалеченной ноге, слегка выставив левую руку и низко опустив правую. Монтгомери начал бой левой — ударил раз, потом другой. Он бил несильно и каждый раз попадал в цель. Попробовал в третий, но Мастер отразил встречным ударом, и Монтгомери отскочил назад, не выдержав мощной контратаки. Анастасия, секундант Крэгза, издала прозвительный вопль в знак одобрения. Мастер ударил правой, но Монтгомери нырнул ему под руки и вошел в клинч.

— Брек! Брек! — закричал рефери.

Мастер ударил Роберта снизу вверх и чуть не сшиб с ног. Затем послышалось: «Время!» — и первый раунд закончился.

Начало было хорошее. Зрители шумели и аплодировали. Монтгомери ничуть не устал, тогда как волосатая грудь Мастера тяжело вздымалась и опускалась. Секундант выжал ему на голову мокрую губку, а Анастасия принялась обмахивать полотенцем.

— Славная бабенка! Славная! — кричали зрители, одобряя ее действия.

Начался второй раунд. Мастер настороженно выжидал: Монтгомери вертелся вокруг него, словно веселый котенок. Внезапно Мастер ринулся к нему, заковыляв с такой быстротой, которой никто от него не ожидал. Роберт, отскочив в сторону, увернулся от удара. Мастер приостановился и, зловеще усмехнувшись, покачал головой. Затем он сделал знак рукой, как бы приглашая Монтгомери подойти поближе. Роберт придвинулся, ударил левой, но получил взамен свинг прямо по ребрам. Этот тяжелый удар на мгновение ошеломил его, Мастер ринулся к нему, чтобы нанести решительный удар, но верткий Монтгомери сумел уклониться и продержаться до конца раунда.

Раунд прошел вяло, при явном преимуществе Крэгза.

— Да, Мастер слишком для него силен, — сказал один из литейщиков своему соседу.

— Это верно, но и тот ничего, ладный паренек. Он еще покажет себя. Видал, как он прыгает здорово?

— Но все-таки Мастер намного сильнее, да и бьет страшно. Вот увидишь, тот у него еще попрыгает, когда он до него доберется.

Началась новая схватка. Лица боксеров блестели от пота. Монтгомери нанес молниеносный удар правой — его кулак гулко ударил Мастера в бровь. Раздался единодушный рев со стороны шахтеров и громкое: «Молчать! К порядку!» — со стороны рефери. Монтгомери ушел от встречного удара и заработал еще одно очко ударом левой. Публика вновь зааплодировала, а рефери, возмущенно приднявшись, сказал:

— Прошу не шуметь во время боя, джентльмены.

— Так, проучите их немного! Проучите! — зарычал Мастер.

— Прикусите язык. Бой! — оборвал его рефери.

Монтгомери подкрепил слова судьи ударом в зубы, и Крэгз, закончив этот неудачный для него раунд, словно рассвирепевший медведь, тяжело заковылял в свой угол.

— Кто хочет поставить семь к одному? — закричал трактирщик Пэрвис. — Шесть к одному?..

Но желающих не нашлось.

— Пять к одному?..

На это предложение откликнулось несколько

человек, и Пэрвис занес их в свою засаленную записную книжку.

Монтгомери пребывал в блаженном состоянии покоя. Он отдыхал в своем углу, вытянув ноги и опираясь спиной об угловую стойку; широко раскинул руки, положив их на канаты. Ах, как приятны эти минуты между раундами! Он чувствовал, что победит, не надо только увлекаться и подставлять себя под удар, ибо противник его наверняка выдохнется еще задолго до конца матча. Мастер настолько медлителен, что вся его сила уходит впустую.

— Хорошо дерешься, молодец! — прошептал Тэд Бартон Роберту. — Будь только осторожен и внимателен, не подставляй себя — и он твой.

Но Мастер был хитер. Он провел столько боев, уже будучи хромым, что знал, как выжать из своей покалеченной конечности все возможное. Осторожно и медленно он кружил около Монтгомери, наступая и наступая. Шаг и еще шаг — до тех пор, пока незаметно не загнал его в угол. Роберт вдруг увидел, как угрюмое лицо противника вспыхнуло торжеством. Мастер накинулся на него, Монтгомери отскочил в сторону... и попал прямо на канат. Мастер что есть силы обрушил на него один из своих страшных апперкотов правой, Монтгомери согнулся под тяжестью удара и наполовину раскрылся. Он отпрыгнул в другую сторону и опять налетел на канат. Мастер загнал его в ловушку. Он собрался нанести еще один удар правой со зверским криканьем, свидетельствующим о страшной силе. Монтгомери сумел увернуться, получив взамен сокрушительный удар левой. Тогда он вошел в клинч.

— Брек! Брек! — закричал рефери.

Выходя из клинча, Монтгомери получил жестокий боковой удар по уху. Это был тяжелый для него раунд, и литейщики оглушительным ревом выражали свое одобрение Мастеру.

— Господе, я этого не потерплю! — прогремел Стэйплтон. — Я привык председательствовать в приличных клубах, а не в зверинце.

Этот маленький человек в цилиндре набекрень и с большим выпуклым лбом один властвовал над всей огромной толпой, словно учитель над своими учениками.

Когда Мастер вернулся к себе в угол и уселся на подставленный стул, Анастасия расцеловала его.

— Славная бабенка! Ну-ка, еще разок! — закричали, смеясь, из публики, и Мастер погрозил им кулаком.

Монтгомери испытывал усталость и боль, но бодрость не покидала его. Он кое-чему научился, теперь его уже не заманишь в подобную ловушку.

В течение трех следующих раундов шансы были равны. Монтгомери наносил удары чаще, Мастер — сильнее. Усвоив полученный урок, Роберт старался держаться открытых мест, не давая зажать себя в угол. Иногда Мастеру удавалось прижать его к боковым канатам, но юноша тут же увертывался в сторону или же входил в клинч, выходя из него только на середине ринга. В этих случаях монотонный крик рефери: «Брек! Брек!» — прерывал частый, глухой топот резиновых тапочек, гулкие удары и резкое, свистящее дыхание двух усталых мужчин.

К девятому раунду оба боксера находились в довольно сносном состоянии. Правда, голова Монтгомери все еще гудела от полученного в углу удара, а большой палец на левой руке причинял острую боль — он был, видимо, вывихнут. Мастер особых признаков усталости не проявлял, однако его дыхание было судейским затрудненным, а длинная цепь очков на судейском листке была явно не в его пользу. Но один удар литейщика стоил трех ударов помощника доктора, и юноша понимал, что без перчаток он не выдержал бы и трех раундов. Те удары любителя, которые он наносил, представляли собой лишь щелчки по сравнению со страшными ударами, которые наносились руками, заглубившими за время долгой работы с лопатой и аншпугом.

Шел десятый раунд. Половина матча. Ставки уже делались только три к одному, ибо боксер с Уилсонских каменноугольных копей превзошел все ожидания. Однако те, кто знал мастерство, хитрость и изворотливость старого профессионального боксера, понимали, что преимущество все еще на стороне Мастера.

— Берегись! — прошептал Бартон, посылая Монтгомери на бой. — Берегись! Он еще сыграет с тобой шутку, смотри.

Но Монтгомери увидел, а может, это ему показалось, что противник совсем выдохся. Он выглядел таким усталым и апатичным, что даже руки у него повисли. Наконец-то начинают сказываться его преимущества: молодость и здоровье, решил Роберт. Он одним прыжком покрыл расстояние, отделявшее его от противника, и нанес великолепный удар левой. Ответному удару Мастера явно не хватало свойственной ему силы. Монтгомери снова нанес удар и снова попал в цель. Затем он попытал-

ся ударить с правой, но Мастер отвел его ударом вниз.

— Слишком низко! Слишком низко! Нечестно! Нечестно! — закричали тысячи голосов.

Рефери медленно обвел толпу насмешливым взглядом.

— Сдается мне, что в этом зале полно судей, — сказал он.

Зрители рассмеялись и зааплодировали, но их восхищение также не подействовало на судью, как и их гнев.

— Пожалуйста, без аплодисментов, — сказал он, — здесь не театр.

Монтгомери был страшно доволен собой. Совершенно очевидно, положение у его противника отчаянное, он уже обставил его по очкам и прочно идет впереди. Надо ковать железо, пока горячо. У Мастера был совершенно растерянный вид. Монтгомери двинул ему еще разок в сизую скулу и отскочил назад, не получив ответного удара. И тут вдруг Мастер опустил обе руки и принялся растирать ногу выше колена. А-а! Вот оно что! У него судорога!

— Давай! Жми! — неистово вскричал Тэд Бартон.

Монтгомери бешено рванулся вперед и в следующее мгновение лежал посреди ринга в полубоюмочном состоянии с едва не сломанной шеей.

Судорога была лишь хорошо задуманной маскировкой с целью усыпить бдительность противника и заманить его на один из тех страшных апперкотов, которыми прославился Мастер. Вот для чего нужна была видимость усталости и апатии. Чересчур рьяно ринувшись в атаку, Монтгомери подставил себя под такой удар, который вряд ли кто из смертных сумел бы выдержать. Резкий, направленный от пояса к подбородку, удар кулаком, в который Мастер вложил все одиннадцать стоунов собственного веса, пришелся прямо в челюсть. Монтгомери завертелся волчком и рухнул как подкошенный — оглушенный и беспомощный. Невнятный стон пронесся по залу, возбужденные зрители что-то бормотали, перешептывались и, разинув рты, во все глаза глядели на судорожно подергивающееся тело.

— Назад! Назад! — завопил рефери, когда Мастер навис над распростертым человеком, готовый нанести ему завершающий удар, едва он начнет подниматься.

— Назад, Крэгз! Сейчас же назад! — повторил Стэйплтон.

Мастер опустил руки и отошел к канату, не сводя лютого взгляда со своего поверженного противника. Хронометрист отсчитывал секунды. Если при счете «десять» Монтгомери не встанет на ноги, бой будет считаться законченным. Тэд Бартон в отчаянии ломал руки и нетерпеливо переминялся в своем углу. Откуда-то издали, словно сквозь тяжелый, кошмарный сон, до Монтгомери доносился голос хронометриста:

— Три... четыре... пять...

Монтгомери приподнялся на одну руку.

— Шесть... семь...

Он встал на колени, мертвенно-бледный, испытывая страшное головокружение и слабость, но полный решимости встать, встать во что бы то ни стало.

— Восемь...

Он поднялся.

Мастер, как бешеный тигр, набросился на него, нанося беспощадные удары обеими руками.

Все затаили дыхание в ожидании печального конца, тем более печального, что мужественный, но беспомощный человек продолжает бороться, ни за что не желая сдаться.

Человеческий мозг — удивительная машина. Совершенно бессознательно, нисколько не напрягаясь, сбившись с толку, оглушенный, обессилевший юноша вспомнил единственную вещь, которая могла его спасти, — вспомнил о слепом глазе, о котором говорил ему сын Мастера. По виду этот глаз ничем не отличался от другого, но Монтгомери ясно помнил, что речь шла о левом. Он кинулся влево, чуть не сбившись с ног мощным драйвом, угодившим ему в плечо. Мастер повернулся на сломанной ноге и снова оказался перед ним.

— Бей его! Бей! — кричала женщина.

— Прикусите язык! — оборвал ее рефери.

Монтгомери раз за разом уходил влево, но Мастер был проворен и умен. Когда Монтгомери попытался еще раз уйти влево, он развернулся в обратную сторону и ударил его прямо по лицу. Колени Монтгомери подогнулись, и он со стоном свалился на пол. Он почувствовал, пока слепо шарил по полу руками, что больше ему не подняться. Где-то далеко-далеко, как сквозь вату, среди гула множества голосов он слышал роковой голос, отсчитывающий секунды:

— Один... два... три... четыре... пять... шесть...

— Время! — сказал судья.

Тут долго сдерживаемые страсти огромной толпы вырвались наружу. Обитатели Кроксли издали

глухой стон разочарования. Уилсоновцы вскочили на ноги, крича от радости: значит, еще есть надежда. Какие-нибудь четыре секунды — и с их боксером было бы покончено. Но сейчас у него впереди целая минута, за это время он сумеет оправиться...

Рефери огляделся с расплывшимся от удовольствия лицом и смеющимися глазами. Его судейский стул и шляпа запрокинулись назад так, что казалось, того и гляди упадут; он и хронометрист понимающе переглядывались друг с другом. Тэд Бартон и второй секундант бросились к лежащему Монтгомери и, подняв его за руки и за ноги, осторожно потащили в угол и там усадили на стул. Голова Роберта бессильно раскачивалась из стороны в сторону, и казалось, что он так и не придет в себя, но холодная вода, вылитая ему на голову, вызвала у него дрожь, и он, очнувшись, бессмысленно посмотрел вокруг.

— Ура! Он очухался! — закричали все вокруг. — Молодец! Вот удалой малый!

Бартон влил ему в рот несколько капель бренди. Туман в голове немного рассеялся, и Монтгомери наконец стал понимать, где он и что с ним. Но он все еще был слаб и не надеялся, что сумеет продержаться хотя бы один раунд.

— Секунданты, с ринга! — раздался голос рефери. — Время!

Мастер из Кроксли нетерпеливо вскочил со стула. — Держись от него подальше! Дай себе небольшую передышку, — прошептал Роберту Бартон, и Монтгомери снова, уже в который раз, двинулся навстречу своему противнику.

Он получил два урока: первый, когда Мастер загнал его в угол, и второй, когда его обманным путем заманили на ближний бой с таким сильным противником, как Крэгз. Впредь он будет осторожен. Еще один такой удар прикончит его — больше он не может рисковать. Мастер же твердо решил использовать достигнутое преимущество и яростно накинулся на Монтгомери, бешено работая правой и левой. Но Монтгомери был достаточно молод и увертлив, так что изловить его было трудно. Он уже твердо стоял на ногах, да и сознание его прояснилось, а с ним вернулась и сообразительность. Это было интересное зрелище: тяжелый броненосец, старающийся сокрушительным бортовым залпом накрыть маленький, верткий фрегат, маневрирующий так, чтобы не попасть под его прицельный огонь. Мастер выложился весь. Он заманивал студента, разыгрывая усталость; обрушивался на Монтгомери в стремительных атаках. На протяжении трех раундов он, стремясь добраться до своего противника, использовал все трюки, какие только знал. Но Монтгомери с каждой минутой ощущал, как силы возвращаются к нему. Боль от удара почти прошла. Весь первый после нокдауна раунд ему пришлось ограничиться только защитой, и он был страшно доволен, когда ему удавалось ловко ускользнуть от убийственных ударов Мастера. Во втором раунде он уже отважился изредка пускаться в легкие контратаки. В третьем — наносил ответные удары, как только видел незащищенное место. Его сторонники после каждого раунда криками выражали свое одобрение. Даже чугунолитейщики и те подбадривали его с тем благородным бескорыстием, которое присуще настоящим больничникам. Для большинства из них этот юный Аполлон, ставший выше поразившего его несчастья и упорствующий в своем стремлении победить, покуда в нем теплится хоть искра сознания, служил примером настойчивости и мужества.

Тем временем Мастер, и без того имевший угрюмый нрав, все более ярился, видя, как победа ускользает из его рук. Всего три раунда назад исход боя, казалось, был уже решен, а тут приходилось начинать все сначала. К пятнадцатому раунду нарушенное дыхание Роберта полностью восстановилось, ноги и руки снова окрепли. Однако наблюдательная Анастасия заметила в его поведении нечто ободрившее ее.

— Тот удар по ребрам, кажется, начинает сказываться, Джек, — шепнула она Мастеру. — Иначе, чего бы ему так тянуться за бренди? Давай, жми, милый, и он будет твой.

Действительно, как раз в эту минуту Монтгомери быстро выхватил из рук Бартона фляжку и сделал продолжительный глоток. Вслед за тем он со слегка порозовевшим лицом и с каким-то странным выражением целеустремленности в глазах, заставившим рефери пристально посмотреть на него, поднялся на шестнадцатый раунд.

— Драться, как уговорились! — закричал трактирщик Пэрвис, заметив этот неподвижный взгляд.

— Давай, врежь ему! Врежь! — кричали литейщики своему боксеру.

И возбужденный гул пробежал по их рядам, как только они поняли, что их более закаленный и сильный боксер явно берет верх.

Внешне ни на одном из боксеров не было видно

серьезных повреждений. Правда, у Мастера один глаз так заплаыл, что сравнялся со щекой, а у Монтгомери на теле виднелись два-три синяка; лицо его сильно осунулось и побледнело, если не считать красных пятен на щеках, вызванных бренди. Его немного покачивало, когда он встал против Мастера, руки бессильно повисли — словно двухунцевые перчатки, и те стали непомерно тяжелы. Было ясно: он вымотался и отчаянно устал. Еще один удар — и ему не подняться. А если он и сумеет ударить Мастера — тот даже не почувствует его удара; слишком он, Монтгомери, ослаб, и нет у него никаких шансов свалить этого колосса.

Предстоящий раунд должен был решить исход матча.

— Давай, врежь ему, врежь! — истошно ревели болельщики из Кроксли.

Даже суровые взгляды судьи были не в состоянии унять разбушевавшуюся толпу.

Монтгомери выжидал благоприятный момент. Он хорошо усвоил урок, что преподавал ему более опытный противник. Почему бы ему самому не разыграть шутку, которую разыграли с ним, подумал он. Он, конечно, устал, но не в такой степени, как это внешне могло показаться. Глоток бренди вызвал в нем прилив энергии и придал силу, которой он может воспользоваться, если представится случай. Бренди будоражило кровь, а он делал вид, что валится с ног. Роль свою он разыграл отлично. Мастер решил, что перед ним легкая добыча, и кинулся на него с удвоенной энергией, стремясь разом покончить с ним. Он обрушил на него не один, не два, а лавину ударов: левой — правой, правой — левой. Он прижимал Монтгомери к канатам, наносил страшные удары, и при этом так зверски кричал, что было видно: он вкладывает в эти удары всю свою силу.

Однако Монтгомери был достаточно осмотрителен, чтобы не попасть ни под один из этих убийственных апперкотов. Он изворачивался, ловко отступая в сторону, подпрыгивал, уходя от ударов, блокировал их, наносил ответные, но все это он проделывал с видом человека, который абсолютно безнадежен. Мастер, уставший от своих собственных беспорядочно наносимых ударов, нисколько не боясь, как ему казалось, совершенно ослабевшего противника, на какую-то долю секунды опустил руки, и в это мгновение правая рука Монтгомери настигла его.

Это был великолепный удар: короткий, снизу вверх, удар всем корпусом, удар, в который юноша вложил всю силу ног, плеч, рук. Он пришелся как раз туда, куда был нацелен, — точно в челюсть. Ни одна живая душа не смогла бы выдержать такого удара, да еще в такое место. И никакое мужество не могло спасти человека, которому он достался. Мастер опрокинулся навзничь, стукнувшись об пол с таким грохотом, что, казалось, рухнул потолок. Крик, который не сдержал бы ни один рефери, вырвался из тысячи глоток. Мастер лежал на спине, ноги его слегка подогнулись в коленях, гигантская волосатая грудь тяжело вздымалась и опускалась. Он трясся, дергался, но сдвинуться с места не мог. Потом по ногам его пробежала судорога, и он затих. Спротивляться было бесполезно. Он вышел из игры.

— Восемь... девять... десять... Аут! — произнес хронометрист, и оглушительный, громовой рев тысячи зрителей, подобный залпу орудий большого линкора, извещал, что Сайлос Крэгз перестал быть Мастером из Кроксли.

Монтгомери стоял, изумленно глядя на огромное распростертое тело. В эту минуту он едва ли понимал, что действительно все кончено. Он видел рефери, направляющегося к нему с протянутой рукой, слышал свое имя, выкрикиваемое со всех сторон, и наконец заметил, как кто-то бежит прямо на него. На какое-то мгновение он успел разглядеть разгневанное лицо в пылающем ореоле рыжих волос, и тот чей-то кулак ударил его промеж глаз, и он рухнул на пол, растянувшись рядом со своим противником, тогда как с подложки его сторонников пытались оттащить от него разъяренную Анастасию. До его ушей донесся сердитый возглас рефери, визг возбужденной женщины и рев толпы, а затем в голове что-то лопнуло, подобно натянутой струне, и он куда-то провалился.

Уже потом, как во сне, он оделся, как во сне, увидел Мастера с дружелюбно протянутой рукой и усмешкой бульдога на лице, как во сне, слышал его слова:

— Еще несколько минут назад, сынок, я с удовольствием бы свернул тебе шею, но сейчас я против тебя ничего не имею. Здорово ты саданул меня, ничего не скажешь, — такого удара я не получал с восемнадцати лет. Со дня своей второй встречи с Билли Эдварсом. Может быть, ты хочешь продолжить это дело? Если так, то лучшего тренера, чем я, нигде не найдешь. А может быть, тебе больше

нравится старинный бой, знаешь, на кулаках, без перчаток? В общем, как надумаешь, пиши мне сюда, на чугунолитейный.

Монтгомери поблагодарил его за честь, но категорически отказался от предложения. В эту минуту ему вручили тяжелый парусиновый мешочек, полный золотых монет — сто девятносо совершенов, из которых десять он передал Мастеру, получившему также и свою долю денег, вырученных при продаже билетов.

Затем Роберт вместе с Уилсоном, поддерживающим его с правой стороны, Пэрвисом — с левой (Фоссет нес сзади мешок с деньгами), уселся в экипаж и с триумфом, под восторженные крики людей, выстроившихся, словно частокол, вдоль дороги чуть ли не на протяжении всех семи миль, доехал до шахтерского поселка и там сошел.

— Вот здорово! Вот это да! — всю дорогу восклицал Уилсон, которого бой привел в состояние, близкое к экстазу. — Это же просто замечательно! Я еще такого не видел. Знаешь, в Барнсли живет один малый, он о себе воображает больше, чем нужно. Давай-ка мы тебя сведем с ним и покажем ему, где раки зимуют. Соберем приз, так ведь, Пэрвис? Да тебя любой финансировать возьмется!

— Я его поддержку против любого боксера среднего веса, — сказал трактирщик, — какого бы тот ни был возраста, происхождения и цвета кожи. При условии — двадцать раундов по три минуты.

— Я тоже! — вскричал Фоссет. — Чемпион мира в среднем весе — вот кто сидит перед нами.

Но Монтгомери на лесть не поддавался.

— Нет, — заявил он, — теперь меня ждут другие дела.

— Какие еще у вас дела?

— Мне надо получить медицинское образование.

— Э-э, бросьте, докторов у нас и так как собак нерезанных, а вот людей, которые могли бы покаутировать Мастера из Кроксли, не так уж много. Впрочем, вам лучше знать, что делать. Когда станете доктором, можете смело приезжать к нам, в наши края. В Уилсонских копиях вам всегда обеспечено место.

В аптеку Монтгомери вернулся окольным путем. У крыльца стояла докторская коляска и пара лошадей в мыле и пене. Доктор только что вернулся. Пока не было Монтгомери, несколько пациентов, не дождавшись, ушли, так что Олдакр пребывал в отвратительном настроении.

— По всей вероятности, мне надо радоваться, что вы наконец вернулись, мистер Монтгомери, — прошепел он. — Я надеюсь, когда вы в следующий раз возьмете себе выходной день, это будет не в столь неподходящее время.

— Мне жаль, сэр, что я причинил вам некоторые неудобства.

— Некоторые?! Да вы причинили мне не некоторые, а значительные неудобства.

Сказав это, доктор впервые взглянул в лицо своему собеседнику.

— Боже мой, что это с вами? — И он показал на то место, где Анастасия оставила в знак протеста свою отметку.

Монтгомери улыбнулся.

— А-а, пустяки.

— И на подбородке у вас синяк. Я не потерплю, чтобы мой помощник появлялся на людях в таком непристойном виде. Где это вас так угораздило?

— Сэр, как вам известно, сегодня в Кроксли состоялась встреча боксеров.

— И вы оказались среди этой грубой черни?

— Да, мне пришлось побыть среди них.

— И кто же вас так разделал?

— Один из боксеров.

— Кто именно?

— Мастер из Кроксли.

— Боже ты мой! Вы, видимо, чем-то заделали его?

— Да, по правде говоря, я его немного задел.

— Мистер Монтгомери, к сожалению, я должен заявить вам, что при такой практике, как у меня, — ведь я лечу самые высокие круги нашего небольшого городка, — так дальше продолжаться...

В этот момент с улицы до них донесся протяжный звук кларнета, вслед за которым под окном лаборатории грянул торжественный гимн в исполнении большого духового оркестра Уилсонских каменноугольных копей:

*Славься, славься,
наш славный герой!..*

Перед аптекой собралась толпа шахтеров. Они держали какой-то плакат и возбужденно пели.

— Что это такое? Что это значит? — рассердился Олдакр.

— Это значит, сэр, что я достал нужные мне деньги тем единственным способом, который у меня оставался, и считаю своим долгом предупредить вас, доктор Олдакр, что вам следует, не теряя времени, подыскать себе нового помощника.

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ

ВЕНДЕТТА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Я наклонился над черной бездной и обронил вниз пару ласковых.

Обычно Бяша понимает: если культурный человек — я, например, — катит на него тяжелые валуны ласковых, значит, человек на краю. На краю своего интеллигентного долготерпения. И поставил культурного человека на край он, Бяша. Своим необычайно тонко чувствует. Даже когда ему бывает затруднительно вязать лыко. Даже когда случается оказаться совсем плохим — зрочки на свет не реагируют. Диковинно, но факт: и в этих — по-научному экстремальных — обстоятельствах пара ласковых всегда доходит до Бяшиного сознания, и он покаянно мычит — просит прощения за причиненные хлопоты.

Тем более поразительно выглядела сложившаяся сейчас ситуация: мы успели приговорить всего-навсего одного «Ермака Тимофеича» (по ГО-СТу — «Сибирской»), а Бяша не подавал никаких признаков жизни вот уже, наверное, минут двадцать. Этого просто не могло быть.

Ну, спустился человек в погреб за солеными, ядреными, дубовым листом приправленными огурчиками. Что с того? Сколько можно нагружать миску? Миска не грузовик, тут не попотеешь. Или, может, нету у тебя больше лобастых, в пупырешках, может, пожрал ты их все за зиму? Так ты вылезай сюда, на свет, объяснись культурно, не морочь людей...

И вдруг в ходе данного рассуждения в голове моей высветило: и впрямь морочит меня Бяшка, прятки, дурковатик, со мной затеял. В сердцах прострочил я черный квадрат подпола забористой очередью. И «пульки» в той очереди были на заглядение — одна к одной, хоть личным клеймом меть.

В ответ — ни гу-гу. Тогда я вооружился пряником. — Бяша, — ласково так зову, — кончай шутковать, «Ермак Тимофеич» простынет.

И снова ни гу-гу. Хотя Бяша отродясь не давал простынуть ни белому, ни красному, ни заводскому, ни самодельному. «Тады — ой!» — подумал я словами одного киногероя и метнул в проем порожний «пузырь».

Где-то глубоко под землей глухо отгремели склянки, и наружу опять вылезла тишина. Я покрылся испариной, но заставил себя снова склониться над квадратной бездной. Ничего не разглядев, я нащупал ногой первую ступеньку и начал спускаться вниз. Скланный хлад ласкал мою спину, но я самоотреченно продолжал спуск.

Внезапно под ногой что-то взвизгнуло. Я коротко вскрикнул, цепenea от ужаса. Но в следующую секунду во спасение свое смекнул: это башмак скользнул по боку разбитого «пузыря». Я был на дне погреба.

Подземелье жило своей жизнью: полусгнившие полки, как в гамаках, отдыхали от безделья в мощных сетях паутины, по которым деловито шастали злощные пауки-акселераты; сиротливой горкой, сознавая, что обречены, ютились в углу толстобрюхие импортные бутылки, не подлежащие обмену; с ними соседствовал ящик-пенсия, просроченный бледнолицыми поганками и давно позабывший, кому и для чего он служил. И только две кадочки, кокетничая новенькими обручами, всем своим видом хвастались: к ним-де регулярно прикасаются человеческие руки.

Это были кадки для огурцов, без которых Бяша жизни своей не представлял и которые, по правде сказать, засаливал мастерски, пользуясь таинственной прадедовской технологией. Бяша никому не выдавал секретов посола, не зарясь ни на какие посулы.

Повертев голову туда-сюда, я удостоверился, что больше в погребе ничего не было.

То есть как это ничего? А где Бяша, который спустился сюда полчаса назад?

Я лихорадочно обшарил глазами стены, потолок и пол погреба, ворохнул горку бутылок, поддел ногой ящик, качнул полки в паутиных люльках,

пырнул в одну кадочку — там шуршащей подушкой покоились высохшие листья, коренья и прочая неведомая мне растительность (Бяша сильно уважал рассол), потом в другую, опустошенную лишь наполовину, — там подводными лодками, всплывшими на поверхность, покачивались стройные тела нежинских и... и... миска! Бяшина миска!

А где же сам Бяша?!

Бяшкина Ивана Кузьмича, 1950 года рождения, колхозного электрика, не имевшего грамот и благодарностей за хорошую работу, холостого и даже не пытавшегося делать предложений деревенским барышням в силу осознания некоторых своих недостатков, — так вот этого самого Бяшкина, а для меня, его кореша, просто Бяши, в погреб не было! Миска была, а Бяши не было!

Волосы мои, все как один, встали по стойке «смирно», душа рванулась в пятки и сообщила им такой импульс, что я бестелесным ангелом вылетел из погреба, а заодно и из Бяшиной избушки.

На улице капель суетливо выводила трень-брень, ручьи вели непринужденный треп, воробьи выделывались в мертвых петлях перед воробьями, солнце трудолюбиво припекало макушки односельчан. Март как март.

Не сразу — шажок за шажком, крадучись, с оглядкой — душа моя вернулась на свое место, и я стал отвечать прохожим на приветливое «наше вам!». Наконец, я ожил настолько, что остановил шмыгнувшего мимо меня огольца небрежным вопросом:

— Эй, Леха, ты часом Бяшкина не видал?

— Как не видеть? — степенно отвечал оголец. — Вы ж с ним, дядя Петро, час назад из магазина вместе шли. И в авоське у вас три бутылки было.

— Но-но, — строго оборвал я огольца, — сосчитал уже, математик. Гуляй давай, Лобачевский.

Но Леха неожиданно вскинул ручонку указующим жестом и объявил:

— Так вон же он, дядя Бяшкин, в окошке!

Я глянул и обомлел: в окошке своей избы, строя невероятные рожи и призывно жестикулируя, торчал Бяша.

Деревянно ступая, я втокнул себя в избушку, где, помимо Бяши, обитал, как пить дать, ехидный домовой.

Бяша плюхнулся на табурет и зашелся в квохчащем смехе, привольно распахнув зубастую акулюю пасть.

— Ты где был?

— У Карасевых! Кх-кх-кх... Слышь, мне огурчики верхние не глянулись, я и толкнул бочку-то, а сзади, у стенки, вдруг земля как сыпанет! Я нагнулся, вижу, дыра. Я в нее, а там, слышь, туннель! Прямо как подземный переход в Москве, только поуже и без мрамора. Ну я по этому переходу и перешел на четвереньках все сорок метров...

— Почему сорок-то?

— Что ж я не знаю, сколько до соседской, до карасевской, значит, избы метров? Сорок и есть.

— Да причем тут Карасевы?

— А при том, что я в ихнем погребе очутился! Х-х-х-х... Не словил? Кх-кх-кх-кх... Слышь, лет сто назад прадед мой, Бяшкин Анисим, заслал сватов к Кланьке Карасевой, а та ему от ворот поворот сделала: прадед-то, сказывают, кособок был. Тогда Анисим с дружками те самые ворота дегтем. Ну, Кланькины брательники не стерпели, подкараулили Анисима и другой бок ему скособочили... Однако ж бедолага нашел себе хроменькую вдовушку и через сколько-то лет по слабости здоровья завещал сыну своему — моему, значит, деду — отомстить за поругание. А дед в церковном хоре пел — глотка, видать, была луженая. И вот, слышь, во время службы дед спел Карасям «анафему»... Х-х-х... Его, ясное дело, из хора поперли, но обидчиков все же он ославил — деревня живыто

надсадила со смеху... Правда, и за Карасями не заржавело. Пospорили с дедом, что не сvezти ему бочку с водой вместо лошади. Дед сvez. А деревня опять лежмя лежит: эти хитрованцы, Караси-то, побились об заклад с десятком дворов, что заставят Бяшкина на себе воду возить. А воду-то на ком возят? То-то и оно, что на дураках. Обрати они, значит, верх взяли... Тут уж подошел черед моему батьке в войну вступать. Отбил он от стада карасевскую корову, оседлал и версты две гнал галопом. Едва отходили коровенку. Караси сперва затамились, а после отловили наших курей, поди с дюжину, обшарили до перышка и назад возвратили — голеньких. Сызнова их слово последнее. Теперь вот мне надо им шкodu учинять.

— Их ты! — прощептал я, замороженный рассказом о вековой борьбе Бяшей с Карасями. — Так ведь лаз открывает для этого, как говорят образованные люди, широкие горизонты!

— Вот и я об том же! А лаз — во, целехонький! И не поймешь, как это он так здорово сохранился: подкoп-то под Карасей еще Анисим вел. О нем в роду нашем толки ходили, но где его начало, то ли забыли, то ли Анисим объяснить не успел. А батя раз посмеялся: найдем, мол, что делать станем? Вот бы мне скумекать... Может, провести к ним в погреб лампу ватт на 500 и ночью включать, выключать, по избе через щели сполохи пойдут — жуть!

— Как же их тебе дрыгнувший человек увидит? Нет, тогда уж подводи к ним будильник с дистанционным управлением, и часика этак в два-три — дз-з-з... По самой середке сна. Да каждую ночь...

— Хорошо б что-нибудь позаконспиристее. Чтоб до райцентра дошло, чтоб в газетах напечатали.

— На славу потянуло, Бяша?

— А что ж! Мы, Бяшкины, завсегда... Слышь, а может, вылезти к ним в горницу днем, когда все на работе, передвинуть мебель, а разными там тарелками, чашками выложить во дворе: Бяшкины — si! Карасевы — no!

— Иван Кузьмич, давно ль по-испански вы начали петь?

— По радио слышал — красиво...

В тот субботний день ни один вид мести не был утвержден: очень уж высокие требования предъявили мы себе. А в воскресенье вечером ко мне ворвался Бяша и с порога, странно сияя, всадил в меня, как гарпун, вопросик:

— Ну, чего удумал?

— Март на дворе... — неуверенно объявил я. — Можно мартовских котов наловить — и в погреб к Карасям: такой концерт зададут... — И я стыдливо потупился, страдая от убожества своей выдумки.

— Эх, ты, Петро, башка с ведра, а кроме литража, никакого барыша. Айда за мной!

Посреди однокомнатной Бяшиной избушки стоял стол, непривычно застланный расписной, видать, бабкиной еще, скатертью, а на нем красовались миски с солеными грибами: рыжиками и лисичками, груздями и маслятами, чернушками и свинушками, подосиновиками и сыроежками и, конечно же, грибными королями — белыми.

— Это чего, Бяша? День рождения у тебя? На рынок мотался?

— Не-а, — лучился акулей улыбкой Бяша, тая в могучей груди взрыв хохота. — Это моя месть Карасям! Не словил?

Я не словил, и, когда отгремели раскаты удовлетворенного Бяшиного хохота, он сказал:

— Кто в деревне лучше меня солит огурцы? Никто. А кто лучше Карасей солит грибы? Тоже никто. Так вот я сегодня ихние секреты раскушу, и это будет им нож в сердце!

— Значит, грибочки эти из карасевского погреба? По туннелю имени прадеда Анисима приплыли?

— Ну, не с базара же, — снисходительно подтвердил мою догадку Бяша. — Бери сметану, подсолнечное масло, чего хочешь, а я без приправы пробу снимать буду, чтоб вкус не перебивала.

Хрустально заискрился «Ермак Тимофеич» в тонких фужерах, извлеченных из глубины буфета

ради такого торжественного случая. Бяша посерьезнел, неспешно прожевывая дары природы, к каждому грибку осуществляя индивидуальный подход. При этом он то прикрывал глаза, то воздевал их к потолку; то тихонько причмокивал, вытягивая губы, точно для поцелуя, то нарочито громко чавкал, неистово терзая нежную грибную плоть; а то внезапно замирал, видимо, нащупывая ключ к раскрытию тайны. Его зубастый рот был сейчас микролабораторией, в которой проводились сложные исследования.

Через четверть часа Бяша сказал:

— У них, слышь, всякий гриб свой лесной вкус хранит. Подберезовик, к примеру, с моховиком никак не спутаешь. Да что там — красную сыроежку от белой отличить! Мастера-а...

Следующее заявление Бяша сделал через полчаса.

— Солят и горячим посолом и холодным... Ну там с укропом, чесноком, лаврушкой, смородиновым листом все ясно. И пропорции чую. Но вот что еще пихают — для закрепления, значит, первородного духа?.. Не го мох, где гриб уродился, не то кору дерева, под которым он сидел, не то... — И Бяша замолчал до одиннадцати вечера.

А в одиннадцать разразился кризис. Бяша заматал головой, давая виски ладонями, и застонал:

— Не могу словить. Ну никак!

Бяшино отчаяние передалось мне, я промокнул глаза хлебным мякишем и обнял крутые плечи естествоиспытателя.

Оставлять Бяшу на ночь наедине с грибами было опасно, и я принял решение заночевать у него. Забылись тяжким сном...

Проснулись мы разом — от ледящего душу ухастья филина. По избе металось что-то белое, взмахивая белыми же крыльями. И ухало.

— Чур, чур! — не своим шепотом зашептал Бяша.

Я юркнул головой под подушку.

Как рассказал после Бяша, привидение, поколбродив еще с минуту, провалилось сквозь землю.

— Куда-куда? — прицепился я.

— Ну... сквозь пол...

— В подпол! — уточнил я и зажег ручной фонарь.

Бяша взял топор, и мы осторожно спустились в погреб. Лучом фонарика, как миноискателем, я принялся прощупывать подземелье метр за метром. Все здесь мне было уже знакомо: и горка заморских бутылок, и щик-пенсия, и запутавшиеся в сетях паучьей мафии полки...

— А-а! — вскрикнул я, роняя фонарь и бросаясь к лестнице: луч света напоролся на что-то белое! Сомнений быть не могло — это было то самое, что ухало филином, а потом провалилось сюда. Бяша — уже наугад — метнул в него топор.

Насколько можно было судить по звуку, железное вонзилось в сырое дерево. Значит, промазал! Бяша, надо отдать ему должное, все же не потерял

присутствия духа — поднял фонарь и осветил полки. На самой верхней мы увидели пригвожденный к стене топором большой лист ватмана. По нему, выведенные красным фломастером, бежали крупные печатные буквы: «Бяшкин, не дрейф! В эпоху НТР привидений не бывает!» И помельче — зеленым фломастером: «А огурчики у тебя мировецкие. Берегись, разгадаю я твои секреты!»

— Не разгадаешь! — неожиданно гаркнул Бяша и сунул кукиш в черную дыру лаза. — Он думает, слышь, Петро, раз он техникум кончает, значит, его взяла!

— Это Сенька, что ль, Карасев?

— Он, кто же еще... Нет, если уж я не дотумкал до их секретов, им до моих ни в жизнь не дотумкать!

Поднялись наверх. Шел второй час ночи.

— Слышь, Петро, а как Сенька туннель нашел? Я нашел, и он тут же...

— Совпадение, — неуверенно предположил я.

— Чудно. Ну да ладно. Надо срочно отомстить.

— Так мы ж ничего заковыристого не придумали.

— Наплевать. Пролезу к Карасям в погреб и дымовушку запалю. Из расчески. Я в детстве по этой части большой спец был... Дым как по-прет — Карасы подумают: пожар! Похлестче привидения будет! Верно, а?

— Сенька в школе вроде бы в химический кружок ходил...

— Ну и что?

— Как бы он тебе в ответ маленькое землетрясение не устроил... Взорвет чего-нибудь...

Бяша глянул на меня строго и с подозрением.

— Ты что, не хочешь, чтобы мой верх был?

— Ну ты скажешь... Я только хочу, чтобы верх за тобой и остался. Чтоб Карасы, значит, больше на тебя в атаку не ходили... Обхитрить их надо. Я так понимаю — им твою огуречную загадку не разгадать...

— Ни в жизнь!

— А тебе ихнюю, грибную?

Бяша вздохнул.

— Так обменяйтесь, дьяволы, опытом! И вообще — карты на стол! — распалился я. — Пусть вся деревня солил-маринует по вашим рецептам. Завалим область бяшкинскими огурцами и карасевскими грибами! Вот тогда и газеты о вас раструбят. А там, глядишь, отгрохают у нас огуречно-грибной комбинат и тебя генеральным директором назначат. На всю страну прославишься. Экспорт наладишь. «Сыроежки соленые. Изготовлены по древнерусской технологии». Земной шар исколесить!

Бяша, ошалело уставившийся на меня, вдруг спросил севшим голосом:

— А если... это... Сеньку Караса генеральным-то?

— Никак невозможно. Идея-то твоя! Инициатива-то твоя! В этом-то и хитрость, Бяша! Карасю что останется? Только в замы к тебе проситься...

— Тогда... чего ж... Мы, Бяшкины, для общества навсегда... А к делу-то как подступиться?

— Бери бумагу, пиши...

Глубокой ночью Бяша пересек под землей границу двух владений, доставив в карасевский погреб официальное письмо. В нем Карасеву С. А. предлагалось пойти на мировую и обнародовать прадедовские тайны. Прозрачно намекалось на сказочные перспективы, которые откроются в результате замирения перед колхозом и областью. Умалчивался лишь вопрос о генеральном директоре — из дипломатических соображений. Заканчивалось послание, по настоянию Бяши, агрессивно: он указывал Карасеву С. А. на незаконность использования туннеля, поскольку прорыл его Анисим Бяшкин.

...В ночь со среды на четверг Бяшу разбудило шеворухение в погреб. Бяша приготовился взлететь на воздух. Однако ничего похожего не произошло. Напротив, все стихло. Бяша спустился вниз и обнаружил конверт с надписью: «Бяшкину И. К.»

Посчитав обстоятельства чрезвычайными, Бяша поднял меня на ноги через семь минут: три минуты одевался и четыре шел на рысьях до моей избы.

— Вот, — загнув дыша, сказал он, — даже не распечатывал...

Понимая, что развитие событий достигло апогея, я взял ножницы и аккуратно срезал боковинку конверта. Потом извлек оттуда сложенный вчетверо листок, развернул его под drobный перестук двух сердец, и наши головы склонились над разгонистыми уверенными строчками, жадно и настороженно постигая содержащуюся в них информацию.

«Ув. тов. Бяшкин! — читали мы. — По первому вопросу сообщая: на обмен опытом согласен. Детали ознакомления тружеников села с секретной технологией требуется обсудить. Симпозиум предлагаю провести у нас дома в субботу в 10 утра.

По второму вопросу должен огорчить. Может, Анисим Бяшкин и вел под нас подкоп. Это на него похоже. Но что довел до конца — сказки. Для этого нужны специальные знания. Лично я их получил в строительном техникуме, благодаря чему и построил вместе с товарищами 40-метровый туннель, который нам зачли как преддипломную практику. Комиссия приняла туннель с оценкой «отлично». Извини, сосед, за такие несладкие пироги.

И последнее. На симпозиум можешь явиться по туннелю. Я разрешаю».

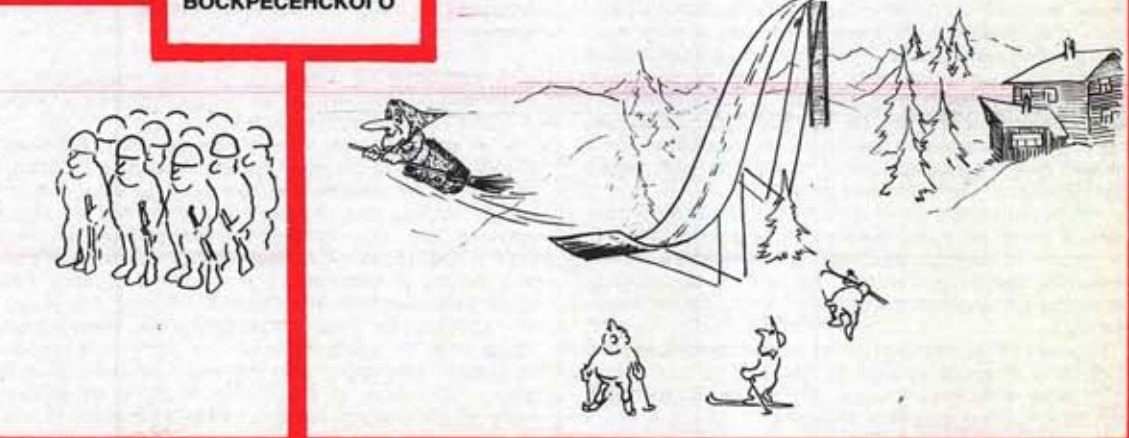
Прочли мы это с Бяшей и уставились друг на друга. Я присвистнул, он поскреб в макушке.

— Карась-то, слышь, отличник, — обреченно сказал Бяша. — А я ему тогда дымовушку-то запалил. Люто зачудила — чуть сам не задохся...

— Это очень даже хорошо, что Карась отличник, — утешил я Бяшу. — Когда генеральный директор — сосед, он всегда найдет тебе местечко на комбинате. По старой дружбе.

Рисунки
Петра
ВОСКРЕСЕНСКОГО

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.03.79. Подписано к печати 20.03.79. А 01032. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 786. Заказ № 308. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

УТРЕНЬ.

НА ОДНУ СТОРО

НАД РОССИЕЙ СЛЫШАТСЯ ШАГИ

В ПЛЕСКЕ ЛИВНЕЙ, В ПОСВИСТЕ ПУРГИ.

ЕСЛИ ШАГ РАЗМАШИСТЫЙ,

ТАК, КАК ПОЛАГАЕТСЯ,—
ТОЛЬКО СЕРДЦУ СОБСТВЕННОМУ В ТАКТ.

ПОШИРЕ ШАГ, ПОШИРЕ ШАГ, РОССИЯ.
ЗА НАМИ БЛЕСК ГРЯДУЩИХ ЮНЫХ ГЛАЗ.
И ПУСТЬ МЫ НЕ ТАКИЕ УЖ ПЛОХИЕ,
ИДУТ ЗА НАМИ ТЕ, КТО ЛУЧШЕ НАС...

ДАЖЕ НЕ РАССПРАШИВАЙ,
ЕСТЬ ЛИ У ШАГОВ ТАКИХ ВРАГИ.

НО ВРАГАМ ПРИДЕТСЯ НЕЛЕГКО,
ИБО МЫ ШАГАЕМ ШИРОКО.
В РОЩАХ И УРОЧИЩАХ
ОТ ШАГОВ ГРОХОЧУЩИХ
ЭХО РАЗДАЕТСЯ ДАЛЕКО.

ПРИПЕВ.

НАД РОССИЕЙ СЛЫШАТСЯ ШАГИ.
ТЫ В ПУТИ НИ ШАГОМ НЕ СОЛГИ.
ПРЯМО—ЭТО ЗДОРОВО!
НО СВЕРНИ В ТУ СТОРОНУ,
ГДЕ УСЛЫШИШЬ ЧЬЕ-ТО «ПОМОГИ!».

ВСЕ ПЕРЕШАГНИ И НЕ РОБЕЙ.
ЕСЛИ ГОРЫ ВСТРЕЯТСЯ—ПРОБЕЙ!
ПЕСНЕ ТЫ ПОДТЯГИВАЙ,
НО НЕ ПЕРЕШАГИВАЙ
НИ ДРУЗЕЙ, НИ СОВЕСТИ СВОЕЙ.

ШАГИ

Стихи Евгения ЕВТУШЕНКО

Музыка Евгения КРЫЛАТОВА

Над Россией слышатся шаги,
Тупельки стучат и сапоги,
Детские сандалики,
Кеды и так далее—
У высотных зданий и тайги.

А куда наш следующий шаг?
Страшно, если мы шагнем не так.
Пусть нам всем шагаются
Так, как полагается,—
Только сердцу собственному в такт.

Припев:

Пошире шаг, пошире шаг, Россия.
За нами блеск грядущих юных глаз.
И пусть мы не такие уж плохие,
Идут за нами те, кто лучше нас...

Над Россией слышатся шаги
В плеске ливней, в посвисте пурги.
Если шаг размашистый,

Даже не спрашивай,
Есть ли у шагов таких враги.

Но врагам придется нелегко,
Ибо мы шагаем широко.
В рощах и урочищах
От шагов грохочущих
Эхо раздается далеко.

Припев.

Над Россией слышатся шаги.
Ты в пути ни шагом не солги.
Прямо—это здорово!
Но сверни в ту сторону,
Где услышишь чье-то «Помоги!».

Все перешагни и не робей.
Если горы встретятся—пробей!
Песне ты подтягивай,
Но не перешагивай
Ни друзей, ни совести своей.

КРОССВОРД

Составил Г. ПОТАПОВ,
Челябинск

По горизонтали:

- Песня И. Дунаевского.
- Советский космонавт.
- Ценная промысловая рыба семейства карповых.
- Черноморский порт в Абхазии.
- Старая русская мера зерна.
- Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
- Разновидность плотвы.
- Комплект типографских литер.
- Приток Енисея.
- Одноместное спортивное судно.
- Главная артерия кровообращения.
- Работник радио и телевидения.
- Столбец типографского набора.
- Горный массив в Алжирской Сахаре.
- Слоистый мягкий минерал.
- Роман Ф. М. Достоевского.
- Третейский суд, разрешающий споры между предприятиями, организациями.
- Советский сатирический журнал.

По вертикали:

- Песня на слова Е. Винокурова.
- Фотография, карточка.
- Крупная морская птица.
- Украинская писательница.
- Ансамбль музыкантов-исполнителей.
- Сооружения для хранения и ремонта самолетов.
- Курорт в Крыму.
- Пролив между Балканским и Апеннинским полуостровами.
- Наиболее яркая звезда в созвездии Орла.
- Линейка или циферблат с делениями.
- Бахчевая культура.
- Древнегреческий астроном.
- Потухший вулкан в Армении.
- Ивовый кустарник.
- Курорт в Дагестане.
- Передача в живописи изображения в перспективе.
- Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда.
- Бухгалтерское извещение об изменении взаимных расчетов.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

- «Магнитка».
- Оратория.
- Тунец.
- «Комсомольск».
- Московка.
- Тигранян.
- Скважина.
- Саксофон.
- Матусовский.
- Брасс.
- Шумерля.
- Быков.
- Мотоцикл.
- Открытие.

По вертикали:

- Шонин.
- Спорт.
- Гастелло.
- Эпод.
- Тарасова.
- Горизонт.
- «Таня».
- «Пионерия».
- «Молодежная».
- Островский.
- Кран.
- Икма.
- Кирсанов.
- Ансамбль.
- Скворцов.
- Объектив.
- «Столл».
- Шлиф.
- Явка.
- Брыль.

ПОРТРЕТ ЖОРЫ СЕМЕНОВА.

ЭСКИЗ К ФИЛЬМУ «ВОЙНА И МИР». «РАЗВАЛИНЫ», ФРАНЦУЗЫ В МОСКВЕ.

ПАЛИТРА ЖИЗНИ

Судьба Вениамина Костицына, дипломника художественного факультета ВГИКа, сложилась так, что, прежде чем выбрать дорогу в искусстве, он немало повидал в жизни. Бродил с рюкзаком за плечами по сибирской тайге, работал в Норильске, путешествовал по Дальнему Востоку. Впечатления той поры навсегда остались в памяти: тихие таежные распадки, буйные реки, сильные и добрые люди, которые часто встречались на его пути. Еще тогда он почувствовал необходимость тщательного изучения жизненного материала.

Решив рассказать в своих полотнах о людях труда, художник считал своим долгом сначала поработать с этими людьми плечом к плечу, чтобы почувствовать их радость от свершенного, ощутить

их душевную настрой и нравственную чистоту.

Именно так рождалась серия картин под общим названием «Маляры», центральное место в которой занимает образ нашего современника — молодого рабочего, создателя. Не один месяц провел художник на стройплощадках, постигая психологию своих героев в рабочих комбинезонах.

Процесс глубокого, внутреннего постижения темы он считает главным в творчестве. И потому каждому его полотну предшествует подчас большая, поистине исследовательская работа. Будь это пейзажи или портреты, графика или сложные, многофигурные полотна, Вениамин приступает к реализации своих замыслов только тогда, когда ему становится до конца по-

нятно собственное отношение к теме, найден ключ к ней.

Увлечшись временем Великой Октябрьской революции, временем становления Советской власти, Вениамин открывает для себя знаменитую повесть А. Толстого «Гадюка». Художник снова и снова перечитывает текст, вживаясь в образную ткань повести, в мир ее героев... В итоге рождается большой графический цикл, который на выставке студенческих работ в Ленинграде был удостоен диплома I степени.

Как и у большинства сверстников, у Вениамина Костицына главное — впереди. Об этом можно говорить с уверенностью, так как у молодого мастера есть свой почерк, свое особенное художническое видение мира.

Ян ВЛАДИН

СУХИЕ ЛИСТЬЯ.

БРИГАДА МАЛЯРОВ.

ОТТЕПЕЛЬ. НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ.